

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ
СЕРИЯ:
СОЦИОЛОГИЯ**

2022 Том 22 № 2

**Научный журнал
Издается с 2001 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61214 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF SOCIOLOGY**

2022 Volume 22 No. 2

**Founded in 2001
by the Peoples' Friendship University of Russia**

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 22.00.00 — социологические науки и 09.00.11 — социальная философия. Журнал включен в ядро РИНЦ, RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. Журнал индексируется в базе данных Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics). Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20826.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» — периодическое международное рецензируемое научное издание в области социологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала: публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам социологической науки, широкий обмен результатами теоретических и эмпирических исследований между специалистами, работающими в различных областях социально-гуманитарного знания. На страницах журнала публикуются материалы по историографии мировой социальной мысли как классического, так и современного периода; статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований по проблематике специальных социологических теорий, по методологии и методике социологических исследований и др. В журнале выступают специалисты, представляющие ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также вузы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность публиковаться в нем представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/sociology>.

Электронный адрес: socioj@rudn.ru.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

RUDN JOURNAL OF SOCIOLOGY

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. The journal is indexed and abstracted in the Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN Journal of Sociology) is a peer-reviewed international academic journal publishing research in sociology and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal: to publish the results of fundamental and applied research on the topical issues of sociology, and to ensure a broad exchange of the results of theoretical and empirical studies between scientists from different fields of social sciences and humanities. In the journal one can find papers on the historiography of the classical and modern periods of the world social thought; on the results of fundamental and applied research devoted to the problems considered by special sociological theories; on the difficulties in choosing methodological approaches and techniques for the study of complex social phenomena, etc. The journal publishes papers of the authors representing the leading sociological centers, institutes, organizations, and universities in Russia and abroad. The thematic 'repertoire' of the journal presents opportunities for authors from many disciplinary fields (political scientists, historians, economists, etc.) relying on the empirical sociological data in their research. The journal also welcomes book reviews, literature overviews, and conference reports.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/sociology>.

E-mail: socioj@rudn.ru.

Подписано в печать 15.05.2022. Выход в свет 30.05.2022. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 18,53. Тираж 500 экз. Заказ № 425. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии РУДН, Россия. E-mail: narbut-np@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Троцук И.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии РУДН, Россия. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Бакиров В.С., доктор социологических наук, профессор, научный руководитель Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, академик НАН Украины, президент Украинской социологической ассоциации (Украина)

Гаспаривили А.Т., кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Центра стратегии развития образования МГУ им. М.В. Ломоносова

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Горшков М.К., академик РАН, доктор философских наук, научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, директор Института социологии ФНИСЦ РАН

Диас Николас Х., доктор политологии, профессор факультета политических наук и социологии Мадридского университета Комплутенсе (Испания)

Егорышев С.В., доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Иванов В.Н., член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, советник РАН

Куропятник М.С., доктор социологических наук, профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Назарова И.Б., доктор экономических наук, директор Аналитического центра Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Пан Д., доктор социологических наук, профессор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г., кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Пузанова Ж.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, заведующая лабораторией социологических и фокус-групповых исследований факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Ротман Д.Г., доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Хагендорн Л., доктор философии (социальная психология), почетный профессор Утрехтского университета (Нидерланды)

Чамбаликова М., доктор философии (социология), профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Шастри С., доктор философии, профессор, вице-канцлер университета Джагран Лейксити (Индия)

Шафранец К., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии образования и молодежи Института социологии Университета Николая Коперника в Торуне (Польша)

Шнайдер С., доктор философии (социология), профессор Федерального университета Рио-Гранде-ду-Сул (Бразилия)

Шубрт И., доктор философии (социология), профессор факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

Шувакович У., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Белградский университет (Сербия)

Литературный редактор *К.В. Зенкин*

Компьютерная верстка *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Макляя, д. 10/2

Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: socioj@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Narbut N.P., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia.
E-mail: narbut-np@rudn.

EXECUTIVE SECRETARY

Trotsuk I.V., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia.
E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Bakirov V.S., D.Sc (Sociology), Professor, Scientific Director of V.N. Karazin Kharkiv National University, Academician of National Academy of Sciences of Ukraine, President of Ukrainian Sociological Association (Ukraine)

Gasparishvili A.T., PhD (Philosophy), Associate Professor, Deputy Director, Center for Educational Development, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Center for Social Structure and Social Differentiation, Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Gorshkov M.K., D.Sc (Philosophy), Academician of Russian Academy of Sciences, Scientific Director of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences, Head of Institute of Sociology of FCTAS of RAS (Russia)

Hagendoorn L., D.Sc (Social Psychology), Professor Emeritus, Utrecht University (Netherlands)

Díez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor, School of Political Sciences and Sociology, Complutense University of Madrid (Spain)

Egoryshev S.V., D.Sc (Sociology), Senior Researcher, Institute of Social and Economic Studies, Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences

Ivanov V.N., D.Sc (Philosophy), Professor, Corresponding Member and Advisor, Russian Academy of Sciences (Russia)

Kuropjatnik M.S., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Saint Petersburg State University (Russia)

Nazarova I.B., D.Sc (Economics), Head of Analytical Center, National Research University "Higher School of Economics" (Russia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoyskiy D.G., PhD (Philosophy), Associate Professor, Chair of Social Philosophy and Philosophy of History, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Puzanova Zh.V., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Laboratory of Sociological and Focus-Group Research, RUDN University (Russia)

Rotman D.G., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Center for Sociological and Political Research, Belorussian State University (Belorussia)

Shastri S., PhD (Philosophy), Professor, Vice Chancellor, Jagran Lakecity University (India)

Schneider S., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology of Rural Development and Food Studies, Federal University of Rio Grande do Sul (Brazil)

Szafranec K., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Sociology of Education and Youth, Institute of Sociology, Nicolaus Copernicus University in Toruń (Poland)

Čambáliková M., PhD (Sociology), Professor, Researcher, Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences; Head of Sociology and Social Psychology Chair, Higher School Danubius (Slovakia)

Šubrt J., PhD (Sociology), Professor, Faculty of Humanities, Charles University (Czech Republic)

Šuvaković U., D.Sc (Sociology), Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, University of Belgrade (Serbia)

Review Editor *Konstantin V. Zenkin*

Computer design *Irina A. Chernova*

Editorial office:

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: socioj@rudn.ru

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

+7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Шубрт И. Институты: многообещающая недостаточно раскрытая тема (на англ. яз.)..... 249

Чернозуб О.Л., Терешкин С.И. Двухкомпонентная модель факторов поведения: феномен упреждающего вовлечения ситуационно доминирующего фактора (на англ. яз.) 259

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Назаров М.М., Иванов В.Н., Кублицкая Е.В. Социальные представления о covid-19 в условиях нестабильной информационной среды (исследование середины 2021 года) 275

Голенкова З.Т., Хагуров Т.А. Региональная молодежь в нелинейном глоболокальном социуме: новые формы социального напряжения..... 291

Богданов В.С., Почестнев А.А. Экспертное группообразование при принятии решений о развитии регионов: раскол или сплоченность (на примере реализации национальных проектов)..... 306

Масленникова Е.В., Шебураков И.Б., Татарина Л.Н. Анализ применения кадровых резервов в системе государственного управления 324

Эбзеева Ю.Н., Гишкаева Л.Н. Перспективы продвижения российских вузов в международном академическом рейтинге ARWU 337

Полутин С.В., Мотькин Р.В., Мотькин В.Н. Удовлетворенность арбитражных управляющих условиями труда 352

Зайнуллин Р.И., Макаренко И.А. Возраст как элемент социального портрета несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства 362

Кошарная Г.Б., Каримова Л.Ф. Пути преодоления основных проблем социальной защиты малообеспеченной молодежи (на примере Пензенской области) 374

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

Шарков Ф.И., Силкин В.В., Киреева О.Ф. Невербальные признаки образа личности: коммуникативные значения выражений лица (на англ. яз.)..... 387

Иванов А.В., Попков Ю.В. Типология цивилизаций в диахроническом измерении: базовые модели и перспективы России404

РЕЦЕНЗИИ

Кирабаев Н.С., Гнатик Е.Н., Жубрин И.А. О связи социального и гносеологического аспектов цивилизационного подхода.....416

Троцук И.В. Несправедливая справедливость, или как социальный активизм разрушает идеи равенства и «хорошего общества»426

Никулин А.М. Периферизация староосвоенности российских регионов.....439

Субботина М.В. Феномен дружбы в контексте изучения социального благополучия.....451

НАШИ АВТОРЫ461

CONTENTS

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Šubrt J. Institutions: a promising topic insufficiently clarified.....249

Chernozub O.L., Tereshkin S.I. The two-component model of behavior factors:
The phenomenon of anticipatory engagement of a situationally dominant factor.....259

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Nazarov M.M., Ivanov V.N., Kublitskaya E.A. Social representations of covid-19
in the unstable information environment (a mid-2021 study)275

Golenkova Z.T., Khagurov T.A. Regional youth in a nonlinear global-local society:
New forms of social tension291

Bogdanov V.S., Pochestnev A.A. Expert group formation for making
the regional development decisions: disagreement or cohesion
(on the example of national projects implementation)306

Maslennikova E.V., Sheburakov I.B., Tatarinova L.N. Analysis of the use
of personnel reserves in the public administration system324

Ebzeeva Yu.N., Gishkaeva L.N. Prospects for the promotion of Russian universities
in the international academic ranking ARWU337

Polutin S.V., Motkin R.V., Motkin V.N. Job satisfaction of arbitration managers.....352

Zainullin R.I., Makarenko I.A. Age as an element of the social portrait
of the juvenile participant in the criminal process362

Kosharnaya G.B., Karimova L.F. Ways to solve the main problems
of social protection of the low-income youth
(on the example of the Penza Region)374

SOCIOLOGICAL LECTURES

Sharkov F.I., Silkin V.V., Kireeva O.F. Non-verbal signs of personality:
Communicative meanings of facial expressions.....387

Ivanov A.V., Popkov Yu.V. Typology of civilizations in the diachronic dimension:
Basic models and perspectives of Russia.....404

REVIEWS

Kirabaev N.S., Gnatik E.N., Zhubrin I.A. On the connection between
social and epistemological aspects of the civilizational approach.....416

Trotsuk I.V. Unfair justice, or how social activism destroys
the ideas of equality and ‘good society’426

Nikulin A.M. Peripherization of the old-developed Russian regions439

Subbotina M.V. The phenomenon of friendship in the social well-being study451

AUTHORS.....461

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-249-258

Institutions: a promising topic insufficiently clarified*

J. Šubrt

Charles University

U Kříže, 8, Praha 5, 15800, Czech Republic

Abstract. The basic question of sociology is what sets of rules and order are used in society and how they are maintained. One possible answer is based on the concept of institutions, which still provokes theoretical discussions due to, among other things, a certain ambiguity, since the term ‘institution’ is, figuratively speaking, shrouded in a kind of fog that prevents it from being captured in any direct, clear way. Today, ambitions of philosophy, political science, anthropology or mathematical game theory, which try to solve this problem outside the sociological framework, contribute to the deepening of the ambiguities surrounding the concept of institutions. Some approaches tend to define institutions as a cyber black box with inputs and outputs, whose working remains largely hidden (especially philosophical and mathematical approaches strive to find some common universal principle or even mathematical formula). From the perspective of general sociological theory, the article considers the topic of institutions. The author identifies this topic as a central issue that needs to be reconsidered in sociology. The starting point of the article is the analysis of concepts related to the topic, their definitions and paradigmatic integration. In the following part, the author considers the theoretical interpretations in the works of Peter Berger, Thomas Luckmann, John Searle, and the concepts inspired by game theories and rational behaviour theories. After that, ten basic issues of the current approaches are identified. The author pays particular attention to the fact that methodological individualism tends to dominate, which explains the ignorance of certain issues, especially of a holistic and macro-social nature, thus, leading to some problematic simplifications. The article shows what needs to be changed in the current social-scientific thinking on institutions in order to develop a more appropriate starting point for the further development of sociological theory.

Key words: sociological theory; social order; institutions; institutionalization; organization; social role; methodological individualism; functionalism; behaviour; rules; norms; sanctions

Institutions in a multi-paradigmatic perspective

The term institution is derived from Latin *instituere* (establish, institute) and *institutio* (institution in general legal provisions, and later also the legal code or collection of legal norms) as a matter of the legal regulation of social relations

* © J. Šubrt, 2022

The article was submitted on 15.01.2022. The article was accepted on 21.03.2022.

among. It was from the legal science that the concept of institutions was adopted and incorporated into sociology [6. P. 2–3]. In sociology, this term was first used for interpersonal relationships by Herbert Spencer [21. P. 603 ff] — to link the diversity of social institutions to social differentiation. In the contemporary society, we encounter not only legal, but also political, power, economic, scientific, educational, religious, artistic, sport, relational and many other institutions. In addition, a distinction is sometimes made between formal and informal institutions.

In common language, the terms ‘institution’ and ‘organization’ are used as synonyms. However, in social sciences, institutions usually (though not always) differ from social groups or organizations. Institution as a set of provisions or rules can be defined as a “how to do guide” [11], while specific activities carried out in accordance with these instructions do not take place in institutions, but in social groups, organizations, or higher social units. Thus, the family and university are both institutions, but the Smith family is a small social group, and the University of Oxford is an organization (although in its own official description it is referred to as ‘a unique and historic institution’). Some authors believe that institutions, beyond individual human actors, are social actors, which is a certain misunderstanding, because social groups and organizations can be considered as real collective actors, but hardly institutions that represent sets of rules.

In contemporary sociology, the concept of institutions is associated with several meanings and characteristics, which can usually be considered interconnected; nevertheless, paradigmatically different directions of the sociological thought tend to approach the choice of key concepts to capture them from different perspectives. In general, institutions are defined as the building blocks of social order, whose opposite is chaos, anomie and powerlessness.

The anthropological perspective finds in institutions a specifically human alternative to the instinctive equipment and orientation of other animals [7]. As such, institutions are a kind of ‘lightening’ means (or mechanism) that frees us from the need to think again and again about our reactions to situations that repeat; therefore, human actions are subject to certain customs and automatisms (in economics, reducing its ‘costs’). Institutions can be understood as sets of rules for a particular area of behavior formed during the cultural evolution [2]. Anthropologically oriented authors consider these rules as analogous to genes. Just as the gene is a basic unit of the biological evolution, and a combination of genes leads to the emergence of organisms, rules are the basic units of the social evolution, and their combination forms institutions.

For sociology of culture, institutions are cultural inventions which, in the constructivism perspective, are social constructions created by typification, canonization and enforcing best practices. The existence of institutions makes it possible to reveal in the seemingly unrepeatably manifestations of human action regularities that can be translated into generalizing statements. Structuralism associates these regularities with the rules that make up structures [12. P. 353]. Such rules are

analogous to the grammar rules of speech, and they are accepted as binding and (in the classical structuralism) invariant (i.e., unchanging). Functionalism connects institutions with mechanisms whose mission is to provide for society the functions (or needs) necessary for its survival and reproduction, and to protect it from extinction.

In the perspective of structuralism, structural functionalism and systems theory, we can consider institutions as certain structural units (institutional structure/structures of society), which makes us associate the institution with certain normative expectations (structures in sociology are sometimes referred to as structures of expectation [13. P. 397 ff]) and consider it a basis of social order. Rueschemeyer defines institutions as “clusters of norms with strong but variable mechanisms of support and enforcement that regulate and sustain an important area of social life” [17. P. 210]. To ensure that institutional obligations and standards are respected, observed and enforced, social control mechanisms are complemented to one degree or another (forming control institutions).

In the interpretative sociology, institutions are understood as generally practised, approved, passed on and repeated ways, patterns, actions and interpersonal relationships often associated with the concept of social role. Social roles are the building blocks of institutions and vice versa: institutions consist of roles [23].

In the structuring theory, Giddens [9] distinguished four basic institutional orders in the structure of society: symbolic, political, economic, and legal. Institutions ensure the distribution of individuals in space and are associated with Braudel’s category of *longue durée* representing a long duration of the institutional time [8. P. 93].

Institutionalization is generally the process of establishing institutions through the creation of rules. The representative of structural functionalism Parsons associated institutionalization to a large extent with social roles rather than with institutions [16. P. 188 ff]. Behaviour or action is institutionalized when it is in accordance with (institutional) norms: by contrast, behaviour that differs from these norms is called ‘deviant’, i.e., deviating. In sociology, contrary to the everyday notions of deviations, deviating behaviour — to one degree or another — can be observed wherever (institutional) norms exist. However, these norms often alter in time, so what was once deviant may be accepted later, become institutionalized or, on the contrary, the deviant may become the norm (for instance, the changing relationship between men and women, e.g., the gender division of labour).

Three theoretical explanations of the establishment of institutions

When social sciences try to analyse and clarify the establishment of institutions, it is mainly approaches with an individualistic starting point (theory of action, interpretative sociology, constructivism, theory of rational choice), whose origins are associated with sociology of Max Weber. Certainly, we encounter the concept of institutions in theories of a holistic nature too, which refer back to sociology of Émile Durkheim (structuralism, functionalism, systems theory) [22]. While the

functioning of institutions is captured and theoretically described, the attention to this issue is significantly lower and less elaborate. Therefore, we will take a closer look at three different conceptions of an individualistic nature.

Under the influence of the philosophical anthropology of Arnold Gehlen, Peter Berger and Thomas Luckmann portrayed man as poor in instincts. This lack of equipment was compensated by institutions. Thus, the origination and maintenance of social order were linked to the processes of institutionalization, and for Berger and Luckmann [1. P. 56–93] this raised the crucial question of how they developed. They noted that every repeated activity encouraged individuals to habitualization, i.e., repeated activities stabilized in the form of patterns. If such habitualized behaviour became reciprocal and mutually recognized, it might have become an institution [1. P. 58]. For the individual, institutions asserted themselves through social roles, through which the individual participated in the reproduction of social order.

During their development, institutions detached themselves from their originators and became independent, capable of exerting pressure on members of society. Institutionalization culminated in institutions created by the language passed from one generation to the next. For institutions to be successful, they had to be equipped with ‘credentials’. Berger and Luckmann [1. P. 95–96] distinguished four stages of legitimation: 1) incorporation of new concepts into the vocabulary; 2) explanatory schemes created from these concepts; 3) the compilation of specialized legitimation theories; 4) symbolic universes (for example, religion or philosophy). The order that a person takes on (or internalizes) during socialization as a player of social roles is not determined biologically — it is a result of human activities.

The approach of John Searle was based on the works of his teacher, Oxford philosopher John Austin, the founder of the speech act theory. Oxford analytical philosophy considers language a basis of philosophy. For Searle too, language was a central theme; however, he sought to transcend the boundaries of philosophy and to address the issues of social sciences, especially psychology, sociology, political science and economics. According to Searle, the significance of speech acts lies in the fact that we use it to create a substantial part of social reality. Searle connected the concept of language with the concept of action. To make communication meaningful, it must be operated by human beings who have a certain interest (intention). Intentionality expressed in speech acts was derived from intentionality of mental states; thus, the study of language must be associated with the study of the mind [18]: philosophy of language as a part of a broader theory of mind (a unified theory of mind, language, and society).

Searle distinguishes individual intentionality (common in philosophy) and collective intentionality (his conceptual innovation) [19]. However, both types of intentionality exist in the minds of individuals. According to Searle, collective intentionality is a social phenomenon which determines the development of collectives as a basis of sociality, social action and communication, and leads not only to joint action and cooperation but also to sharing common wishes, intentions and attitudes.

Searle argues that social reality was largely made up of nature used for our lives and adapted for our purposes, and institutional reality shaped by institutional facts. In *The Construction of Social Reality* [20], he explains how institutional facts were created and maintained: events and facts of our world became what they are because a community of people believed in their existence and recognized their meaning (for example, whether a particular piece of paper could be used as a banknote or a cinema ticket). Institutional reality was the creation of human beings, arising from speech acts and performances of consciousness. The specificity of institutional reality became apparent when we compared it with natural entities (clouds, mountains, deserts, etc.) existing regardless of whether one trusted or understood them. Institutional facts had a hierarchical structure and became what they were not because of the material properties of objects, but because people trusted them and understood them. Understanding essentially concerned actions within the institutional framework: people assigned to these acts certain functions which, according to these assumptions, they fulfil. These facts are linked with a certain paradox: independent of us and not subject to our choice, but, on the other hand, created and maintained by our trust and recognition (though we may not be aware of it). Exploring what people believed and recognized was the examination of intentionality.

Searle understood speech acts as linguistic expressions of intentions, which follow certain rules. He distinguished constitutive and regulative rules: the latter govern already existing actions, while the former (the key to understanding speech acts) created the very possibility of the given action. Searle explained how this was done in *The Construction of Social Reality* [20], the ambition of which was to formulate the ontological foundations of social sciences. Searle observed that highly complex social phenomena are based on certain constitutive rules and principles of a speech and symbolic nature. Social reality had its origin in our consciousness, intentionality, speech acts, and their connection with physical objects (for example, with the tools we use). Collective intention was essential for the constitution of institutional reality. Language as a symbolic system participated in this constitution. At the same time, it was especially important that the institutions thus formed be collectively accepted by people to whom they applied through trust in them (for instance, the acceptance of means of payment of a particular currency within the country makes money an institutional fact). According to Searle, institutional facts were associated with certain meanings and symbols, and also with normative principles, rights, obligations and commitments; they assumed a certain duration; finally, they were associated with certain principles of a procedural and performative nature.

Many authors who think and write about institutions are influenced by the rational choice theory and mathematical game theory. The foundations of the game theory were laid by the mathematician John von Neumann: in 1944, together with the economist Oskar Morgenstern, he published an extensive work *The Theory of Games and Economic Behaviour* [15], in which elaborated the rational decision-making. The

game theory cannot predict how a particular situation will turn out, but it shows how people should act to achieve optimal results. In sociology, James Coleman [3. P. 2 ff] used these approaches which represented and promoted the so-called methodological individualism. Coleman combined the behaviour/actions of individuals with rationality and used economic and mathematical methods to explain this rationality. As in other economizing approaches (for example, the theory of exchange), the rational actor treats everything as if he were an entrepreneur — whether where to buy or who to fall in love with. The highest principle is to minimize costs and maximize profits. The interests or goals of the actors may meet in different relationships, which leads to the formation of certain processes and institutions. Through the repeated interactions of actors, commitments, norms and expectations of their future behaviour develop, which may be accompanied by a system of sanctions.

Francesco Guala [10] tries to combine two concepts: first, Searle's understanding of institutions as rules that govern the actions of individuals, and, second, a concept of equilibrium in the game theory (the so-called Nash equilibrium [14], in which no game player can improve its situation by unilaterally changing the chosen strategy). In this perspective, institutions appear to be patterns of behaviour that are maintained because individuals are not motivated to deviate from them. Guala believes that these two approaches are complementary and can be combined into a unified theory — a 'balanced approach to institutions'. In this theory, institutions are defined as a form of regulative rules that coordinate the behaviour of individuals according to the principle of balance [10]. This regulatory rule can be outside the individual (for example, the traffic light and its signals).

Critique of the contemporary theories of institutions

All approaches to institutions based on the theoretical-methodological individualism have common weaknesses and shortcomings:

1. The above-mentioned approaches are ahistorical, especially when try to explain everything as if actors, who form and shape institutions according to their wishes and ideas, start from scratch, from some point zero. They forget that there is always something in the past, a certain determinant in the conditions that individuals enter, which influences how they act.
2. Thinking about institutions in this way (typical for the theory of action) is based on the fact that the ways of action analysed are taken out of the context and considered as if in a kind of vacuum, outside other phenomena and ways of action. This neglects the fact that new institutions usually have to be compatible with those that already exist and not to come into major conflict with them (in the pre-modern society, the family institution had to be compatible with ecclesiastical institutions).
3. These approaches can interpret the formation of institutions at the micro-social (interpersonal) and meso-social (organizational) levels, but usually ignore the fact that there is also a macro-social level (culture, civilization, society, stratification,

international relations, globalization, etc.), in which there are also institutions, but different from those that have their basis in the relatively easy-to-capture actions of individuals.

4. Many sociologists consider institutions with a certain idealism which tends to reduce everything to events in human consciousness and rationality. It overlooks that social order is created and maintained not only by cooperation and faith, but by conflicts, often bloody in nature (in history, there are countless examples of people forced to maintain a certain order by brute force). Moreover, institutional theories usually do not consider how the human impact on nature and material world is associated with institutional rules based on technological and production processes, where cooperation arises not from the interests of participants, but from what is technologically possible and necessary for a certain goal (e.g. institutions of slavery). At the same time, the logic of conquest, defensive or destructive goals is also based on processes limited in their scope (for example, disarmament agreements).
5. The prevailing approaches tend to explain all possible cases in a uniform way, seeking some universal mechanism by which all institutions are formed. For instance, Guala's explanation based on the game theory ignores the fact that there may be many equilibriums and diverse reasons for establishing institutions. Many but not all human institutions are a certain continuation of something in nature (e.g. the animals' concern and care — parenthood and families). Another reason may be states and phenomena of a transcendent nature that lead to the formation of religious institutions with their rituals. Representatives of the rational choice theory would probably explain these cases with the principles of the game theory, but the question is whether such an explanation is the best. In addition, the establishment of certain institutions can be of a poly-causal nature, and institutions of a multi-functional character may emerge (for example, the family).
6. Some institutions, especially at the macro-social level, are often the result of not one single decision but long-term development processes. In addition, complex institutions can gradually differentiate internally to form institutional clusters (for example, the modern state, whose genesis was studied by Norbert Elias [5]). There are types of institutions that require supplementation by other institutions (the modern state needs an army, police, official administration, legal system, education, institutions of symbolic representation).
7. Contemporary approaches often proceed from the assumption that actions and institutions which control them possess rationality of an economic nature based on the logic of efficiency that can be measured by profits and losses. However, besides the 'market' logic, there are other types of rationality, which Max Weber once showed in his work on world religions. Another example was provided by Norbert Elias [4], who argued that the behaviour patterns of members of the absolutist court were substantially different from those of the bourgeoisie, but

one could not call them irrational; therefore, the rationality of the sovereign court was based on other principles than that of the capitalist market.

8. Not all institutions can be established through a relatively easily limited range of individual actions. At the macro-social level, we encounter mechanisms of a different nature, caused not by the actions of individuals but by the changes of a macro-social dimension (economic booms and crises, war conditions, revolutions, military victories and defeats, computerization, electronic media, etc.). Although the contemporary sociological literature sometimes suggests that all macro-social phenomena can be understood as large units composed of micro-social events, this idea implies a danger of reductionism and simplification.
9. Contemporary theories often try to explain why institutions are formed (in Comte's terminology) by 'social statics' rather than 'social dynamics'. A significant exception is the work of Jonathan Turner [24; 25; 26], which was inspired by earlier sociologists such as Spencer and Durkheim and focuses on the meso- and macro-levels of social reality, emphasizing the long-term development in which the main social institutions have developed in the field of kinship, religion, polity, law and education. As for Guala's approach, we can add that the equilibrium can take the form of not only a point but a trajectory. Many institutions change — either step by step and gradually or in developmental breaks or leaps. Due to historic 'turning points', we can see that some institutions are not universal and nationwide: while some people or groups remain with old institutions (e.g. religions), others follow new institutional patterns (corresponding to the modern secularized society).
10. If we are to use the concept of institutions for sociological explanation today, we have to work with it as with Weber's ideal type, because the concept represents a certain theoretical idealization which is hard to encounter in social reality (few real families fully correspond to the theoretical model of the family in terms of the institutional approach). I suggest the concept 'duplex' (inspired to some extent by Durkheim's concept 'homo duplex') [22] to underline that in additions to social groups and organizations and their institutional structures, there is another layer of structures resulting from the characteristics of individuals acting within their framework. In organizations, institutional structures can be referred to as formal structures (set by organizational rules), and there are informal structures based on personal acquaintances, family relationships, kinship or sympathies, which, for instance, can circumvent formal hierarchical structures in communication between different parts and levels of the organization in an informal way.

The issue of institutions, especially their connection to social order, represents one of the fundamental sociological questions. One could even say that to develop sociological theory must focus on this issue. In recent decades,

social sciences have focused on ‘new institutionalism’ which is significantly linked to contemporary economics [17], political science and other social sciences. However, it is the influence of economics in sociology, with methodological individualism prevalent, that determines some problematic tendencies in the research of institutions. Methodological individualism prevails in contemporary social sciences primarily for two reasons: first, it has certain ideological (non-scientific) connotations related to economic and political liberalism, which is critical of everything that resembles ‘collectivism’; second, for the research based on quantitative methodology, it provides relatively easy-to-grasp, operationalizable and measurable concepts for the relatively easy acquisition of quantitative data that can be used for both analysis and prediction. However, the price of these possibilities is too high — the ignorance of macro-social factors and contexts of a holistic nature, which leads to a disturbing simplification of the above-examined set of issues.

References

1. Berger P.L., Luckmann T. *Sociální konstrukce reality: Pojednání o sociologii vědění*. Brno; 1999.
2. Burns T.R., Dietz T. Social rule systems and human agency. *International Sociology*. 1992; 1 (7).
3. Coleman J.S. *Foundations of Social Theory*. Cambridge; 1994.
4. Elias N. *The Court Society*. Oxford; 1983.
5. Elias N. *The Civilizing Process: The History of Manners and State Formation and Civilization*. Oxford; 1994.
6. Esser H. *Soziologie, Spezielle Grundlagen*. Band 5: *Institutionen*. Frankfurt/New York; 2000.
7. Gehlen A. *Anthropologische Forschung*. Rowohlt; 1961.
8. Giddens A. Time and space in social theory. Matthes J. (Ed.). *Lebenswelt und soziale Probleme*. Frankfurt/Main; 1981.
9. Giddens A. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Berkeley — Los Angeles; 1984.
10. Guala F. Précis of “Understanding Institutions”. *Philosophy of Social Sciences*. 2018; 48 (6).
11. Keller J. *Úvod do sociologie*. Praha; 1991.
12. Lévi-Strauss C. *Anthropologie structurale*. Paris; 1985.
13. Luhmann N. *Die Ausdifferenzierung des Kunstsystems*. Bern; 1994.
14. Nash J.F. Equilibrium points in n-person games. In: *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 1950; 36 (1).
15. von Neumann J., Morgenstern O. *Theory of Games and Economic Behavior*. Princeton; 1953.
16. Parsons T. *On Institutions and Social Evolution*. Selected Writings. Ed. and with intr. by L.H. Mayhew. Chicago — London; 1982.
17. Rueschemeyer D. *Usable Theory: Analytic Tools for Social and Political Research*. Princeton — Oxford; 2009.
18. Searle J.R. *Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind*. Cambridge; 1983.
19. Searle J.R. Collective intentions and actions. Cohen P.R., Morgan J., Pollack M. (Eds.). *Intentions in Communication*. Cambridge; 1990.
20. Searle J.R. *The Construction of Social Reality*. New York; 1997.
21. Spencer H. *The Principles of Sociology*. Vol. 1–2. New York; 1897.
22. Šubrt J. *Individualism, Holism and the Central Dilemma of Sociological Theory*. Bingley; 2019.

23. Tegtmeier E. *Soziologie und Ontologie der Institution*. Schönrich G. (Ed.). *Institutionen und ihre Ontologie*. Frankfurt am Main; 2005.
24. Turner J.H. *Human Institutions: A Theory of Societal Evolution*. Lanham; 2003.
25. Turner J.H. *Theoretical Principles of Sociology*. Vol. 1: Macrodynamics. New York; 2010.
26. Turner J.H. *Theoretical Principles of Sociology*. Vol. 3: Mesodynamics. New York; 2012.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-249-258

Институты: многообещающая недостаточно раскрытая тема*

И. Шубрт

Карлов университет
У Криже, 8, Прага 5, 15800, Чехия

Аннотация. Один из главных вопросов социологии звучит так: какой набор правил и какой тип порядка создают общество и как именно они сохраняются. Один из возможных ответов на этот вопрос основан на понятии института, которое до сих пор порождает теоретические дискуссии, в том числе вследствие неоднозначности данного термина: образно говоря, научное понятие «институт» все еще окутано туманом, который не позволяет дать ему однозначное и четкое определение. Сегодня многие дисциплины претендуют на решение этой проблемы вне социологического контекста — философия, политология, антропология и даже математическая теория игр, однако лишь усугубляют противоречия, связанные с концепцией институтов. Некоторые теоретические подходы склоняются к определению института как своего рода кибернетического черного ящика с системой входов и выходов, чье функционирование носит преимущественно скрытый характер (философские и математические модели стремятся обнаружить в деятельности институтов некий общий универсальный принцип или даже математическую формулу). Статья рассматривает понятие института с точки зрения общей социологической теории. Автор считает, что концепция институтов — главная социологическая теория, требующая сегодня принципиального переосмысления. Отправной точкой рассуждений автора выступает анализ концептуальных подходов к трактовке института, предлагающих его разные определения и допускающих парадигматическую интеграцию. Затем автор кратко характеризует теоретические подходы Питера Бергера, Томаса Лукмана и Джона Серля, а также понятия, пришедшие в социологию из теорий игр и теорий рационального поведения. Далее в статье обозначены десять вопросов, вытекающих из существующих социологических теорий институтов. Автор подчеркивает, что среди них очевидно доминирование методологического индивидуализма, что объясняет принципиальное игнорирование целого ряда вопросов холистического и макросоциального характера и неизбежно порождает упрощения. В статье намечены направления дальнейшей работы — что следует изменить в сложившейся трактовке института в социальных науках, чтобы выработать адекватные основания для его осмысления в рамках социологической теории.

Ключевые слова: социологическая теория; социальный порядок; институты; институционализация; организация; социальная роль; методологический индивидуализм; функционализм; поведение; правила; нормы; санкции

* © Шубрт И., 2022

Статья поступила 15.01.2022 г. Статья принята к публикации 23.03.2022 г.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-259-274

The two-component model of behavior factors: The phenomenon of anticipatory engagement of a situationally dominant factor*

O.L. Chernozub, S.I. Tereshkin

Institute for Social Action Research
2nd Schemilovsky Per., 2, Moscow, 127055, Russia
(e-mail: 9166908616@mail.ru; s.tereshkin@gmail.com)

Abstract. One of the debatable issues in the theory of social action is the interaction of explicit and implicit factors in their influence on human behavior. The ‘parallel’ influence models oppose the ‘sequential’ models. The former argue that one factor determines another, and the last one influences behavior. The latter argue that factors are of an independent nature and affect behavior each in their own way. In practical terms, agreeing with one of these models means rejecting or accepting the idea of a conflict of factors and of behavior as a result of this conflict. In the previous article, we showed that the influence of ideologically biased statements on the explicit and implicit components of the attitude towards the object of these statements can be exactly the opposite. It is necessary to check whether this phenomenon is stable. If so, it will be necessary to recognize the independent nature of the factors of behavior. Such a check was carried out and (within the limits of the empirical data) confirmed the correctness of the ‘parallel’ models. This conclusion is all the more convincing because it was obtained by observing the dynamic reaction of the associations between the components of the attitude and the assumed factors of its formation. As the criticality of respondents increases, the nature of this relationship predictably changes. But it changes differently for the explicit and implicit component of the attitude. Moreover, we identified a phenomenon of the “anticipatory engagement of a situationally dominant factor”. If we are not mistaken in understanding its nature, the very foundations of theories of the ‘sequential’ influence are under a question.

Key words: factors of behavior; precursors of action; two-component model of factors of behavior; explicit factors; implicit factors; attitude; structural theory of attitude; dual system theory; dual process theory; anticipatory engagement of a situationally-dominant factor; GATA; TRA/TPB; IAT; MODE; RIM; DST.

‘Sequential’ vs ‘parallel’ dual-process models and precursors of action

The possibilities of studying human behavior as based solely on the rational motives are increasingly demonstrating their limitations. An alternative approach based on the theory of the so-called ‘dual process’ of decision-making and formation of intentions claims that social action is determined not only by rational, based on the conceptual thinking, but also by non-rational factors, often unconscious. In the

* © O.L. Chernozub, S.I. Tereshkin, 2022

The article was submitted on 07.09.2021. The article was accepted on 17.12.2021.

previous article [5], we provided an overview of the main theoretical approaches in this area and proposed a two-component model of behavioral factors. We also noted that two alternative paradigms describe the logic of the interaction of conscious (explicit) and unconscious (implicit) factors, which are also often interpreted as explicit and implicit components of social attitude. The first paradigm, represented by the MODE (Motivation and Opportunity DEterminants) model, argues that the implicit group of factors is the main one. Implicit factors, organized in an a priori attitude, are automatically activated when the situation requires some action. Normally, individuals tend to shy away from spending additional resources on choosing a variant of action, and the combination of implicit factors directly determines the act of behavior. Only in some cases, the action is so significant for the subject that he is ready to use the resources of his thinking to consider available options. When a certain threshold of significance is reached, the ‘motivation’ factor is triggered. If at the same time the subject has opportunities for thinking (clear mind, knowledge and time to think), the second of the two necessary factors is activated. In this case, the rational apparatus is involved to additionally ‘refine’ the option of action, automatically projected by the initial implicit attitude, in an explicit form [18; 21; 22; 23; 32].

Theoretically, the most important consequence of these assumptions is the denial of significant discrepancies not to mention the conflict between explicit and implicit components of attitude. The authors of the MODE accept this circumstance, emphasizing that this is a direct theoretical consequence of the model, which finds empirical confirmation in the high level of correlation between implicit and explicit components identified in numerous studies [7; 8; 14; 15; 23; 32].

An alternative approach is represented by the RIM (Reflective– Impulsive Model) based on the assumption of a high degree of independence of components. Finding himself in a situation of the need to act, a person uses either impulsive (implicit, unconscious, spontaneous) or reflective (explicit, conscious, rational) models of choosing an action or a combination of actions. At the same time, the reflective model can ‘take over’ control from the impulsive one, and the impulsive one can influence the results of the reflective work. Both models have their own laws and compete for the ‘right’ to have a decisive influence on the course of action. In terms of the structural theory of attitude, in the RIM the conflict between explicit and implicit components of attitude is not only theoretically not excluded but, on the contrary, is directly predicted [36; 37]. The differences between ‘sequential’ and ‘parallel’ paradigms are schematically shown in Fig. 1 and 2.

In theory, adopting a ‘sequential’ pattern means leveling the differences between attitude components and, more importantly, denying the very possibility of conflict between them [30; 31], which entails a range of inevitable methodological consequences. Once the question of this conflict is removed, the task of studying their nature in order to search for possible sources of such a conflict disappears. The entire problem of the conditions determining such a conflict, its typical forms, ways of resolving, etc., disappears. In the instrumental perspective, the recognition of the sequential paradigm

means that measurements obtained by explicit and implicit methods actually measure the same thing, and the visible differences are generated not by the special nature of measurement but by the specific method used (i.e., they are artifacts).

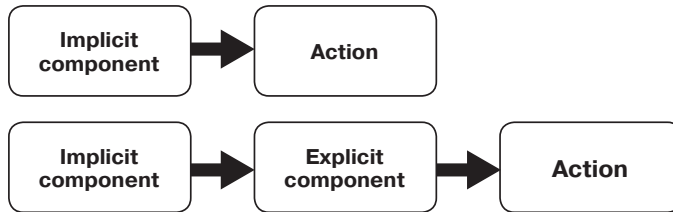

Fig. 1. The influence of attitude components on behavior in the 'sequential' paradigm

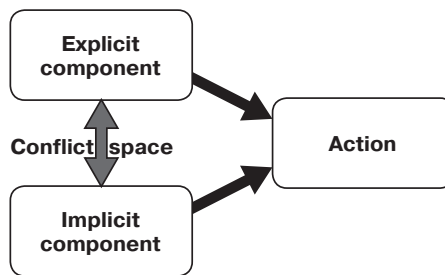

Fig. 2. The influence of attitude components on behavior in the 'parallel' paradigm

The design of the whole study assumed that the influence of ideologically biased statements would be measured in a 'static' and 'dynamic' mode. The theoretical research model, its operationalization, variables and hypotheses were described earlier [5], in this article, we consider only a part of them necessary for examining the presented results. In the previous article, we investigated some potential evidence for the different nature of the implicit and explicit attitude components. We were guided by the assumption that such a distinction would act as an additional and significant argument in favor of a 'parallel' scheme. We decided to check how the components of attitude react to the influence of stimuli which should be their factors for all conceivable reasons. The valences of explicit and implicit components of attitude towards the United Russia Party were chosen as the factors of behavior — attitude components (assumed dependent variables). The so-called 'ideologically biased statements' such as "The United Russia Party is a party of ordinary people" were chosen as initial factors of attitude (assumed independent variables).

In the static mode, we investigated the strength and direction of initial factors: how great is their influence on the attitude component compared to the counter influence of the component on its assumed factor. The main conclusions were unexpected: our ideologically biased statements turned out to be the initial factors for the implicit attitude component. The study revealed their strong and stable influence on this component compared to a noticeably weaker influence in the opposite direction. Concerning the explicit component, the situation was not the same: it had

a decisive influence on whether the respondent agrees with the proposed statement or not. These observations were reproduced, albeit with unequal expressiveness, for all seven statements used: all the obtained values for Somers' D passed tests of the statistical significance with a confidence level not lower than $p = 0.05$. All this suggested that the components of attitude cannot be something uniform, the visible differences of which are artifacts of the measurement instruments. There was no chance to find any correlation between the measurement results for our two factors of behavior/components of attitude.

The second important observation of the static tests was the following regularity: the more the symmetrical association between the initial factor and the attitude, the more the role of the implicit fraction within this association. It looked like this phenomenon contradicts the model of 'saving mind resources'. We did not see any evidence of activation of the explicit component as the strength of association between the initial factor and the attitude increases. This would be logical to expect if we follow the theory of MODE: the greater relevance of the statements for the respondent should lead to an increase in the involvement of the explicit component. But this anticipation is not supported by our data.

The general idea of the dynamic stage

In this article, we test the reaction of the associations identified to the impact of the disturbing factor — criticality of the respondent. It was assumed that the experimental group with a high level of criticality compared with the control group with a low level of criticality would demonstrate an increase in the strength of connections between the initial factors and the explicit component and a decrease in the strength of connections between the initial factors and the implicit component. Such a forecast follows from the RIM model, which claims the independence of the nature of components, their irreducibility to each other, and allows the possibility of conflict between them. In the MODE perspective, on the contrary, one would expect a high degree of consistency of changes which should occur on a comparable scale and in the same direction. The study of this range of issues corresponded to the task of testing the hypothesis ($H_0 1$): "there are no differences between explicit and implicit factors of behavior in terms of the nature of changes in their inherent associations with the initial factors under the influence of extraneous disturbing factors".

The test of the hypothesis "there are no differences between explicit and implicit factors of behavior in terms of the strength and direction of associations between these factors and the group of target initial factors" ended with its decisive rejection. Explicit and implicit components of attitude differ not only in the strength of connections with initial factors but even in its direction. Ideologically-biased statements significantly affect the valence of the implicit attitude component while simultaneously being influenced by the valence of its explicit component. So, the first phase of the study led us to the results presented in Fig. 3, and it is time to answer the remaining open question (dotted arrows in Fig. 4.)

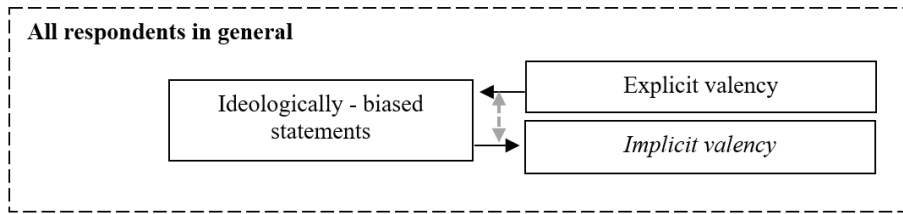

Fig. 3. Measurement result: a static view

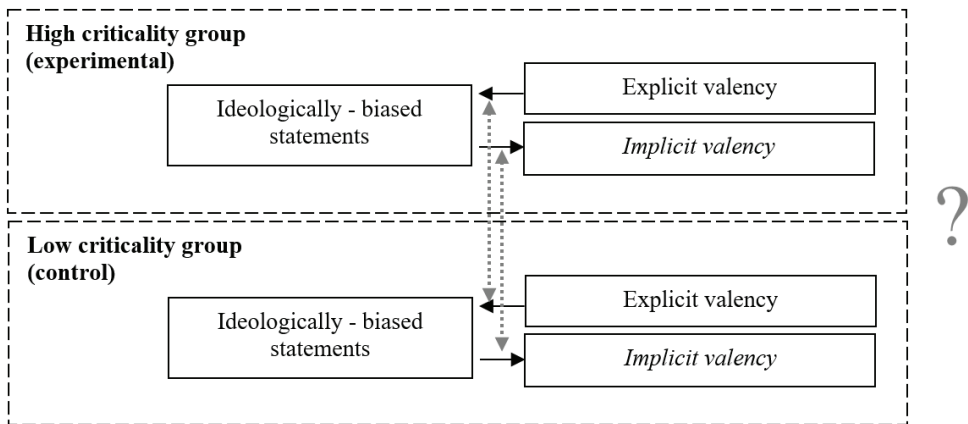

Fig. 4. Measurement model: a dynamic view

By ‘criticality’ we mean the type of thinking, an expression which in scientific and popular literature is usually associated with ‘critical thinking’. Despite the abundance of differing definitions [9; 19; 20; 28; 29], the essential feature of critical thinking is cognitive efforts activated by an individual with a sufficient level of motivation and based on the resources of rational thinking. In the sociological perspective, the following characteristics of this phenomenon can be identified:

1. Versatility — critical thinking is not associated with any specific activities or scientific disciplines [10; 17; 20; 33; 34], which means the absence of theoretical obstacles to apply this concept to the objects under consideration (electoral attitude and the degree of independence of its implicit and explicit components).
2. Unity of method, objectivity — critical thinking is based on such techniques and methods that are the same for everyone. There can be no critical thinking ‘à la Foucault’ or, say, ‘à la Glucksmann’ [16], which provides opportunities for the correct comparison of respondents on the scale of ‘more — less’ developed criticality.

3. Objective signs that reliably testify to the critical thinking application [25; 25], which, methodologically, provides opportunities for operationalization and empirical identification of these features.

The presence of the properties listed above is a good prerequisite for using the criticality parameter to identify the reaction of the interaction mechanisms between the initial factors and the attitude components to an intervention of the ‘disturbing factor’. To simplify the model, we decided to measure criticality with a dichotomous scale: relatively high (experimental group) and relatively low (control group) levels of criticality. Based on the empirical data available, the following indicators of criticality were chosen:

1. Education — it is generally accepted that the individual gradually masters critical thinking in the course of education. In any case, one of the features of critical thinking is comparing new information with one’s knowledge [6; 10]. In addition, a relatively higher education indicates that the individual has motives for developing critical thinking. Based on this understanding, we consider education as an indirect sign of a potentially higher level of criticality.
2. Awareness of the procedure for holding the upcoming elections: in terms of criticality, having such awareness would mean better conditions for using critical thinking [10]. In addition, the knowledge of the peculiarities of the election procedure testifies to a relatively greater motivation to deliberately understand the electoral situation and make a balanced choice; i.e., it is an indirect sign of the level of critical thinking.
3. Trust in political parties: an important feature of critical thinking is conscious distrust in new information and the desire to validate it [19]. The study of the pre-election situation, which provided the empirical basis for our analysis, had several variables reflecting the level of trust in various public and state institutions.

Thus, the design of the dynamic stage of the study combined two sets of associations of the statement and given component of attitude for two corresponding subsamples: low vs high criticality ones. Concerning the limitations of the available empirical data, our theoretical model was operationalized with the following set of measurable indicators:

- The explicit component of the attitude was represented by the variable formed by the answers to the correspondence of the victory of the United Russia Party in the next elections to the respondent’s interests (yes — no).
- The implicit component of the attitude was identified with the GATO test [1] and measured the valence of an unconscious attitude towards the party (positive — negative implicit attitude towards the United Russia Party).
- The set of initial factors influencing the attitude was presented by a series of ‘ideologically biased’ statements about the United Russia Party, with which respondents could agree or disagree (‘strongly agree, rather agree’ and ‘rather disagree, strongly disagree’’).

Ideologically biased statements

Short title	In the questionnaire
Social justice	This is a party that advocates for the strengthening of social justice
Reform party	This is a reform party focused on change, new ideas and approaches
Party of common people	Most of the party members are ordinary people like me
Party of real deeds	This is a party of real deeds. They fulfill their promises
Will ensure the development of the country	This is the party that can ensure the development of the country
Interests of ordinary people	This party protects the interests of ordinary people
Party of high morality	Most of the party members are people of high moral principles

The criticality status was set by three variables which formed three couples of experimental and control groups. The first — the results of answering the direct question about the level of education. Respondents of the experimental group had several higher educations or an academic degree (N = 302). The control group consisted of respondents with secondary and incomplete secondary education (N = 1085). The second variable was the answer to the question about the procedure for electing deputies to the State Duma. The experimental group included those who answered the question correctly (N = 1328), the control group — all the rest (N = 3922). The third variable was the results of the answer to the question of confidence in political parties. The experimental group included respondents who ‘rather trusted’ (N = 1040), and the control group — who ‘rather did not trust’ political parties (N = 2456).

Finally, the set of initial variables was formed:

- AExp — valency of the explicit component of the attitude
- AImp — valency of the implicit component of the attitude
- IF1-7 — consent with an ideologically biased statement (7 variables)
- CE — education criticality status
- CA — criticality status based on the awareness of the election procedure
- CT — criticality status based on a priori trust in political parties.

The empirical data were taken from the WCIOM electoral survey conducted on the eve of the 2016 State Duma elections (N = 5248). The sample standard error is 2.25%. The poll was conducted as part of the 4th wave in August — September 2016 by the personal interview method, and was completed 7 days before the election day [2; 3; 4]. To test associations, we chose the Somers’ Delta indicator [4] — as an optimal measure for ordinal variables [26; 27; 35].

Key results of the study: a dynamic perspective

Like the previous hypothesis H₀1, the H₀2 hypothesis was tested by the statistical relationships between the initial factors (ideologically biased statements) and behavioral factors (implicit and explicit components of the attitude). However,

if for the hypothesis H_01 we considered associations in general for the sample, focusing on their inner nature, to test the hypothesis H_02 , we focused on the changes in the strength and direction of associations in the control and experimental group. The results for each variable are shown in Fig. 5–7. All indicators passed the test of statistical significance with a confidence level of at least 0.05. The scales represent the values of Somers' D. The strength of the association for agreement/disagreement with statements and the valence of the explicit component is represented by the X-axis. The Y-axis reflects the same for the implicit component. Thus, each point on the graph reflects the association of the statement with both explicit and implicit components of the attitude. For instance, a hypothetical point in the upper right quadrant would indicate strong associations with both components, while a position in the upper left would reflect a strong association with the implicit component and a weak association with the explicit one, etc. The associations of each statement are represented by two points: when agreement with the statement is a factor of the component valency ('the statement affects') and when this valency is a factor for agreement with the statement ('the statement is affected').

Figure 5 shows differences in associations between statements and components of the attitude for the control and experimental groups as formed by the variable 'education' (CE). The experimental group of relatively high criticality consisted of respondents with several higher educations or an academic degree (AD). The relatively low criticality control group is represented by respondents with secondary education (SE). For each of two groups, every statement has two pairs of values reflected their status as independent or dependent variables. Thus, four distributions of the values are displayed in two-dimensional space. For each of distributions, trends were constructed, the functions of which were selected based on the maximum completeness of the regression by the R^2 criterion.

If we consider each distribution separately, for example, the group 'statement affects (AD)' located on the far left of the graph, we can draw at least two conclusions. First, this distribution 'shifts' in the counterclockwise direction, i.e., on average, its connection with the implicit component is relatively closer than with the explicit one. Second, as the strength of the symmetric association grows (values move in the 'up and to the right' direction), the growth rates of the tightness of the association with the implicit component decreases, and with the explicit component — grows. One can interpret remaining distributions in the same way.

The first conclusion is a significant gap between associations of statements for both the experimental and the control group: statements tend to influence the implicit component and express dependence on the explicit one (Fig. 5.1). The distributions of the control group are somewhat biased in the direction of a closer association with the explicit component, but whether such a shift is of a qualitative scale is difficult to judge based on the available data. The second conclusion is the obvious discrepancy between the types of the regression function of the distributions of the same direction of influences for the control and experimental groups. (Fig. 5.2)

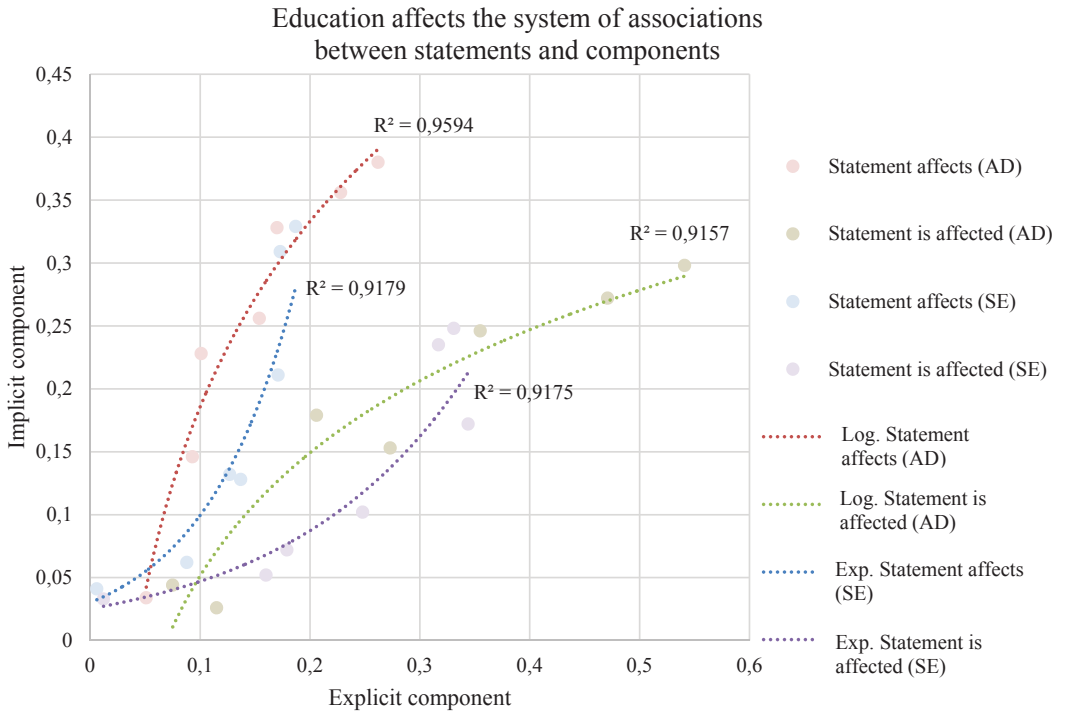

Fig. 5. The nature of changes in the system of associations while moving from the control group to the experimental group: education (CE)

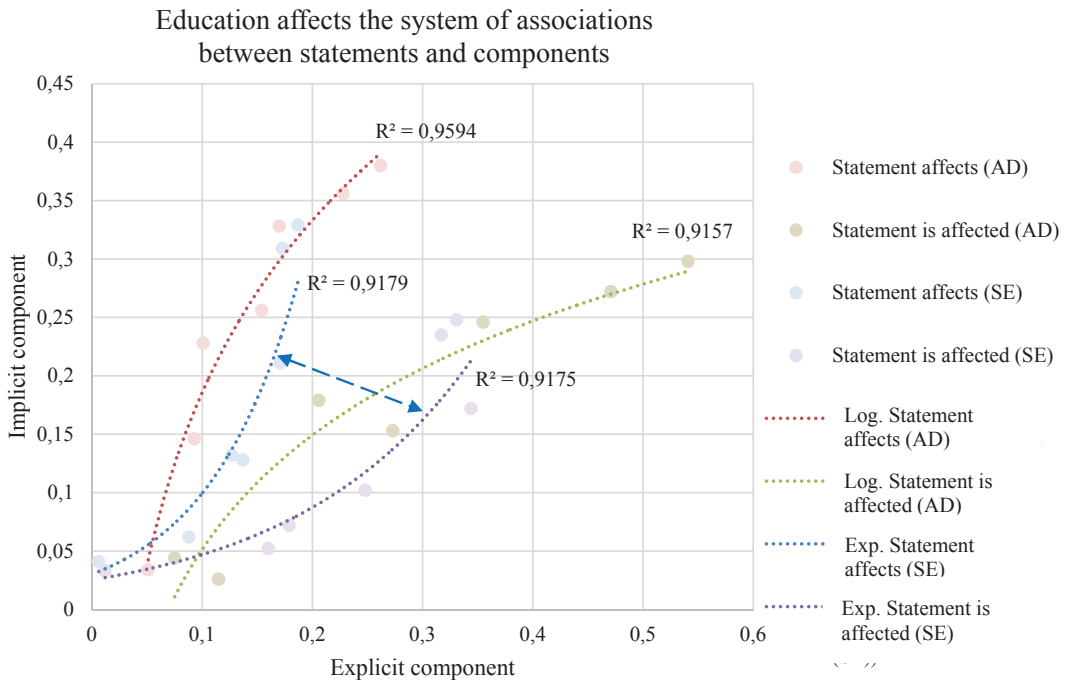

Fig. 5.1. The nature of changes in the system of associations while moving from the control group to the experimental group: education (CE) — comparison of groups

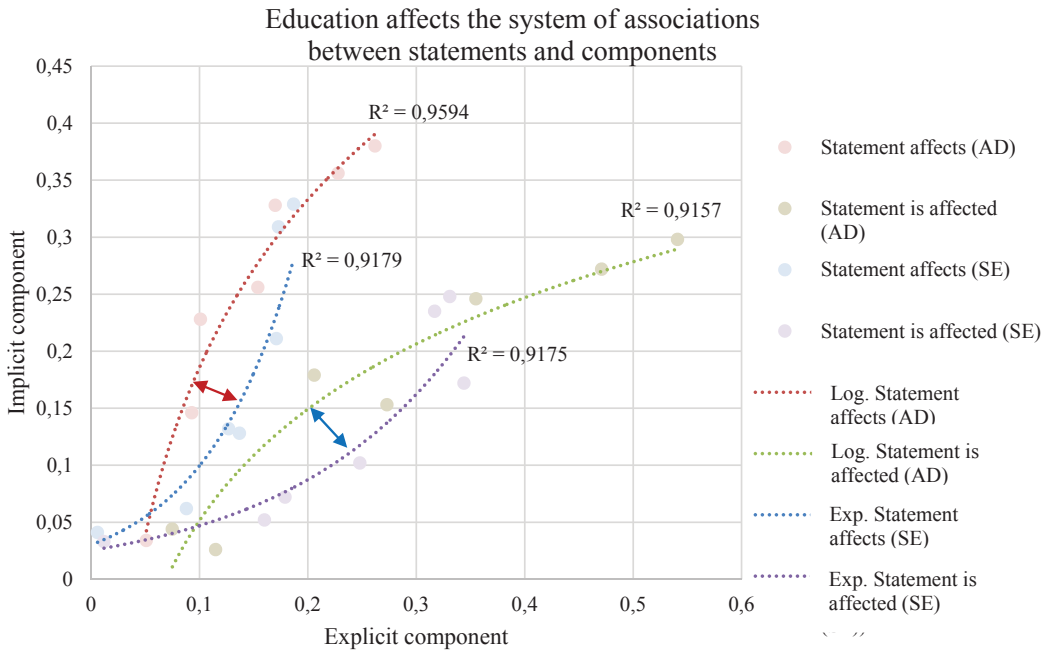

Fig. 5.2. The nature of changes in the system of associations while moving from the control group to the experimental group: education (CE) — comparison of the direction of influence

Thus, the behavior of the measured association parameters for the control and experimental groups is fundamentally different. For the experimental (with relatively higher criticality) group, the greater the strength of the symmetric association, the more it is determined by the explicit component. This is typical for both directions — ‘the statement affects’ and ‘the statement is affected’. Graphically, this is expressed in a gradual decline of the distribution trend ‘to the right and down’, mathematically — in the fact that the best regression function is logarithmic. For the control group (with a relatively low level of criticality), the opposite situation is characteristic: the higher the strength of the symmetric association, the more it is determined by the implicit variable, which also applies to both directions of dependence. It is graphically expressed in the gradual decline of the distribution trend ‘up and to the left’, mathematically — in the fact that the best regression function is exponential.

This is a rather crucial conclusion. Is it confirmed by other measurements? The corresponding data, based on the two remaining criticality indicators, are presented in Figures 6–7. Graphical comments in the form of arrows show the differences between the directionality of the relationship for each group (discontinuous) and the type of regression function between groups (continuous). The interpretation of differences is similar to Figures 5.1–5.2.

As can be seen from the data in Figures 5–7, the patterns that form the distribution trends are stable for all three variables that play the role of a ‘disturbing factor’: the regression is either simply high ($R^2 > 0.78$) or extremely high ($R^2 > 0.93$), which allows to hope that the initial data are sufficiently reliable.

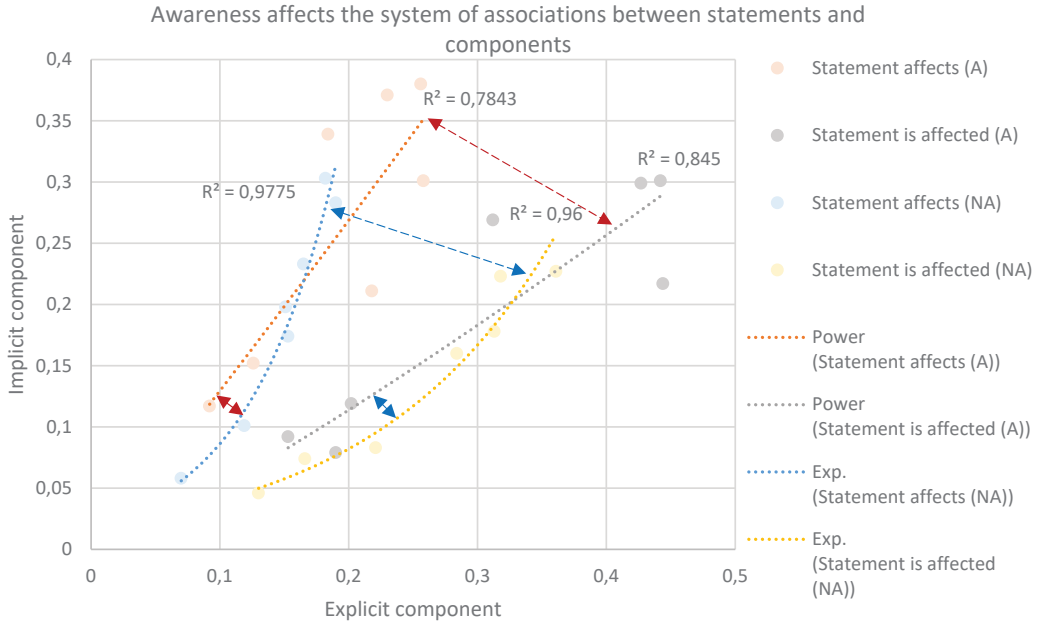

Fig. 6. The nature of changes in the system of associations while moving from the control group to the experimental group: awareness (CA)

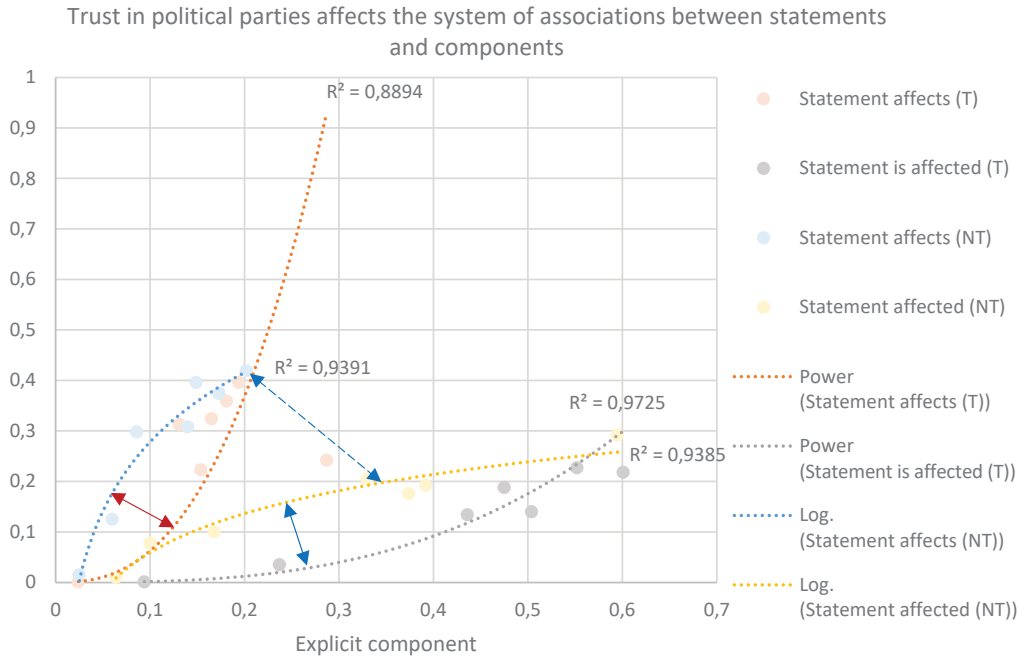

Fig. 7. The nature of changes in the system of associations while moving from the control group to the experimental group: trust (CT)

The factor of criticality, anticipatory engagement of a situationally dominant factor, an argument for the different nature of the behavioral factors

The phenomenon of an increase in the strength of the connection between the initial factors and the explicit component of the attitude for respondents with signs of relatively high criticality and an increase in the strength of the connection between the initial factors and the implicit component of the attitude for respondents with the relatively low level of criticality is not accidental. Thus, criticality is an essential social factor of the attitude, triggering either some mechanisms of its constituting or fundamentally different ones. Although the limits of applicability of this conclusion are not yet clear, we can safely say that there is a fairly wide area where they confidently manifest themselves. In technical terms, this conclusion is vital since the clearly manifested strength of this factor allows us to make a firm conclusion about directly opposite tendencies in the behavior of the implicit and explicit component of the attitude.

The very logic of the interaction of the components with the initial factors turns out to be multidirectional. The stronger the influence of the initial factor on the respondent, the more the explicit component is activated if it is a respondent with a relatively high level of criticality, and the more the implicit component of the attitude is activated if it is a respondent with a relatively low level of criticality. The latter phenomenon has already been noted earlier as ‘cognitive reduction’ [5]. On the example of the experimental group with a high level of criticality, we can identify an opposite phenomenon of ‘cognitive induction’. The same pattern as a whole could be called ‘the anticipatory engagement of a situationally dominant factor’, implying that for different situations different respondents have one component, then another, depending on the type of the object of attitude and on the interests and personal characteristics. The mechanism of this phenomenon can be illustrated as follows: we already know that we used ideologically biased statements as the initial factors of the attitude. These biased statements predominantly affect the implicit component of the attitude, i.e., influence the attitude to the object on an unconscious, non-rational level. However, this influence is not constant.

The group with the signs of the lowest criticality is characterized by an increase in the influence of the initial factor on the implicit component and a weakening influence on the explicit one as the strength of this initial factor increases. As it were, the average representative of this group started to ‘close off’ from the rational processing of information under the influence of the initial factor, relying more on his intuitive assessment as this influence intensifies. We describe this phenomenon as ‘cognitive reduction’.

For the group with signs of high criticality, on the contrary, an increase in the influence of the initial factor on the explicit component is typical, while this influence on the implicit component decreases. As the strength of the influence of the initial factor increases, a typical representative of this group gradually ‘turns off’ implicit mechanisms of information perception, more actively using its rational capabilities.

It seems logical to call this phenomenon ‘cognitive induction’. The corresponding data are shown in Figure 8, where the high criticality group is represented by respondents with several higher educations or an academic degree (AD), the intermediate group — by respondents with higher and incomplete higher education (HE), and the low criticality group — by respondents with secondary education (SE).

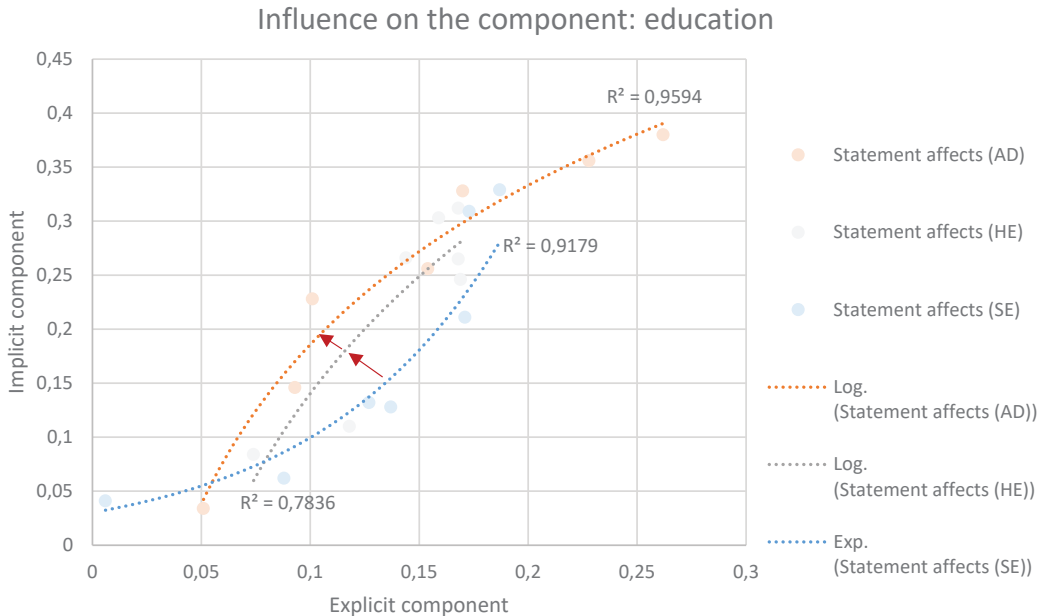

Fig. 8. A gradual change in the situationally dominant factor from low to high criticality

Therefore, the conclusion about whether the implicit and explicit components of the attitude are independent empirical entities, or they should be regarded rather as an observation artifact [11; 12; 13], looks pretty straightforward.

In a graphical form, this conclusion is illustrated in Figure 9.

Earlier, we found that the nature of the relationship between the initial factors and the attitude component is counter-intuitive: the initial factors predominantly affect the implicit component, and they are predominantly influenced by the explicit one [5]. This conclusion allowed us to reject the hypothesis (H_01): “there are no differences between explicit and implicit factors of behavior in terms of the strength and direction of correlations between these factors and the group of target initial factors”. The data presented in this article inevitably lead to the rejection of the second hypothesis (H_02): “there are no differences between explicit and implicit factors of behavior in terms of the nature of changes in their inherent correlations with the initial factors under the influence of extraneous disturbing factors”. The mentioned differences within the limits of the empirical data studied are confidently manifested and are reproduced with reasonable variability in the

entire set of measurements. Thus, any researcher will be forced to reject the basic hypothesis: “there are no differences in the response of explicit and implicit factors of behavior to the same initial factors both in the static and dynamic terms”. These differences are present in the most diverse forms. At the same time, there are no opportunities to explain this phenomenon otherwise than by the different nature of these factors.

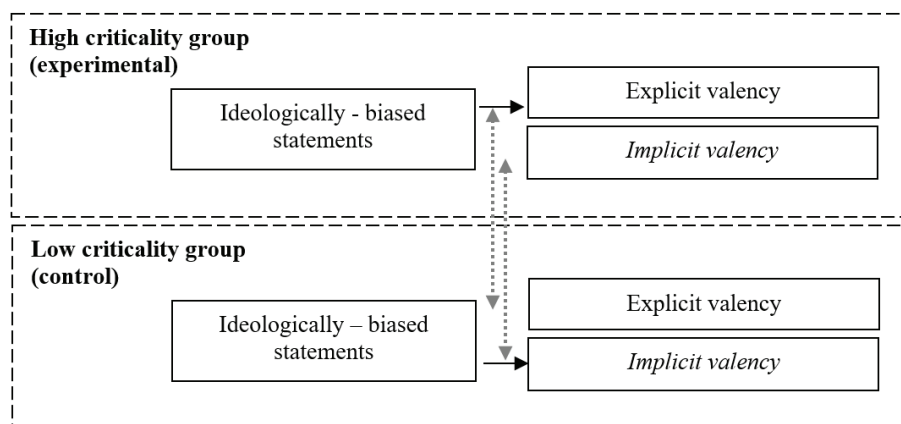

Fig. 9. Measurement result: a dynamic view

References

1. Chernozub O.L. Revealing the affective component of the electoral attitude: Creation and validation of a graphic associative test of the attitude. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018; 3.
2. Chernozub O.L. Electoral forecasting based on data on intentions: Limits of accuracy of the conventional model and prospects for its development based on emotional factors. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018; 4.
3. Chernozub O.L. Implicit factors and inconsistency of electoral behavior: From a theoretical concept to an empirical phenomenon. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020; 4.
4. Chernozub O.L. Implicit factors and inconsistency of electoral behavior: From attitude to behavior. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020; 5.
5. Chernozub O.L. The two-component model of behavior factors: Evidences of orthogonality of explicit and implicit factors. *RUDN Journal of Sociology*. 2022; 1.
6. Cluster D. What is critical thinking? *Critical Thinking and New Types of Literacy*. Moscow; 2005.
7. Conner M.T., Perugini M., O’Gorman R., Ayres K., Prestwich A. Relations between implicit and explicit measures of attitudes and measures of behavior: Evidence of moderation by individual difference variables. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007; 33 (12).
8. Dasgupta N., Rivera L.M. From automatic antigay prejudice to behavior: The moderating role of conscious beliefs about gender and behavioral control. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006; 91 (2).
9. Dewey D. *Psychology and Pedagogy of Thinking*. Moscow; 1997.
10. Facione P.A. *Critical Thinking: What It Is and Why It Counts*. PhD Thesis; 2017.

11. Fazio R. Attitudes as object-evaluation associations of varying strength. *Social Cognition*. 2007; 25 (5).
12. Fazio R. The role of attitudes in memory-based decision making. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990; 59 (4).
13. Fazio R., Olson M. The MODE model: Attitude-behavior processes as a function of motivation and opportunity. *Dual Process Theories of the Social Mind*. New York; 2014.
14. Fazio R.H., Jackson J.R., Dunton B.C., Williams C.J. Variability in automatic activation as an unobtrusive measure of racial attitudes: A bona fide pipeline? *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995; 69 (6).
15. Florack A., Scarabis M., Bless H. When do associations matter? The use of automatic associations toward ethnic groups in person judgments. *Journal of Experimental Social Psychology*. 2001; 37 (6).
16. Fong G.T., Krantz D., Nisbett R.E. The effects of statistical training on thinking about everyday problems. *Cognitive Psychology*. 1986; 18.
17. Foundation for Critical Thinking. URL: <http://www.criticalthinking.org/pages/defining-critical-thinking/766>.
18. Gawronski B., LeBel E.P. Understanding patterns of attitude change: When implicit measures show change, but explicit measures do not. *Journal of Experimental Social Psychology*. 2007; 44 (5).
19. Glaser E.M. *An Experiment in the Development of Critical Thinking*. Columbia University Press; 1941.
20. Halpern D. *Psychology of Critical Thinking*. Saint Petersburg; 2000.
21. Jordan C.H., Whitfield M., Zeigler-Hill V. Intuition and the correspondence between implicit and explicit self-esteem. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2007; 93 (6).
22. Kendrick R.V., Olson M.A. When feeling right leads to being right in the reporting of implicitly-formed attitudes, or how I learned to stop worrying and trust my gut. *Journal of Experimental Social Psychology*. 2012.
23. Koole S.L., Dijksterhuis A., van Knippenberg A. What's in a name: Implicit self-esteem and the automatic self. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2001; 80.
24. Lehman D.R., Lempert R.O., Nisbett R.E. The effects of graduate training on reasoning: Formal discipline and thinking about everyday-life events. *American Psychologist*. 1988.
25. Lehman D.R., Nisbett R.E. A longitudinal study of the effects of undergraduate training on reasoning. *Developmental Psychology*. 1990; 26.
26. Newson R. Parameters behind 'nonparametric' statistics: Kendall's tau, Somers' D and median differences. *Stata Journal*. 2002; 2 (1).
27. O'Connell A.A. *Logistic Regression Models for Ordinal Response Variables*. Sage Publications; 2006.
28. Paul R., Elder L. *The Critical Thinking Reading and Writing Test*. Foundation for Critical Thinking; 2006.
29. Paul R., Elder L. *The Miniature Guide to Critical Thinking Concepts and Tools*. Foundation for Critical Thinking Press; 2008.
30. Perugini M. Predictive models of implicit and explicit attitudes. *British Journal of Social Psychology*. 2005.
31. Perugini M., Richetin J., Zogmaister C. Prediction of behavior. *Handbook of Implicit Social Cognition: Measurement, Theory, and Applications*. Guilford Press; 2010.
32. Ranganath K.A., Smith C.T., Nosek B.A. Distinguishing automatic and controlled components of attitudes from direct and indirect measurement methods. *Journal of Experimental Social Psychology*. 2008; 44.
33. Schoenfeld A.H., Herrmann D.J. Problem perception and knowledge structure in expert and novice mathematical problem solvers. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. 1982; 5.
34. Shuman A.N. *Modern Logic: Theory and Practice*. Minsk; 2004.

35. Somers R.H. A new asymmetric measure of association for ordinal variables. *American Sociological Review*. 1962; 27 (6).
36. Strack F., Deutsch R. Reflective and impulsive determinants of social behavior. *Personality and Social Psychology Review*. 2004; 8.
37. Strack F., Neumann R. Furrowing the brow may undermine perceived fame: The role of facial feedback in judgments of celebrity. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2000; 26.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-259-274

Двухкомпонентная модель факторов поведения: феномен упреждающего вовлечения ситуационно доминирующего фактора*

О.Л. Чернозуб, С.И. Терешкин

Институт исследований социального действия
2-ой Щемилковский пер., 2, Москва, 127055, Россия
(e-mail: 9166908616@mail.ru; s.tereshkin@gmail.com)

Аннотация. Одним из дискуссионных вопросов в теории социального действия выступает взаимодействие эксплицитных и имплицитных факторов в их влиянии на поведение человека. «Параллельные» модели влияния противостоят «последовательным»: первые утверждают, что один фактор порождает другой, и последний влияет на поведение; вторые — что факторы носят независимый характер и влияют на поведение каждого по-своему. В практическом плане согласие с одной из этих моделей означает отказ или принятие возможности конфликта факторов и трактовки поведения как результата этого конфликта. Ранее мы выяснили, что характер влияния идеологически предвзятых высказываний на эксплицитные и имплицитные компоненты установки к объекту этих высказываний может быть прямо противоположным, — теперь логично проверить, насколько это явление устойчиво. Если это так, то необходимо будет признать независимую природу факторов поведения. Такая проверка была проведена и (в рамках использованного эмпирического материала) подтвердила правильность «параллельных» моделей. Этот вывод тем более убедителен, что был получен путем наблюдения за динамикой ассоциаций между компонентами отношения и предполагаемыми факторами его формирования. По мере повышения критичности респондентов характер этих отношений предсказуемо меняется, но для эксплицитной и имплицитной компонент установки он меняется по-разному. Более того, мы столкнулись с феноменом, который назвали «упреждающим задействованием ситуационно доминирующего фактора» познания. Если мы не ошибаемся в понимании его природы, то основы теорий «последовательного» влияния оказываются под вопросом.

Ключевые слова: факторы поведения; двухкомпонентная модель факторов поведения; эксплицитные факторы; имплицитные факторы; установка; структурная теория установки; теория двух систем; теория дуального процесса; упреждающее возбуждение ситуационно-доминирующего фактора; ГАТО; ТОД/ТЗП; IAT; MODE; RIM.

* © Чернозуб О.Л., Терешкин С.И., 2022

Статья поступила 07.09.2021 г. Статья принята к публикации 17.12.2021 г.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-275-290

Социальные представления о covid-19 в условиях нестабильной информационной среды (исследование середины 2021 года)*

М.М. Назаров¹, В.Н. Иванов^{1,3}, Е.А. Кублицкая²

¹Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

²Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

ул. Фотиевой, 6, к. 1, Москва, 119333, Россия

³Российский университет дружбы народов

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: vy175867@yandex.ru; vilen_ivanov@bk.ru; eakubl@yandex.ru)

Аннотация. Актуальность изучения социальных следствий covid-19 определяется тем, что это трансформирующее событие повлияло на самые разные стороны жизни российского общества. В статье приведены результаты опроса о коронавирусной инфекции, проведенного среди жителей столичного мегаполиса в середине 2021 года. Подавляющее большинство респондентов рассматривали коронавирус как опасное заболевание, к которому следует относиться со всей серьезностью. Феномен коронавируса в силу своей сложности, слабой изученности и массовости распространения приобрел не только медико-биологическое, но и политико-экономическое и медийное измерение. Информационное поле о происхождении, источниках и мерах борьбы с заболеванием испытывало изменения во времени и было зачастую противоречивым. Типологический анализ показал, что в обществе существует несколько групп с разными социальными представлениями о происхождении, мерах борьбы и социальных последствиях covid-19. Значительная по численности группа — около половины респондентов — разделяли представления, во многом альтернативные по отношению к официальной и доминирующей в информационном поле интерпретации коронавируса. Исследование показало, что широкое согласие с опасностью коронавируса сочеталось с приоритетом личного выбора средств борьбы с ним. Большинство опрошенных (61 %) было против введения обязательной вакцинации: среди наиболее популярных мотивов — сомнения в ее эффективности и опасения побочных эффектов; приоритет индивидуального выбора и прав граждан, нежели государства. Была обнаружена статистически значимая связь между отношением к обязательной вакцинации и доверием к власти: невысокий уровень согласия с обязательной вакцинацией очевидным образом соотносится с низким уровнем доверия к ведущим социально-политическим институтам. Показано, что российский медийный дискурс

* © Назаров М.М., Иванов В.Н., Кублицкая Е.А., 2022

Статья поступила 27.11.2021 г. Статья принята к публикации 23.03.2022 г.

о необходимости массовой вакцинации сопровождался широким распространением построенных, жестко дифференцирующих российских граждан, что не может не вызывать озабоченности в связи с задачами обеспечения социальной стабильности и единства общества.

Ключевые слова: социальные представления; медиа; Интернет; социальные сети; инфодемия; коронавирус; вакцинация; covid-19

Covid-19 оказал серьезное влияние на многие стороны жизни российского общества, что актуализировало изучение социальных представлений о данном феномене. Коронавирус фактически стал глобальным явлением, легко преодолевая границы стран и континентов. Также глобальными во многих своих проявлениях стали информационная повестка и меры борьбы с пандемией. В статье приводятся результаты исследования ковидной проблематики, в фокусе которого были следующие вопросы: какими были установки населения в связи с covid-19? Какое отношение сложилось к предпринимаемым властями мерам борьбы с ним? Каковы особенности медийного дискурса о вакцинации?

Эмпирическая основа работы — данные опроса в Москве, проведенного в июне-июле 2021 года (N = 793: выборка квотная, отражающая структуру населения столичного мегаполиса). Первичная эмпирическая информация была собрана с помощью метода онлайн-опроса. Подавляющее большинство опрошенных либо лично, либо на уровне своей малой группы испытали негативное влияние ковида; перенесли заболевание в легкой форме 37%, в тяжелой форме — 10%; существенная часть опрошенных не болела, но болели члены их семьи, близкие родственники, знакомые (36%); небольшая часть респондентов (15%) указали, что ни они сами, ни их близкие и знакомые не болели. Фактически на период исследования коронавирус затронул самые широкие слои общества.

Социальный и информационный контекст формирования представлений о коронавирусе

Говоря о сложившихся в период исследования массовых представлениях о коронавирусе, будем иметь в виду ряд обстоятельств. Следует учитывать сложность и слабую изученность явления, широкое распространение которого было связано с высокой опасностью для жизни, включая летальные исходы. По итогам первого года наблюдений за covid-19 отмечалось, что общий уровень опасности коронавируса в нашей стране менялся в зависимости от информационной повестки, принимаемых мер и числа новых заражений. Согласно ежемесячным замерам настроений по прошествии года после начала пандемии ощущение общего уровня опасности находилось на уровне 5,51 из 10 баллов. На март 2021 года около половины населения (46%) считали, что пик эпидемии пройден и она должна пойти на спад [1]. Обратим внимание на систему индикаторов влияния covid-19 на разные стороны жизни, разработанную в рамках проекта «КоронаФОМ». Полученные на этой основе мониторинговые данные позволили сделать вывод, что «если в начале россияне питали надежду на быструю победу над коронавирусом, то к концу пер-

вого месяца эпидемии стало совершенно ясно, что перспективы ее окончания очень туманны и нужно привыкать к новому образу жизни» [12. С. 46].

Поскольку москвичи на период исследования в июне-июле 2021 года прожили в условиях коронавируса более года, то новый негативный опыт не мог не сказаться на социальных настроениях. Проблема «распространения коронавирусной инфекции covid-19» заняла второе место в лидирующей группе социальных проблем, беспокоящих респондентов (49 %). Лидером по числу упоминаний стала «дороговизна жизни» (53 %), причем эта характеристика была устойчивой в последнее десятилетие, и ковид не изменил приоритеты людей. В группу наиболее важных социальных проблем также вошли «рост тарифов на услуги ЖКХ» и «произвол и бюрократизм чиновников» (по 46 %).

Пандемия стала тем новым глобальным вызовом, который привел к усилению настроений, связанных с ощущением общей угрозы, нарастанием нестабильности и опасности. Согласно глобальному исследовательскому проекту Edelman Trust Barometer, в октябре-ноябре 2020 года распространенность подобных настроений была следующей: опасения потери работы — 84 %; негативных климатических изменений — 72 %; хакерских и кибер-атак — 68 %; заражения covid-19 — 65 %; утраты гражданских свобод — 61 % [15]. Фактически ковид «вплетается» в социальную ткань, разрушая одни сложившиеся практики и интенсифицируя другие, существовавшие ранее.

Иным важным обстоятельством, с которым соотносились оценки коронавирусной инфекции, стало состояние информационной среды. Опираясь на теорию зависимости медиа, можно утверждать, что особую социальную значимость система медиа приобретает в критические моменты истории — экономических кризисов, природных катастроф, политических потрясений и социальных конфликтов [14. Р. 305–321]. В эти периоды уровни неопределенности и психологической дезорганизации возрастают, индивиды объективно оказываются более зависимы от внешней медиасреды. Медиа оказались единственным (наряду с личным опытом) источником информирования и в значительной мере решающим средством формирования представлений о содержании и перспективах борьбы с коронавирусом, о его политико-экономических и социокультурных последствиях.

В период «новой нормальности» информационная ситуация была сложной. С одной стороны, официальные оценки этого явления претерпевали изменения, причем «сигналы» со стороны уполномоченных представителей медицинских властей оказывались зачастую противоречивыми. Причем это касалось не только российской стороны, но и Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), обеспечивающей на глобальном уровне координацию организационно-профилактических методов и решений, а также официальную информационную поддержку борьбы с коронавирусом. Негативная социально-психологическая атмосфера в обществе (летальные исходы, локдауны, ограничения, нарушение сложившихся практик социального взаимодействия,

новые режимы труда и отдыха и др.) послужила основанием для разных представлений о covid-19.

Анализ освещения пандемии на «Первом канале» российского телевидения в феврале-июле 2020 года выявил наличие разных информационных стратегий — смягчения, затем проблематизации и, наконец, повторной депроблематизации. Предполагалось, что подобная волновая депроблематизация могла повлиять на восприятие ситуации населением и усложнить эффективную коммуникацию с аудиторией в случае ухудшения ситуации [4]. Различные информационные стратегии официальных медиа также были выявлены применительно к цифровой среде в марте-сентябре 2020 года [10]. Исследование социально-психологических предпосылок отношения к дезинформации показало, что принятие необходимости государственных мер по защите общества от дезинформации, а также готовность к отказу от свободы общения в социальных сетях обусловлено не только просоциальными установками, но и с конспирологической ориентацией, с низким уровнем доверия [8].

Поддержание когерентной «картины мира» о коронавирусе в условиях современной информационной среды оказалось достаточно сложным. Интенсификация информационного потребления в связи с пандемией была сопряжена с более активным обращением не только к традиционным офлайновым средствам (телевидению, радио, прессе), но и к Интернету. Причем здесь внимание аудитории получали не только массовые информационные ресурсы, но, прежде всего, социальные сети. Логика использования последних изначально предполагала высокую включенность в обсуждение разной проблематики, распространение точек зрения, зачастую далеких от медийного мейнстрима.

Далеко не случайно в условиях нарастания в мировой информационной среде «лакун» и неопределенностей ВОЗ стала использовать термин «инфодемия» — «избыток или переполнение информацией, иногда точной, иногда нет, что усложняет нахождение заслуживающих доверия и надежных источников» [16]. Инфодемия стала основанием для критики в адрес ведущих технологических интернет-игроков (Google, Facebook и др.), чьи алгоритмические системы управления контентом способствовали выдвиганию на первые позиции поиска сенсационных и непроверенных материалов, которые объективно принижали значимость комментариев ВОЗ и национальных медицинских властей. Крупнейшие цифровые игроки, как и традиционные официальные медиа, практически повсеместно приняли необходимые правила игры — нежелательный контент был минимизирован, были внедрены новые технологии проверки и контроля сообщений. В качестве примера такого информационного контроля по теме коронавируса можно привести нормы публикаций, принятые мировым видеохостингом YouTube [13]. Аналогичные меры контроля были применены Facebook, Twitter и другими популярными сетями.

Оценивая подобные меры, надо учитывать, что дискуссии о коронавирусе изначально были сосредоточены вокруг позиций ВОЗ и национальных

медицинских властей. Альтернативные мнения о происхождении и особенностях заболевания, способах профилактики и лечения были выведены за рамки обсуждаемого. Причем это касалось не только массовой аудитории, но и профессионального медицинского сообщества. Очевидно, что продолжительность коронавирусной инфекции, мутация штаммов, «новые волны» заболевания и рост статистики смертельных исходов объективно обуславливали нарастание нервозности в обществе, поиск альтернативных точек зрения и активное использование для этого Интернета.

Показательно, что в вопросе о том, насколько объективно российские СМИ освещают проблемы коронавирусной инфекции, распределение ответов было следующим: объективно — 15,4%, иногда объективно, иногда нет — 44%, необъективно — 31,8%, затруднились ответить — 8,8%. Эти данные следует рассматривать на фоне общего падения доверия официальным медиа — телевидению, радио, газетам. Так, доля москвичей, доверявших СМИ, составила 30,8% в 2016 году, 25,2% — в 2018, 11,5% — в 2021. В этих условиях неслучайно в массовом сознании существовали самые разные оценки коронавирусной инфекции.

Типология массовых представлений о covid-19

В рамках исследования были изучены массовые представления о феномене ковида. На основе анализа текстов СМИ были определены 11 суждений, охватывающие ключевые моменты в предметном поле повестки дня о ковиде — как в официальной, так и в альтернативной. Суждения эти имели разную оценочную направленность, что отражало наличие неоднозначных, зачастую противостоящих друг другу представлений в информационном поле. Распределение оценок суждений приведено в Таблице 1, где оценочные суждения ранжированы по уровню согласия с каждым из них. Большинство респондентов (77,6%) рассматривали коронавирус как серьезную угрозу здоровью и жизни. Два других лидирующих суждения относятся к негативному влиянию covid-19 на социальную сферу — образование и здравоохранение. Речь идет о переводе школ на удаленные занятия (69,4%) и переориентации части клиник на борьбу с коронавирусом и, как следствие, общем росте смертности (61,9%).

Другая группа суждений, которые поддержали более половины респондентов, относится к состоянию социально-психологической усталости и переизбытка негативной информации о заболевании (55,5%); а также ожидания завершения пандемии в обозримом будущем и возвращения жизни к прежним условиям (53,6%). В приведенном перечне можно выделить группу суждений, оценки которых дифференцирует респондентов — эти суждения относятся к политико-экономическим процессам, сопряженным с коронавирусом, возможными причинами и источниками заболевания. Речь идет об интерпретации роли государства в борьбе с ковидом; представлении об искусственном происхождении вирусной инфекции; ситуации с правами

человека в условиях кризиса, с учетом интересов глобальных элит и производителей вакцин. Как доля согласных, так и доля не согласных с каждым из этих суждений была значительной.

Таблица 1

**Отношение к оценочным суждениям о коронавирусной инфекции
(% от числа опрошенных)**

Суждения	Согласен	Не согласен	З/о
Коронавирус covid-19 продолжает угрожать здоровью и жизни, поэтому мы должны относиться к этой проблеме очень серьезно	77,6	8,8	13,6
В связи с коронавирусом школы переводят на удаленный режим (онлайн-занятия), что разрушительно для образования	69,4	17	13,6
Переориентация медицинских учреждений на борьбу с коронавирусом негативно сказалась на смертности, в том числе от других заболеваний	61,9	12	26,1
Я настолько устал(а) от всех разговоров о коронавирусе, что даже не хочу думать об этом	55,5	31,1	13,4
Через один-два года влияние коронавируса ослабнет и жизнь вернется в привычное русло	53,6	14,8	31,7
Под прикрытием опасности от коронавируса власти нарушают права человека и вводят тотальный контроль над жизнью людей	46,2	27	26,9
Коронавирус covid 19 — это искусственно созданный вирус, биологическое оружие	34,7	23,2	42,1
Опасность коронавируса преувеличена — за счет этого фармацевтические компании получают огромные прибыли	31	41,6	27,4
Жесткие ограничения против коронавируса доказывают, что государства поставили жизнь человека выше экономических выгод	30,4	39,2	30,4
Ссылки на коронавирус используются глобальными элитами для преднамеренного сокращения роста мировой экономики	20,8	27,5	51,7
Коронавирус — это реакция природы, призванная ослабить негативное влияние человека на окружающую среду	19,5	47,2	33,3

Можно ли определить группы респондентов, ответы которых являются однородными — близкими по оценкам суждений? Сначала был использован метод латентно-структурного анализа (выделения латентных классов) — с его помощью можно выделить внутреннюю неявную структуру, которая обуславливает характер ответов в пространстве изучаемых переменных. Было реализовано несколько итераций этой процедуры, предполагающих разбиение эмпирического массива на устойчивые однородные группы респондентов (8 решений с количеством кластеров от 2 до 8). Результаты показали, что средние оценки

ряда переменных в выявленных группах примерно одинаковы, т.е. не являются значимыми дифференцирующими признаками и могут быть опущены на следующем шаге — при помощи двухэтапного кластерного анализа была осуществлена процедура классификации, фиксирующая наличие устойчивых типологических групп — кластеров — в связи с отношением к коронавирусу (Табл. 2). Кластеризация осуществлялась в пространстве тех признаков, которые значимо дифференцируют отношение опрошенных к изучаемому явлению.

Таблица 2

**Типологические группы в связи с отношением к коронавирусу
Средние значения переменных в кластерах***

Переменные / Кластер	1	2	3	Среднее
Преувеличение опасности коронавируса	2,47	1,26	1,25	1,89
Психологическая усталость от коронавируса	2,47	2,41	1,39	2,24
Нарушение прав человека под прикрытием коронавируса	2,58	2,10	1,26	2,19
Позитивная роль государства в борьбе за жизнь людей в условиях ковида	1,72	1,66	2,79	1,91
Коронавирус как предлог элит для замедления мировой экономики	2,28	1,36	1,81	1,93
Искусственное происхождение коронавирусной инфекции	2,44	1,51	2,1	2,11
Доля в массиве, %	52,7	27,7	19,5	100

* Приводятся краткие формулировки переменных. В таблице приведены средние значения переменных в группе (кластере); шкальные значения: «3 — согласен», «1 — не согласен»

В массиве обнаружены три внутренне однородные и отличные друг от друга группы респондентов в связи с их отношением к оценочным суждениям. Первый кластер составляют респонденты, склонные считать, что опасность коронавируса преувеличена; соглашающиеся с идеей его искусственного происхождения; выражающие опасения в связи нарушением гражданских прав в условиях коронавируса; сомневающиеся в том, что меры локдауна действительно отражают борьбу государства за здоровье граждан. Респондентам этой группы присуща усталость от избытка информации по теме коронавируса. Доля представителей этого кластера — 52,7%.

Респондентам второго кластера также присуща психологическая усталость от коронавирусной темы. Однако в отношении других переменных им свойственны иные оценки: они не согласны с идеями о преувеличении опасности инфекции, ее искусственном происхождении, связи распространения ковида с задачами сокращения роста экономики. Ближе к нейтральным позиции этой группы по вопросам позитивной роли государства и ограничении гражданских прав в связи с антивирусными мерами. Доля кластера — 27,7%.

Представители третьего кластера в большей части оценок противоположны первому кластеру. Они поддерживают жесткие ограничения, которые вводятся государством; не согласны, что при этом нарушаются гражданские права людей; согласны с позитивной ролью государства и жесткими мерами борьбы. Им не свойственна психологическая усталость от обсуждения проблем коронавируса. Доля третьего кластера — 19,5 %.

Приведенная типология дает количественное представление о том, что в обществе существует далеко неоднозначные представления о covid-19: доля респондентов, разделяющих неконвенциональные оценочные суждения, — около половины опрошенных.

Коронавирусная инфекция: отношение к мерам борьбы с заболеванием

В условиях распространения коронавируса от властей требовались оперативные и эффективные меры борьбы с массовым заболеванием. Сразу был введен ряд мер санитарной профилактики, направленных на предотвращение распространения инфекции — масочный режим, социальная дистанция, удаленная работа и учеба, в экстренных случаях — локдаун и закрытие предприятий. Ключевым инструментом в борьбе с коронавирусом изначально рассматривалась массовая вакцинация. В июне-июле 2021 года распределение ответов на вопрос, собираются ли респонденты сделать прививку, было следующим: прививку уже сделали — 21 %; собирались сделать в ближайшее время — 20 %; не собирались делать прививку — 47 %; затруднились ответить — 12 %.

Согласно медицинским властям и официальным медиа, для успеха вакцинации требовался массовый коллективный иммунитет, который следовало обеспечить максимально быстрыми темпами. В этой связи в первой половине 2021 года в СМИ стали обсуждать идею обязательной или принудительной вакцинации. Каким было отношение респондентов к этой идее: «положительное» — 14,6 %; «нейтральное» — 19,3 %; «отрицательное» — 61 %; затруднились ответить — 5 % (Табл. 3).

Наиболее яркие отличия в отношении к обязательной вакцинации связаны с возрастом: в группе 14–29 лет индекс положительного отношения составил 66, т.е. среди молодых респондентов доля поддерживающих обязательную вакцинацию на 44 % меньше, чем среди всех опрошенных. В возрастной группе старше 50 лет индекс поддержки составил 152, т.е. здесь доля поддерживающих обязательную вакцинацию на 52 % больше, чем в массиве. Эти показатели уточняют цифры положительного отношения к обязательной вакцинации среди молодых (14–29 лет) и старших (50+) респондентов: 9 % против 22 %. Негативное отношение к обязательной вакцинации также значимо разделяет представителей этих возрастных групп: 71 % против 48 %. Таким образом, в отношении обязательности вакцинации молодые респонденты настроены более мягко, чем представители старшего возраста. Поддержка обязательной вакцинации также в несколько большей степени характерна для

людей с низкими доходами. В целом негативное отношение к обязательной вакцинации присуще представителям разных социально-демографических групп в равной степени (за исключением возрастных особенностей).

Таблица 3

Отношение к обязательной вакцинации

Социально-демографические группы	Отношение к обязательной вакцинации					
	Положительное		Нейтральное		Отрицательное	
	%	Индекс	%	Индекс	%	Индекс
Пол						
Мужской	15,3%	105	22,7%	118	58,6%	96
Женский	14%	96	16,2%	84	63,3%	104
Возраст						
14–29	9,7%	66	16,6%	86	71,4%	117
30–49	11,3%	77	19,2%	100	64,9%	106
50+	22,3%	152	21,5%	112	48,5%	80
Образование						
Начальное/Среднее общее	13,3%	91	25,5%	132	59,2%	97
Среднее специальное	16,7%	114	24%	124	53,1%	87
Высшее	14,1%	97	16,3%	85	64,4%	106
Доход						
Высокий	14%	96	22,4%	116	61,7%	101
Средний	15,5%	106	18,4%	95	60,8%	100
Средне-низкий	13,3%	91	20,5%	106	60,8%	100
Низкий	22,9%	156	15,7%	81	57,1%	94

* Если индекс больше 100, то относительная доля в группе больше, чем доля среди массива в целом; если индекс меньше 100, то справедливо обратное

В исследовании были также изучено отношение респондентов к оценочным суждениям о вакцинации и обязательности этой меры. Большая часть опрошенных выступала против обязательной вакцинации по двум основным мотивам: первый мотив относился к медицинской стороне вопроса — сомнения в эффективности вакцин, опасения негативных побочных явлений (77,9%); второй мотив имел социально-правовое измерение — 78,3% отдавали приоритет в принятии решения о вакцинации индивидуальному выбору граждан, нежели государству.

Полномасштабная программа вакцинации осуществлялась на государственном уровне, в нее были включены представители властей разного уровня. В этой

связи возник вопрос: существует ли связь между доверием к властным институтам и отношением к обязательной вакцинации? Поскольку шкалы переменных доверия к институтам власти и отношения к вакцинации являются номинально-упорядоченными, то был применен однофакторный дисперсионный анализ Краскэла-Уоллиса: была проведена проверка модели влияния группирующей переменной (доверие к властным институтам) на анализируемую переменную (отношение к возможности обязательной вакцинации). В Таблице 4 приведены результаты проверки статистической гипотезы, что средние ранги отношения к вакцинации равны в каждой из сравниваемых групп доверяющих и не доверяющих институтам власти. Фактически эта гипотеза эквивалентна гипотезе об отсутствии влияния группирующей переменной на анализируемую переменную. Обратим внимание на зафиксированный уровень значимости (0,000) применительно ко всем группирующим переменным — властным субъектам, т.е. имеются все основания отвергнуть исходную гипотезу об отсутствии влияния доверия к власти на отношение к вакцинации на уровне значимости $\alpha = 0,000$ — правомерно говорить о наличии связи между доверием к властным институтам и отношением к обязательной вакцинации.

Таблица 4

Результаты проверки связи доверия к властям и отношения к вакцинации

Доверие институтам власти			Отношение к возможности обязательной вакцинации от covid-19	
	N	Средний ранг		
Президент РФ				
Доверяют	281	358,26	Хи-квадрат	47,762
Не доверяют	340	271,94	Значимость	0,000
Правительство				
Доверяют	183	380,94	Хи-квадрат	64,812
Не доверяют	427	273,17	Значимость	0,000
Совет Федерации				
Доверяют	145	364,11	Хи-квадрат	55,526
Не доверяют	429	261,61	Значимость	0,000
Государственная Дума				
Доверяют	125	390,7	Хи-квадрат	48,756
Не доверяют	486	284,22	Значимость	0,000

Кто проявляет большую поддержку обязательной вакцинации — доверяющие или не доверяющие субъектам российской власти? Напомним, что анализируемая переменная — отношение к обязательной вакцина-

ции — имеет определенный порядок (шкала: «1 — отрицательно»; «2 — нейтрально»; «3 — положительно»). Можно проследить, что средний ранг поддержки вакцинации среди доверяющих субъектам власти (Президенту РФ, Правительству, Совету Федерации, Государственной Думе) выше, чем среди не доверяющих, т.е. отношение к обязательной вакцинации связано с доверием к властным институтам. Невысокий уровень согласия с обязательной вакцинацией соотносится с низким уровнем доверия к ведущим социально-политическим институтам.

Настороженное отношение населения к инициативам российских властей в связи с вакцинацией имеет под собой разные основания. Возможно, не последнюю роль сыграли знаковые случаи того, как первые лица страны представляли свое отношение к ряду ключевых социально-экономических вопросов, оказавших влияние на жизнь широких слоев населения: сначала говорилось о недопустимости тех или иных болезненных для населения действий со стороны власти, а затем происходило обратное. Пример — известная тема готовности «лечь на рельсы» в случае, если радикальные экономические реформы приведут к резкому повышению цен в начале 1990-х годов. Характерный пример последнего времени — пенсионная реформа: долгое время представители власти говорили о нецелесообразности повышения пенсионного возраста, но в середине 2018 года на законодательном уровне было принято обратное решение.

Массовый дискурс о вакцинации: признаки ценностного раскола

Проблематика пандемии, в том числе тема вакцинации, получила широкое отражение в информационном пространстве — как в официальных офлайн- и онлайн-медиа, так и в социальных сетях. Причем интенсивность дискуссий здесь была высокой, а эмоциональная окраска далека от радужных тонов. В массовом социально-политическом и культурном языке новейшего времени укоренились черно-белые понятия, делящие людей на правильных и неправильных — «ваксеров» и «антиваксеров», «прививочников» и «антипрививочников», «вакциноманов» и «ковид-диссидентов» и т.п. В целом это отражало раскол общества на сторонников и противников разных ответов на вопросы о новой пандемической реальности [12. С. 36].

Изначально подход российских властей к вакцинации был достаточно умеренным — преобладала точка зрения о необходимости самостоятельного решения каждого. Постепенно, по мере приближения третьей волны коронавируса в июне-июле 2021 года тональность подачи информации изменилась. Несмотря на заявления Президента, руководства Совета Федерации и Государственной Думы о необходимости соблюдения принципа добровольности вакцинации стали звучать оценки другой направленности, зачастую со стороны руководителей Роспотребнадзора, Министерства здравоохранения, глав

российских регионов, которые непосредственно отвечали за борьбу с коронавирусной инфекцией, что и нашло выражение в медийном пространстве.

Можно выделить несколько типов критических аргументов в адрес граждан, не желающих делать прививки, т.е. в пользу обязательной вакцинации. Наряду со взвешенными аргументами в пользу вакцины как наиболее эффективного средства профилактики коронавирусной инфекции достаточно многочисленными были иные суждения. Первая группа аргументов связывала нежелание обязательной вакцинации с низким уровнем просвещенности или невежеством, и это не только российский феномен. Известная публицистка А. Латынина писала, например, что «российские антиваксеры не являются чем-то уникальным. В Африке не хотят вакцинироваться, чтобы белые не поставили чипы, в Пакистане не хотят вакцинироваться, чтобы неверные не поставили чипы, в Америке реднеки и чернокожие отказываются вакцинироваться, причем, согласно либеральным медиа, реднеки отказываются из-за своего вопиющего невежества, а чернокожие — из-за многовекового расизма и угнетения, а также “глубокого недоверия к существующим институтам”» [2].

Близка к теме невежества идея о неприятии вакцинации из-за широко распространившихся косности и страха. Например, в фокусе общественного внимания оказалось мнение депутата Госсовета Республики Татарстан и телеведущего И. Аминова: «Люди — это те же животные. Существует закон стада. Необходимо привить больше 60 % особей, чтобы сформировался коллективный иммунитет. И если безмозглому барану уже ничего не объяснить, нужно заставить его ради выживания всего стада» [11].

В дискурсе о необходимости обязательной вакцинации присутствовала тема национального характера и традиций, которые в отдельных проявлениях обладают «дефектностью», что и предопределяет необходимость авторитарных решений. «Что же делать? ...Надо перестать играть в свободный выбор, а действовать старым добрым приказом. ... Ведь русский человек и сам чувствует в душе своей некий анархизм, неорганизованность, слабую способность к самодисциплине и оформлению жизни. И в глубине души взыскует начальника, который бы ввел его в рамки, принял на себя труд наведения порядка в его жизни» [3]. Более того, апелляция к «сильной руке» зачастую обосновывалась принципиальной неспособностью «неправильных» граждан сделать разумный выбор. Характерен эмоциональный пост в Фейсбуке популярного российского писателя С. Лукьяненко [9], где просматривается намерение достаточно жестко разделить россиян в связи с вакцинацией на избранных и отверженных. Известный политолог С. Марков, отмечая сложную эпидемиологическую обстановку в стране в середине 2021 года, отметил «полный провал государственной пропаганды... Напрашивается комплекс мер... Жесткое заявление властей, что теперь навсегда права вакцинированных и невакцинированных будут отличаться. И вакцинирование — это общественно необходимое действие. Вакцинация — это гражданский долг, это патриотический долг, это семейный долг, это должно быть лозунгом медицинской диктатуры» [7].

Информационное давление, связанное с доведением властной повестки до населения, в частности, в связи с обязательностью вакцинации, не всегда встречало понимание. Сомнение у многих вызывали, например, способ вакцинации как единственного средства борьбы с ковидом, требование информированного согласия вакцинирующихся в условиях недостатка знаний о механизмах и побочных эффектах вакцин, противоречивые заявления руководства медицинских и надзорных органов об источниках, причинах и статистике распространении коронавирусной инфекции. Граждане были все менее «склонны доверять официальной статистике. Фактически одним из неочевидных следствий пандемии становится интоксикация статистической информацией. При этом все большему количеству людей становится очевидным, что чиновники и эксперты используют статистику по своему усмотрению» [6. С. 212]. К тому же практическая реализация мер борьбы с инфекцией была переведена центральными органами власти на уровень регионов. Меры эти осуществлялись в рамках указов и предписаний административного порядка, не всегда соотносящихся с конституционными нормами.

В условиях цифровой информационной среды сложно было минимизировать альтернативные — по отношению к официальным — точки зрения. Более того, интерактивная природа Интернета и особенно социальных сетей способствовала включенности людей в обсуждение актуальной проблематики. Важной особенностью этих средств является и то, что технологически сети выступают средством формирования сообществ, в которых участники согласны между собой по ключевым вопросам, а носители иных представлений маргинализуются (эффект «эхо-камер» социальных сетей), что с очевидностью проявилось в обсуждениях ковидной проблематики и особенно обязательной вакцинации.

Немаловажным фактором, усугубляющим ситуацию, был минимальный на период исследования показ в СМИ точек зрения в профессиональном медицинском сообществе. Как в российском, так и в мировом информационном пространстве точки зрения, отличающиеся от рекомендаций ВОЗ и российского медицинского истеблишмента, были практически выведены за скобки обсуждений. Это обстоятельство становилось все более важным по мере того, как действительность демонстрировала противоречивые примеры протекания, результатов лечения и последствий covid-19. Общеизвестно, что престиж медиа зачастую играет меньшую роль в формировании представлений, нежели межличностные контакты даже в стабильной ситуации. Применительно к кризису, предметом которого является здоровье людей, это тем более так: в условиях давления официальных медиа граждане еще активнее обращаются к опыту родных и близких, знакомых врачей. На этой основе происходит формирование взглядов и оценок, а также радикализация и противопоставление людей, что имеет далеко идущие негативные последствия с точки зрения консолидации общества.

Не так давно по историческим меркам наша страна переживала ситуацию, когда радикальные реформы 1990-х годов вызвали культурную травму

населения России и дезинтеграцию общества, в ходе которой возник ценностный разрыв [5]. Как было показано выше, сейчас в медиасреде наблюдается активное противопоставление различных групп общества в связи с вакцинацией, которое затрагивает фундаментальные представления людей о защите здоровья, правах личности и общества, границах вмешательства в частную жизнь и др. В этой связи важно, чтобы государство использовало механизмы управления для минимизации политических и культурных угроз, применяло стратегии, сдерживающие нарастание ценностных разрывов в обществе.

Библиографический список

1. Артамонов Р.Е., Лаврентьев Н.В. Общественное мнение в течение года пандемии: оценки событий и тенденций // «Черный лебедь» в белой маске. Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии covid-19 / Под ред. С.М. Плаксина, А.Б. Жулина, С.А. Фаризовой. М., 2021.
2. Бунт невежд. Юлия Латынина рассказывает историю вакцинации и борьбы с ней // URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/08/07/bunt-nevezhd>.
3. Воеводина Т. Прививаться не хотят // URL: https://zavtra.ru/blogs/privivat_sya_ne_hotyat.
4. Казун А.Д., Казун А.П. Волновая (де)проблематизация: освещение пандемии коронавируса в России на федеральном телеканале // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6.
5. Кара-Мурза С.Г. Ценностный разрыв как политическая проблема // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 2.
6. Кузнецов Г. Реституция власти: пандемия, экспертократия и новая политическая реальность // Прощай, covid? / Под ред.: К. Гаазе, В. Данилова, И. Дуденкова, Д. Кралечкин, П. Сафронов. М., 2020.
7. Марков Сергей // URL: https://vk.com/wall382620481_25939.
8. Михеев Е.А., Нестик Т.А. Психологические механизмы инфодемии и отношение личности к дезинформации о covid-19 в социальных сетях // Социальная и экономическая психология. 2021. № 1.
9. Писатель Сергей Лукьяненко живописал, что сделал бы с противниками вакцинации // URL: <https://newizv.ru/news/society/21-06-2021/pisatel-sergey-lukyanenko-zhivopisal-cto-sdelal-by-s-protivnikami-vaktsinatsii>.
10. Рябченко Н.А., Малышева О.П., Мирошниченко И.В. Дискурс «конституционные поправки» и «пандемия коронавируса» в цифровой политической повестке дня в 2020 г.: агитация vs сдерживание в официальных СМИ // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2021. № 2.
11. Савельев М. «Маски брошены, это что-то нереальное»: россияне врезали депутату, назвавшего их «безмозглыми баранами» // URL: <https://sobesednik.ru/obshchestvo/20210727-maski-broseny-eto-cto-to-nerealnoe>.
12. Социология пандемии. Проект «КоронаФОМ» / Рук. авт. колл. А.А. Ослон. М., 2021.
13. COVID-19 medical misinformation policy // URL: <https://support.google.com/youtube/answer/9891785?hl=en>.
14. DeFleuer M., Ball-Rokeach S. Theories of Mass Communication. N.Y., 1989.
15. Edelman Trust Barometer 2021 Global Report // URL: <https://www.edelman.com/trust/2021-trust-barometer>.
16. Novel Coronavirus (2019-nCoV): Situation Report — 13 // URL: https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/situation-reports/20200202-sitrep-13-ncov-v3.pdf?sfvrsn=195f4010_6.
17. Trotsuk I.V. All power to the experts? Contradictions of the information society as both depending on and devaluating expertise // Russian Sociological Review. 2021. Vol. 20. No. 1.

18. Trotsuk I.V. Excessive faith in certainty and its public proponents in the non-linear uncertain world: Reasons and . . . more reasons // Russian Sociological Review. 2021. Vol. 20. No. 4.
19. Yastrebov O.A. Compulsory vaccination: Public benefit or individual's right limitation // RUDN Journal of Sociology. 2021. Vol. 21. No. 4.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-275-290

Social representations of covid-19 in the unstable information environment (a mid-2021 study)*

M.M. Nazarov¹, V.N. Ivanov^{1,3}, E.A. Kublitskaya²

¹Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS

²Institute for Demographic Research of FCTAS RAS

Fotieva St., 6-1, 119333, Moscow, Russia

³RUDN University

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: vy175867@yandex.ru; vilen_ivanov@bk.ru; eakubl@yandex.ru)

Abstract. The relevance of studying the social consequences of the covid-19 is determined by the fact that this transforming event affected the most diverse aspects of life in the Russian society. The article presents the results of the survey conducted on the sample of the Moscow residents in mid-2021. The majority of respondents considered the coronavirus as a dangerous disease that should be taken seriously. The phenomenon of coronavirus, due to its complexity, poor knowledge and mass distribution, has acquired not only a biomedical, but also a political, economic and media dimension. The information field about the origin, sources and measures to combat this disease experienced changes over time and was often contradictory. A typological analysis showed that there are several groups with different social ideas about the origin, control measures and social consequences of the covid-19. A significant group — about a half of respondents — shared ideas that were alternative to the official and dominant interpretation of the coronavirus in the information field. The study revealed that the agreement on the dangers of the coronavirus was combined with the priority of personal choice of means to combat it. The majority of respondents (61 %) were against the introduction of mandatory vaccination: among the most popular motives were doubts about its effectiveness and fears of its side effects; the priority of individual choice and the rights of citizens rather than the state. A statistically significant relationship was found between attitudes towards mandatory vaccination and trust in government: a low level of agreement with mandatory vaccination obviously correlates with a low level of trust in leading social-political institutions. The authors show that the Russian media discourse on the need for mass vaccination was accompanied by a wide spread of ideas that rigidly differentiate Russian citizens, which cannot but cause concerns about the tasks of ensuring social stability and unity of the Russian society.

Key words: social representations; media; Internet; social networks; infodemia; coronavirus; vaccination; covid-19

References

1. Artamonov R.E., Lavrentiev N.V. Obshhestvennoe mnenie v techenie goda pandemii: otsenki sobytij i tendentsij. “*Cherny lebed*” v *beloj maske*. *Analitichesky doklad NIU VShE k godovshchine pandemii covid-19* [Public opinion during a year of the pandemic: Assessments of events and

* © M.M. Nazarov, V.N. Ivanov, E.A. Kublitskaya, 2022

The article was submitted on 27.11.2021. The article was accepted on 23.03.2022.

- trends. “*Black Swan*” in a *White Mask*. *HSE Analytical Report on the Anniversary of the covid-19 pandemic*. Ed. by S.M. Plaksina, A.B. Zhulina, S.A. Farizova. Moscow; 2021. (In Russ.).
2. Bunt nevezhd. Yuliya Latynina rasskazyvaet istoriyu vaktsinatsii i borby s nej [The revolt of the ignorant. Yulia Latynina tells the story of vaccination and the fight against it]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/08/07/bunt-nevezhd>. (In Russ.).
 3. Voevodina T. Privivatsya ne khotyat [They don’t want to be vaccinated]. URL: https://zavtra.ru/blogs/privivat_sya_ne_hotyat. (In Russ.).
 4. Kazun A.D., Kazun A.P. Volnovaya (de)problematizatsiya: osveshchenie pandemii koronavirusa v Rossii na federalnom telekanale [Wave (de)problematization: Coverage of the coronavirus pandemic in Russia on the federal TV channel]. *Monitoring Obshhestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2020; 6. (In Russ.).
 5. Kara-Murza S.G. Tsennostny razryv kak politicheskaya problema [The value gap as a political problem]. *Sotsialno-Gumanitarnye Znaniya*. 2015; 2. (In Russ.).
 6. Kuznetsov G. Restitutsiya vlasti: pandemiya, ekspertokratiya i novaya politicheskaya realnost [Restitution of power: Pandemic, expert democracy and new political reality]. *Proshhaj, covid?* Ed. by: K. Gaaze, V. Danilova, I. Dudenkovf, D. Kralechkin, P. Safronov. Moscow; 2020. (In Russ.).
 7. Markov Sergey. URL: https://vk.com/wall382620481_25939. (In Russ.).
 8. Mikheev E.A., Nestik T.A. Psikhologicheskie mekhanizmy infodemii i otnoshenie lichnosti k dezinformatsii o covid-19 v sotsialnyh setyah [Psychological mechanisms of infodemia and the individual attitude to disinformation about the covid-19 in social networks]. *Sotsialnaya i Ekonomicheskaya Psikhologiya*. 2021; 1. (In Russ.).
 9. Pisatel Sergej Lukyanenko zhivopisal, chto sdelal by s protivnikami vaktsinatsii [The writer Sergey Lukyanenko described what he would do with the opponents of vaccination]. URL: <https://newizv.ru/news/society/21-06-2021/pisatel-sergey-lukyanenko-zhivopisal-chto-sdelal-by-s-protivnikami-vaktsinatsii>. (In Russ.).
 10. Ryabchenko N.A., Malysheva O.P., Miroshnichenko I.V. Diskurs “konstitutsionnye popravki” i “pandemiya koronavirusa” v tsifrovoy politicheskoy povestke dnya v 2020 g.: agitatsiya vs sderzhivanie v ofitsialnykh SMI [The “constitutional amendments” and “coronavirus pandemic” discourse in the digital political agenda in 2020: Agitation vs containment in the official media]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*. 2021; 2. (In Russ.).
 11. Saveliev M. “Maski brosheny, eto chto-to nerealnoe”: rossiyanе vrezali deputatu, nazvavshego ih bezmozglymi baranami [“Masks have been dropped, this is something unreal”: Russians hit a deputy who called them ‘brainless sheep’]. URL: <https://sobesednik.ru/obshchestvo/20210727-maski-broseny-eto-cto-to-nerealnoe>. (In Russ.).
 12. Sotsiologiya pandemii. Proekt “KoronaFOM” [Sociology of the pandemic. The “CoronaFOM” project]. Ed. by A.A. Oslon. Moscow; 2021. (In Russ.).
 13. COVID-19 medical misinformation policy. URL: <https://support.google.com/youtube/answer/9891785?hl=en>.
 14. DeFleuer M., Ball-Rokeach S. *Theories of Mass Communication*. New York; 1989.
 15. Edelman Trust Barometer 2021 Global Report. URL: <https://www.edelman.com/trust/2021-trust-barometer>.
 16. Novel Coronavirus (2019-nCoV): Situation Report — 13. URL: https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/situation-reports/20200202-sitrep-13-ncov-v3.pdf?sfvrsn=195f4010_6.
 17. Trotsuk I.V. All power to the experts? Contradictions of the information society as both depending on and devaluating expertise. *Russian Sociological Review*. 2021; 20 (1).
 18. Trotsuk I.V. Excessive faith in certainty and its public proponents in the non-linear uncertain world: Reasons and . . . more reasons. *Russian Sociological Review*. 2021; 20 (4).
 19. Yastrebov O.A. Compulsory vaccination: Public benefit or individual’s right limitation. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (4).

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-291-305

Региональная молодежь в нелинейном глоболокальном социуме: новые формы социального напряжения*

З.Т. Голенкова¹, Т.А. Хагуров²

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН

ул. Кржижановского, 24/35, к. 5, Москва, 117218, Россия

²Кубанский государственный университет

ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040, Россия

(e-mail: golenko@isras.ru; khagurov@mail.ru)

Аннотация. Современное состояние общества характеризуется многомерностью и нелинейностью социальных процессов, подвижностью социальных структур, динамизмом и противоречивостью культурных трансформаций. Современность объективно сложна для описания и понимания, отсюда — множественность попыток ее концептуализации через категории риска, потребления, макдональдизации и т.п. Важной чертой современности становится глоболокальность, подразумевающая сложное взаимодействие глобальных и локальных социокультурных систем в региональном или национальном социуме. Одним из глобальных трендов становится изменение форм социального напряжения, что связано с процессами, происходящими в сфере культуры, терминальных и инструментальных ценностей и мотивов социальной активности. В статье анализируется взаимосвязь этих процессов с изменениями в системе смысложизненных ценностей российской молодежи. Отмечается, что изменения происходят под влиянием новых форм социального напряжения, являющихся результатом влияния глоболокальной культурной матрицы. Классические формы социального напряжения, обусловленные высокой ценностью успеха и дефицитом институциональных средств его достижения, были описаны в середине XX века Р.К. Мертоном. Современные формы социального напряжения дополняются и видоизменяются в соответствии с изменениями в ценностно-мотивационной сфере. Напряжение «психологизируется»: в условиях культурной мозаичности глоболокального социума доминирующим становится «дискурс самореализации», который приходит на смену «дискурсу успеха» обществ классического модерна. Эти изменения формируют специфическое содержание системы смысложизненных ценностей молодежи, важными модусами которой становятся эгоцентризм и индивидуализация. Особенно восприимчиво к этим культурным веяниям студенчество — как наиболее глобализованная и рефлексивная часть молодежи. Данные процессы рассматриваются на материалах нескольких крупных эмпирических исследований молодежи в Краснодарском крае. Данные опроса молодежи Краснодарского края (N = 7898) соотносятся с данными опроса выпускников университета (N = 2051), уточняется содержание смысложизненных ценностей региональной молодежи и факторы, влияющие на их формирование.

Ключевые слова: нелинейность; глоболокальность; консенсус мозаичности; индивидуализация; играция; молодежь; социальное напряжение; успех; самореализация; смысложизненные ценности; жизненные стратегии

* © Голенкова З.Т., Хагуров Т.А., 2022.

Статья поступила 24.01.2022 г. Статья принята к публикации 07.04.2022 г.

Концептуализируя современное состояние общества, социальные науки теряются в многообразии определений. Отталкиваясь от тех или иных аспектов современности, говорят об информационном (Ф. Уэбстер) [21], сетевом (М. Кастельс) [15] или индивидуализированном (З. Бауман) обществе [1], обществе риска (У. Бек) [13], потребления (Ж. Бодрийяр) [12] или спектакля (Г. Дебор) [16]. Подчеркивая принципиальные отличия от недавней современности (модерна), понимание и описание которой и сформировало социологию как науку, говорят об обществе с приставкой «пост»: постмодерне (Ж.Ф. Лиотар) [18], посткапитализме (П. Мэйсон) [19], постиндустриальном (Д. Белл) [14] и постсекулярном (Ю. Хабермас) [10] и даже постхристианском обществе. Отмечая, что многие базовые черты модерна никуда не делись, говорят о радикальном, высоком (Э. Гидденс) [17] или рефлексивном (Дж. Ритцер) [20] модерне. В контексте утраты устойчивости социальных структур и институтов современность описывается как «текущая» (З. Бауман) [1], ее новым модусом мыслится «играизация» (С.А. Кравченко) [6]. Осмысливая в данном контексте реалии российского общества, очевидным образом вписанного в глобальный мир, но своеобразного, говорят об обществе травмы или обществе-кентавре (Ж.Т. Тощенко), транзитивном обществе (М.К. Горшков).

Для нас наибольший интерес представляют концепты нелинейности и глоболокальности социальных процессов (С.А. Кравченко) в рискологической перспективе [6] и концепт индивидуализации З. Баумана как нового типа социальности [1]. «В настоящее время активно формируется новая нелинейная глоболокальная социокультурная реальность. Мир на глобальном и на локальном уровнях сталкивается с усложняющейся социокультурной динамикой общества, невиданными ранее бифуркациями... Вместе взятые эти сложные процессы с неизбежностью порождают новые социокультурные реалии несущие неопределенность и риски» [6. С. 5]. В числе многочисленных рисков, порождаемых противоречиями современности, обращают на себя внимание риски отчуждения и дегуманизации, порождаемые новейшими типами рациональности (макдональдизацией), трансформирующие пространства профессиональной деятельности и межличностных отношений, риски играизации, парадоксальным образом меняющие восприятие и поведение социальных акторов [6. С. 179–181, 186–189].

Основные измерения глобальной культуры [2] (глобальная массовая, глобальная деловая (давосская), глобальная культура интеллектуалов, глобальные массовые движения) и обусловленные их влиянием институциональные трансформации сложным образом взаимодействуют с локальными культурными и институциональными системами. Одним из главных последствий такого взаимодействия становится «консенсус мозаичности» культурной матрицы, формирующей индивидуальные стратегии членов социума, — матрицы, соединяющей традиционные формы идентичности, ценностей и основанных на них жизненных стратегий с множественными формами идентичности и ориентиров различных измерений глобальной культуры. Это многообразие позволяет индивидам делать выбор

из предлагаемой мозаики идентичностей, ценностей и стратегий и одновременно проблематизирует этот выбор множественностью возможных вариантов.

Важным модусом глоболокальной матрицы становится концепт самореализации, замещающий концепт успеха как ключевого ориентира индивидуальных стратегий в обществах классического модерна на фоне «упадка труда» (З. Бауман), стирания границ между трудом и досугом в практиках верхних слоев прекариата (фрилансеров), и получает мощнейшую культурную поддержку через инфлюэнсеров — огромной армии интернет-гуру, коучей, авторов мотивационных блогов, книг и сетевых изданий, убеждающих аудиторию «обрести себя» и «жить в гармонии с собой».

Все это оказывает существенное влияние на процессы социального напряжения (*social strain*), описанные Р. Мертоном для условий классического модерна в середине XX века [7]. Исследованные Мертоном формы социального напряжения были связаны с противоречием между стремлением к успеху как доминирующей культурной целью и дефицитом институциональных средств его достижения. Успех в условиях классического модерна имел четкую социальную локализацию (верхние этажи социальной пирамиды), понятную траекторию (восходящая мобильность) и стратегию (личный аскетизм, профессионализм и трудолюбие). Достигая успеха, индивид обретал высокий статус и материальное благополучие, доступ к престижному потреблению и другим благам. Доминирующий в культурной индустрии модерна нарратив «историй успеха» в форме фильмов, книг, биографий, ток-шоу и т.п. поддерживал, мотивировал и направлял индивидуальные стратегии его достижения. Обусловленная социальной структурой объективная разница между числом желающих добиться успеха и позициями на верхних этажах социальной лестницы порождала напряжение и описанные Р. Мертоном девиантные реакции на него (инновации, ретритизм, ритуализм, мятеж) [7. С. 254–277].

В современных условиях прежние формы напряжения, обусловленные неравенством, с одной стороны, продолжают существовать, а, с другой — видоизменяются и размываются. Самореализация, замещающая успех в качестве главной культурной цели, несет в себе набор смыслов, меняющих акценты в понимании и планировании индивидуальных жизненных стратегий. Нарратив «историй самореализации» в культурной индустрии, создаваемой интернет-инфлюэнсерами и популярной психологией, уравнивает в массовом сознании успешного менеджера, фрилансера и дауншифтера. Истории руководителя крупной компании, бариста, фитнес-тренера или бьюти-блогера предстают в этом нарративе как равноценные варианты самореализации, при условии, что их герои «нашли себя», «чувствуют гармонию» и «развиваются». Главным условием успешной самореализации становится «поиск себя», что требует от индивида принятия определенной идентичности, а это, в свою очередь, становится проблемой на фоне почти бесконечного набора взаимозаменяемых идентичностей, предлагаемых ему в играйзированных формах в глобальном интернет-супермаркете.

Как следствие, в условиях «консенсуса мозаичности» культурной матрицы прежние формы напряжения дополняются новыми, обусловленными, во-первых, растерянностью субъекта перед многообразием выбора идентичностей и путей самореализации; во-вторых, противоречием между возможностью отказаться от трудоемких и аскетичных практик успеха в пользу более комфортных практик самореализации, с одной стороны, и потребностью поддерживать достаточно высокий уровень потребления, требующий экономической успешности — с другой.

Основной социальной группой, испытывающей максимальное воздействие этих противоречий, становится молодежь. Представители более старших возрастных групп, как правило, обладают уже сформированной идентичностью и реализуют ту или иную легитимную стратегию реакции на социальной напряжение в классических (мертоновских) формах конформизма, ритуализма или отступления. Молодежь же более восприимчива к новым формам напряжения и наиболее рискогенная социальная группа в силу специфики своего культурно-исторического положения и особенностей социализации, обусловленных социокультурными трансформациями конца XX — начала XXI веков: она сформирована реалиями разрыва с предшествующей культурной традицией, имеющего различную специфику на Западе и в России; на постсоветском пространстве этот разрыв, принявший форму культурно-исторической и ценностной травмы, анонимизировал процессы взросления и деятельность базовых институтов социализации, прежде всего семьи и школы [11]; Интернет и гаджеты являются для молодежи органичной средой обитания и общения, с ранних лет формирующей паттерны мировосприятия и коммуникации; ее знания о мире и будущей профессии сформированы макдональдизированной системой образования с издержками упрощения, шаблонности, прагматизации и формализма.

Все это формирует комплекс факторов неопределенности и риска, создающих дополнительные формы социального напряжения и осложненных тем, что современная молодежь «прошла массивную обработку пропагандой потребительства, которая формирует агрессивное подражательство моде, разжигает неудовлетворенность имеющимися возможностями потребления, порождает зависть к материальному и статусному успеху “счастливчиков”» [5. С. 109].

Возникает вопрос о соотношении высказанных теоретических суждений с эмпирическими реалиями российского общества. Такое соотношение было осуществлено на материалах двух социологических исследований, проведенных в 2021 году в Краснодарском крае, и результатах аналогичных более ранних исследований. Краснодарский край можно считать «пилотным» регионом для России: высокая степень этнокофессионального разнообразия, густонаселенность, разнообразие геоклиматического ландшафта, соотношение сельских и городских территорий, развитый и неравномерный социально-экономический комплекс — все это позволяет с осторожностью считать его региональной моделью российского социума.

Ряд вопросов исследований касался насущных жизненных проблем, ценностей и целей респондентов, выявления «лидеров мнений», влияющих на формирование индивидуальных жизненных стратегий современной молодежи. Задача заключалась в понимании тех форм социального мышления и элементов картины мира молодежи, которые определяют как «смысло-жизненные ценности», формирующие общую направленность жизненных устремлений и личных стратегий [5. С. 4].

Первое исследование базировалось на сочетании количественных и качественных методов и состояло в опросе молодежи всех 44 муниципальных образований Краснодарского края (N = 7898): молодежь 14–30 лет, распределенная по трем возрастным группам — младшая (14–17 лет) — 27%, средняя (18–22) — 51% и старшая (23–30) — 22%. Распределение респондентов по полу соотносится с общими характеристиками Краснодарского края: 55% женщин и 45% мужчин. Также было проведено 8 фокус-групп в нескольких муниципальных образованиях — Краснодар, Армавир, Тимашевский и Славянский районы, что отражает территориальные и социально-экономические зоны: центральные районы края с ярко выраженной аграрной спецификой, восточные со смешанным производством, приморские города и районы, административный центр — Краснодар.

Большинство респондентов (83%) учатся: 36% — в вузах, 38% — в средне-специальных и среднетехнических учебных заведения, 9% — в старших классах школы, нигде не учатся 17%. 25% работают постоянно, 10% подрабатывают систематически, а 19% — эпизодически. Около половины (47%) опрошенных не работают, их основным занятием является учеба, что обуславливает особенности проживания и взаимодействия с семьей: 53% проживают с родителями, 32% — отдельно, но по большей части это временное проживание в общежитии или квартире на время учебы, и 15% имеют свою семью.

Второе исследование охватило выпускников крупнейшего университета Кубани и одного из ведущих университетов Юга России — Кубанского государственного университета, в котором обучается свыше 30 тысяч студентов из 82 субъектов РФ (70% — представители ЮФО и СКФО). Самый широкий в регионе спектр направлений подготовки — от естественно-научных и математических до гуманитарных и творческих — позволяет охватить представителей разных профессиональных групп с разными перспективами на рынке труда. N = 2051, или 56% выпускников очной формы 2021 года.

Поскольку исследования молодежи в Краснодарском крае, организуемые совместно ФНИСЦ РАН и Кубанским государственным университетом, проводятся на протяжении десяти лет с использованием частично схожего инструментария, возникает возможность сопоставления. Одна из гипотез исследования заключалась в том, что за последние 5–8 лет содержание ключевых смысло-жизненных ценностей молодежи сместилось от полюса «разумного эгоизма» (карьера, семья и дети, материальное благополучие) к полюсу «эгоцентризма и самореализации» (поиск себя, свобода и личное благополучие).

Сопоставление ответов молодежи и выпускников университета — как наиболее образованной, рефлексивной и открытой культурным влияниям ее части — позволяет увидеть интересные различия. Ответы респондентов на вопрос «Что для Вас наиболее важно в будущей жизни?», полученные в рамках опроса молодежи, представлены на Рисунке 1: в «топ-5» наиболее значимых ценностей входят: желание иметь любимую и интересную работу (90%), хорошее здоровье (88%), стремление стать профессионалом в своей сфере, сделать успешную карьеру (85%), желание иметь хорошо оплачиваемую работу, высокий доход (85%), а также иметь хороших и верных друзей (83%). Все это ценности индивидуально-эгоистические, сформированные «на стыке» дискурсов успеха и самореализации. Ценность дружбы в данном случае следует интерпретировать как индивидуалистическую — как один из индивидуально-значимых ресурсов защиты от одиночества и психологической поддержки, что подтверждается материалами фокус-групп: «Безусловно, люди, которые меня окружают, поддерживают в трудные моменты». Интересно отметить, что хотя ценности семьи и воспитания детей оказались столь же значимы, как и дружба (83%), в отношении семейных ценностей почти вдвое больше респондентов выбрали вариант «это совсем неважно для меня» (6,5% и 3,5%).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Что для Вас наиболее важно в будущей жизни?» (в %)

Наименее значимы для респондентов ценности патриотизма, социального служения и альтруизма. Смыслоразнозначный концепт «внести свой вклад в развитие страны, послужить Отечеству» выбрали в качестве важного 42% — это наименьший показатель в данном вопросе (он набрал максимум выборов как «совсем не важный» — 21%). Это показательная информация к размышлению относительно эффективности используемых

сегодня методов «патриотического воспитания» в контексте рисков информационной открытости социума и информационно-культурной локализации молодежной аудитории.

Наблюдаются ожидаемые отличия в системе жизненных приоритетов мужчин и женщин, отражающие эффекты «гендерной инверсии» — возрастания социальной успешности женщин на фоне снижения мотивации достижения и успеха у мужчин [см., напр.: 4]. Для женщин гораздо важнее карьера, желание найти высокооплачиваемую и любимую, интересную работу, достижение профессиональной реализации, а также здоровье, саморазвитие и забота об окружающей среде, тогда как для мужчин гораздо важнее работа на благо Родины (52 % против 33 %).

Таким образом, в ответах региональной молодежи просматривается соответствие ценностным установкам индивидуализированного общества, и постмодернистский концепт самореализации вполне сочетается с концептом успеха в классических для модерна измерениях карьеры и дохода. Картина несколько меняется в ответах на аналогичный вопрос выпускников университета (Табл. 1) — здесь просматриваются контуры ценностной иерархии из нескольких достаточно согласованных по значимости групп ценностей: 1) эгоцентрические ценности самореализации и личного благополучия (любимая и интересная работа, хорошее здоровье, свобода и независимость); 2) эгоистические ценности успеха (хорошо оплачиваемая работа, высокий доход, профессионализм и карьера); 3) ценности отношений (семья, воспитание детей, любовь); своего рода «мостиком» между ценностями эгоистическими и ценностями отношений выступает дружба как ресурс личной поддержки; 4) ценности «декларативного альтруизма» (помогать людям, заботиться об экологии; но показатель реального участия в волонтерстве, хотя бы эпизодически, не превышает 22 %, что в три раза ниже декларируемой значимости); 5) ценности социального признания, служения и патриотизма.

С одной стороны, как и предполагалось, выпускники вузов более восприимчивы к глобальному дискурсу самореализации и в меньшей — к локальным ценностям гражданственности и социальной ответственности, что находит подтверждение в схожих исследованиях на постсоветском пространстве, например, жизненных ценностей белорусских студентов: «абстрагированность от традиций прошлого, отсутствие идеологической зашоренности, стремление к свободе самовыражения плюс возросший порог компетентности, — все это создало по умолчанию благоприятную почву для ожидаемости оригинального молодежного проекта самореализации... Перед нами закономерный итог рационализирующейся компетентности студенчества образца XXI столетия с выраженной свободой самореализации, прагматической составляющей программы жизненного успеха и культивируемым инструментальным подходом к ее реализации, хотя и не лишенных ожидаемости социального одобрения» [3. С. 114].

**Распределение ответов выпускников КубГУ на вопрос
«Что для Вас наиболее важно в будущей жизни?» (в %)**

Что наиболее важно в будущей жизни	Это очень важно для меня	Это не очень важно	Это совсем не важно для меня
Иметь любимую, интересную работу	93,7	5,7	1
Иметь хорошее здоровье	92	6,4	1,6
Быть свободным, независимым	89,4	9,2	1,4
Заниматься саморазвитием, творчеством	89,4	9,2	1,4
Иметь хорошо оплачиваемую работу, высокий доход	88,3	10,6	1,2
Стать профессионалом в своем деле, сделать успешную карьеру	85,6	13,2	1,2
Иметь хороших и верных друзей	82,4	14,5	2,7
Иметь хорошую семью, воспитывать детей	74,5	17	8,6
Встретить настоящую любовь	72,5	19,7	7,9
Помогать людям, сделать их жизнь лучше	60,8	31,7	7,5
Заботиться об экологии, животных, окружающей среде	60,3	31,9	7,8
Добиться признания в обществе	50,3	37,3	12,4
Внести свой вклад в развитие страны, послужить Отечеству	36,6	39,2	24,3

Если в отношении самореализации и прагматической составляющей данные наших исследований совпадают с данными белорусских коллег, то в отношении социального одобрения видны расхождения. В нашем исследовании лишь около половины выпускников указали на высокую значимость социального признания, тогда как для 70 % белорусских студентов очень важно общественное признание. Одной из возможных интерпретаций этих различий может быть более высокий уровень радикального эгоцентризма (снижающего значимость социальных оценок по сравнению с субъективным самовосприятием) российского студенчества и молодежи.

Одно из подтверждений такого предположения — ответы молодежи на вопрос о любимых героях и лидерах мнений. В отношении героев ответы в целом оказались ожидаемыми: среди киногероев (самая многочисленная категория) доминируют представители зарубежного экшн-кинематографа, такие как «герои Марвел», «Человек-паук» и т.п.; среди литературных героев — персонажи русской классической литературы (благодаря школьной программе) с небольшим добавлением персонажей зарубежной классики; среди исторических героев (43 % респондентов) — отечественные правите-

ли и полководцы, Петр 1, Екатерина Великая, Суворов, Жуков; среди героев-современников — кто-то из родителей или близких родственников, прадедушек-участников войны и Путин. Обобщенные (без персонификации) ответы на этот вопрос представлены на Рисунке 2. Обращает на себя внимание количество респондентов, выбравших вариант «любимых героев у меня нет — я сам(а) себе герой» — 33 %: за 5–8 лет этот показатель вырос в 1,5 раза (2013 — 18–19 %, 2017 — 21–23 %).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Есть ли у Вас любимые герои?»

Это, как и снижение значимости социально одобрения, согласуется с содержанием дискурса самореализации, одним из главных посылов которого является тезис «неважно как вас оценивают окружающие, главное быть в согласии с собой». Следствием становится радикальный эгоцентризм, для которого «в центре мироздания предложенного проекта находится “Я” личности, на которой сфокусирован весь инструментальный арсенал социальных каналов самореализации» [3. С. 114].

Для уточнения наличия значимых инфлюэнсеров в молодежной среде респондентам задавался вопрос «Есть ли какие-то люди (авторы, ведущие, блогеры, писатели и т.д.), материалы которых на политические, общесоциальные, жизненные темы Вы систематически смотрите, читаете, мнение которых Вы считаете в целом правильным, значимым для себя? Кто они? Напишите». Было получено более тысячи ответов, из которых после выбраковки шуточных, провокационных и бессодержательных был получен список из 675 ответов. Среди наиболее часто упоминаемых инфлюэнсеров — политические блогеры оппозиционной (А. Навальный, К. Собчак, А. Пивоваров и др.) и реже патриотической ориентации (В. Соловьев, Дм. Гоблин-Пучков), шоумены, работающие в жанре «трэш-тока» (А. Моргенштерн др.), психологи (А. Курпатов, Я. Топлесс и др.), религиозные блогеры (прот. А. Ткачев и др.), бьюти-блогеры (у девушек). В совокупности инфлюэнсеры, работающие в жанре популярной психологии и саморазвития, набрали около трети ответов, столько же — специализирующиеся на темах ЗОЖ, фитнеса и т.п. Выборочный контент-анализ материалов этой группы показывает, что темы «поиска себя», «согласия с собой», «любви к себе», «заботы о себе» и т.п. в ней доминируют. Иными словами, примерно две трети популярных в молодежной аудитории инфлюэнсеров — «апостолы самореализации» в ее максимально эгоцентрированном варианте.

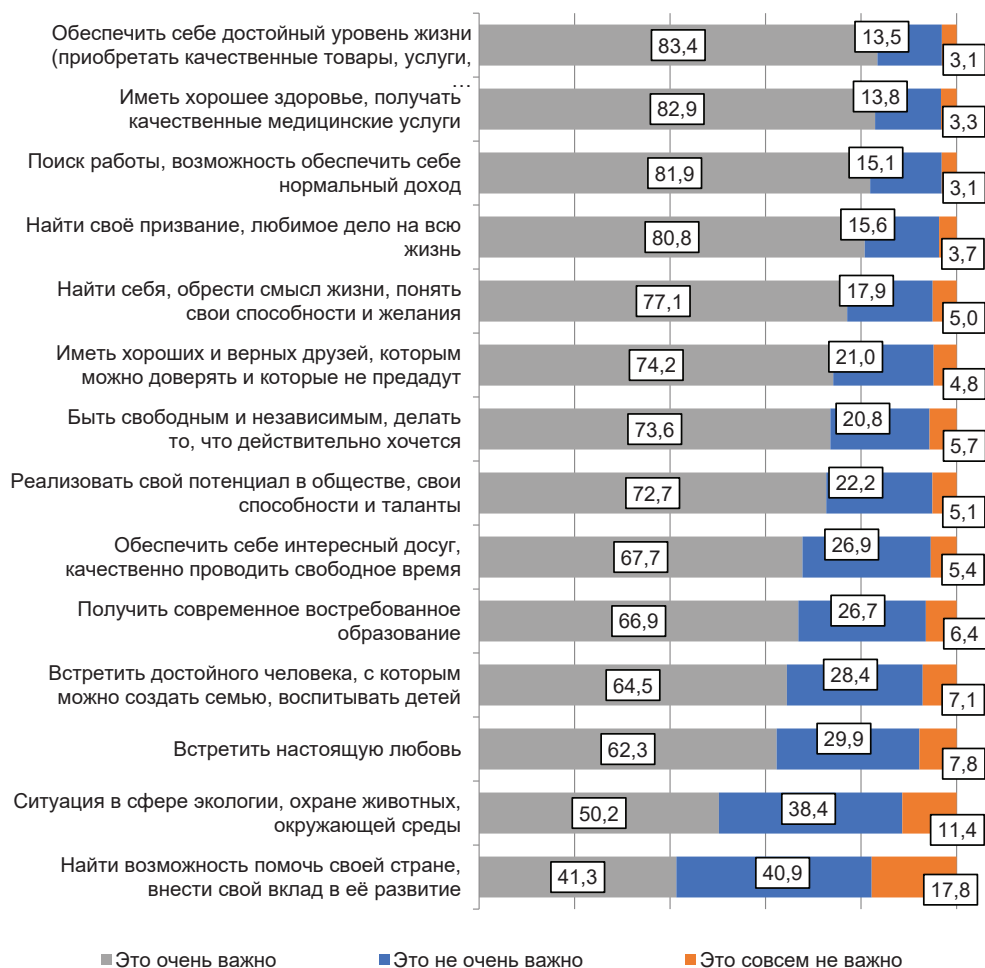

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Что с Вашей точки зрения является сегодня серьезной проблемой для молодежи (Вас, Ваших сверстников, знакомых), вызывающей тревогу и заботу?» (в %)

В целях перепроверки надежности ответов о смысложизненных ценностях молодежи и выпускников университета был задан дублирующий вопрос «Что с Вашей точки зрения является сегодня серьезной проблемой для молодежи (Вас, Ваших сверстников, знакомых), вызывающей тревогу и заботу?» (Рис. 3). Ответы респондентов в целом согласуются с ответами на вопрос о ценностях. В «топ-5» наиболее актуальных проблем вошли: 1) необходимость обеспечить себе достойный уровень потребления; 2) потребность иметь хорошее здоровье; 3) поиск хорошо оплачиваемой работы, дохода; 4) потребность в обретении любимого дела, профессиональной самореализации; 5) потребность в «обретении себя», смысла жизни, т.е. в личной самореализации. Субъективная значимость этих проблем существенно выше, чем проблем создания семьи, поиска настоящей любви, заботы об окружающем мире или помощи своей стране. Женщины вновь

продемонстрировали большую озабоченность проблемами трудоустройства, карьерного роста и обеспечения материальных условий жизни, здоровья и экологии. Кроме того, для женщин более важен качественный досуг, образование, самопознание, самореализация, а также свобода и независимость. В то же время отношение к семье, любви и патриотизму примерно одинаково у представителей обоих полов.

В свободных ответах респондентов на этот вопрос просматриваются некоторые типичные пересечения: *«Меня куда больше смущает и осложняет жизнь массовое безразличие друг к другу и атрофированная этика»; «Моя семья живет на съёмной квартире, я еле свожу концы с концами и ума не приложу, каким образом в современной России жить, рожать детей, строить будущее, наше поколение брошено на произвол судьбы»; «Мало патриотов и ценителей природы»; «Небольшая зарплата, постоянная необходимость поиска подработок»; «Я не знаю кто я».*

При сопоставлении с ответами выпускников университета (Табл. 2) вновь наблюдаются незначительные, но характерные различия. Так, структура актуальных жизненных проблем у выпускников максимально эгоцентрична: наиболее значимы проблемы уровня дохода и потребления, затем самореализации, здоровья и досуга. Ценности отношений уступают по значимости ценностям потребления и самореализации, что подтверждается материалами фокус-групп: *«Самореализация, самообразование, именно поиск себя самого. Наверное, это сейчас самое важное для молодежи»; «Сейчас вгоняют в рамки всякими ЕГЭ, куда поступать и тому подобное, шаг вправо, шаг влево... Поэтому важно найти себя и когда не вгоняют в рамки»; «Я ценю возможность самореализовываться в любой деятельности, поэтому можно сказать, что я стараюсь пробовать как можно больше и очень ценю семью. Если мы будем говорить про ценности нашего поколения, наверное, самая главная ценность — это личная свобода и возможность заниматься тем и быть тем, кем ты хочешь».*

Таким образом, предположение о появлении новых, «психологизированных» форм социального напряжения, связанных с «дискурсом самореализации» получает эмпирическое подтверждение, как и тезис, что новые формы напряжения не отменяют прежних, связанных с «дискурсом успеха», а сосуществуют с ними, порождая дополнительные ракурсы воздействия на сознание и жизненные стратегии молодежи. Именно молодежь и в первую очередь студенчество в наибольшей степени ощущает их воздействие, требующее «найти и реализовать себя» в условиях нелинейности социальных процессов и мозаичности культуры, доминантами которых являются потребление и индивидуализация. Самореализация, как никакой другой культурный конструкт, тесно связана с тем, что З. Бауман называет «принципом обмена свободы на безопасность» [1. С. 57].

Условием самореализации является свобода, ценой которой становится «небезопасность (скорее, неуверенность — *Unsicherheit*, комплексный дискомфорт, наряду с отсутствием безопасности включающий в себя неопределенность и незащищенность); это действительно высокая цена, если учесть, с каким множеством вариантов выбора свободной личности приходится сталкиваться ежедневно... это жизнь в условиях риска, и человек, принимающий решения, должен сам платить за риски, на которые он идет» [1. С. 59].

Таблица 2

**Распределение ответов выпускников КубГУ на вопрос
«Что с Вашей точки зрения является сегодня серьезной проблемой
для молодежи (Вас, ваших сверстников, знакомых),
вызывающей тревогу и заботу?» (в %)**

Проблемы, которые молодежь считает наиболее серьезными	Это очень важно	Это не очень важно	Это совсем не важно
Поиск работы, возможность обеспечить себе нормальный доход	93	5,7	1,3
Обеспечить себе достойный уровень жизни (приобретать качественные товары, услуги, путешествовать)	91,7	7,3	1,1
Иметь хорошее здоровье, получать качественные медицинские услуги	86,9	11,3	1,8
Быть свободным и независимым, делать то, что действительно хочется	86,2	11,9	2
Найти себя, обрести смысл жизни, понять свои способности и желания	86,1	11,2	2,7
Найти свое призвание, любимое дело на всю жизнь	86	12,9	1,7
Реализовать свой потенциал в обществе, свои способности и таланты	79	17,11	3,9
Обеспечить себе интересный досуг, качественно проводить свободное время	74	22	3,8
Иметь хороших и верных друзей, которым можно доверять и которые не предадут	72,7	22,9	4,4
Получить современное востребованное образование	63,2	29,6	7,2
Встретить достойного человека, с которым можно создать семью, воспитывать детей	60,6	30,7	8,7
Ситуация в сфере экологии, охране животных, окружающей среды	58,5	33,9	7,7
Встретить настоящую любовь	56,2	34	9,9
Найти возможность помочь своей стране, внести свой вклад в ее развитие	39,8	39,2	21

Все сказанное актуализирует вопрос об адекватных формах и технологиях работы с молодежью, которые бы позволяли снизить «стресс самореализации» с его негативными последствиями в виде депрессивных, тревожных и агрессивных состояний, а также вопрос о содержании воспитательного дискурса и актуализации в сознании молодежи неэгоистических ценностей отношений, семьи, гражданственности и социальной ответственности. Не отвечая на эти вопросы, мы рискуем в недалеком будущем столкнуться с ростом девиаций среди поколения «невротических эгоцентриков» — как реакцией на новые формы социального напряжения, достаточно схематично описанные выше.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при финансовой поддержке Кубанского научного фонда. Проект № ФНИ-ГО-20.1/32 «Молодежь полиэтничного региона в нелинейном глоболокальном социуме: идентичность и ценности, жизненные стратегии, риски взросления»

Библиографический список

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005.
2. Бергер П., Хантингтон С. Многоликая глобализация. М., 2004.
3. Гигин В.Ф., Грищенко Ж.М. Студенты эпохи цифровых технологий: жизненные смыслы в реалиях белорусского общества // Социологические исследования. 2021. № 1.
4. Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве: Игры, порно и потеря идентичности. М., 2017.
5. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Смыслжизненные ценности в культурном пространстве российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 3.
6. Кравченко С.А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М., 2009.
7. Мертон К.Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
8. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
9. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (Часть 2) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2.
10. Хабермас Ю. Постсекулярное общество — что это? // Российская философская газета. 2008. № 4.
11. Хагуров Т.А., Остапенко А.А. и др. Риски взросления в современной России: концепции и факты. Опыт социологического анализа. Краснодар, 2013.
12. Baudrillard J. The Consumer Society. Myths and Structures. L., 1998.
13. Beck U. World at Risk. Cambridge, 2009.
14. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., 1973.
15. Castells M. The Rise of the Network Society. The Information Age. Economy, Society and Culture. Oxford, 1996.
16. Debord G. The Society of the Spectacle. Detroit, 1970.
17. Giddens A. Modernity and Self-identity. Stanford, 1991.
18. Lyotard G.-F. The Postmodern Condition. Oxford, 1989.
19. Mason P. PostCapitalism. A Guide to Our Future. Oxford, 2015.
20. Ritzer G. The McDonaldization of Society. Thousand Oaks, 2000.
21. Webster F. Theories of the Information Society. L., 2003.

Regional youth in a nonlinear global-local society: New forms of social tension*

Z.T. Golenkova¹, T.A. Khagurov²

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia

²Kuban State University
Stavropolskaya St., 149, Krasnodar, 350040, Russia
(e-mail: golenko@isras.ru; khagurov@mail.ru)

Abstract. The current state of society is characterized by the multidimensionality and non-linearity of social processes, mobility of social structures, dynamism and inconsistency of cultural transformations. Modernity is difficult to describe and understand; as a result, there are many attempts to conceptualize it with the categories of risk, consumption, McDonaldization, etc. An important feature of modernity is global locality which implies the complex interaction of global and local social-cultural systems in every regional and national society. One of the global trends of our time is the change in forms of social tension, which is determined by the processes in the sphere of culture, terminal and instrumental values, and motives for social activity. The article considers the relationship between these processes and changes in the system of life values of the Russian youth. The authors believe that these changes are caused by new forms of social tension, which are the result of the global-local cultural matrix. The classical forms of social tension, determined by the high social value of success and the lack of institutional means to achieve it, were described in the middle of the 20th century by R.K. Merton. Contemporary forms of social tension are supplemented and modified according to the changes in the value-motivation sphere. Tension is ‘psychologized’: under the cultural mosaic of the global-local society, the ‘discourse of self-realization’ prevails and replaces the ‘discourse of success’ of classical modern societies. These changes determine the specific content of the youth’s system of life values, and egocentricity and individualization become its key features. Students as the most globalized and reflective part of the youth are especially influenced by these cultural trends. These processes are considered on the basis of large empirical studies of the youth in the Krasnodar Region. The data of surveys of young people aged 14 to 30 in the Krasnodar Region (N = 7898) are compared with the data of the survey of university graduates (N = 2051) to clarify the life values of the regional youth and the factors affecting them.

Key words: non-linearity; global locality; mosaic consensus; individualization; gamification; youth; social tension; success; self-realization; life values; life strategies

Funding

The research was supported by the Kuban Science Foundation. Project No. FNI-GO-20.1/32 “Youth of the multi-ethnic region in a non-linear global-local society: Identity and values, life strategies, and risks of growing up”

References

1. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualized Society]. Moscow; 2005. (In Russ.).
2. Berger P., Huntington S. *Mnogolikaya globalizatsiya* [Many Globalizations]. Moscow; 2004. (In Russ.).

*© Z.T. Golenkova, T.A. Khagurov, 2022

The article was submitted on 24.01.2022. The article was accepted on 07.04.2022.

3. Gigin V.F., Grishchenko Zh.M. Studenty epohi tsifrovyykh tekhnologiy: zhiznennyye smysly v realiyah belorusskogo obshchestva [Students of the digital age: Life meanings in the realities of the Belarusian society]. *Sociological Studies*. 2021; 1. (In Russ.).
4. Zimbardo F., Coulombe N. *Muzhchina v otryve: Igry, porno i poterya identichnosti* [Man Disconnected: How Technology Has Sabotaged What It Means to Be Male]. Moscow; 2017. (In Russ.).
5. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Smyslozhiznennyye tsennosti v kulturnom prostranstve Rossiyskoy molodezhi [Life values in the cultural space of the Russian youth]. *Nauchnyy Rezultat. Sotsiologiya i Upravlenie*. 2018; 3. (In Russ.).
6. Kravchenko S.A. *Riski v nelineynom globolokalnom sotsiume* [Risks in a Nonlinear Global-Local Society]. Moscow; 2009. (In Russ.).
7. Merton R. *Sotsialnaya teoriya i sotsialnaya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow; 2006. (In Russ.).
8. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelnyy analiz tsennostnykh orientatsiy (Chast 1) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1). (In Russ.).
9. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelnyy analiz strakhov, nadezhd i opaseniyy (Chast 2) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of fears and hopes (Part 2)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (2). (In Russ.).
10. Habermas J. Postsekulyarnoye obshchestvo — chto eto? [Post-secular society — what is it?]. *Rossiyskaya Filosofskaya Gazeta*. 2008; 5. (In Russ.).
11. Khagurov T.A., Ostapenko A.A. et al. *Riski vzrosleniya v sovremennoy Rossii: kontseptsii i fakty. Opyt sociologicheskogo analiza* [Risks of Growing up in Contemporary Russia: Concepts and Facts. A Sociological Analysis]. Krasnodar; 2013. (In Russ.).
12. Baudrillard J. *The Consumer Society. Myths and Structures*. London; 1998.
13. Beck U. *World at Risk*. Cambridge; 2009.
14. Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting*. New York; 1973.
15. Castells M. *The Rise of the Network Society. The Information Age. Economy, Society and Culture*. Oxford; 1996.
16. Debord G. *The Society of the Spectacle*. Detroit; 1970.
17. Giddens A. *Modernity and Self-Identity*. Stanford; 1991.
18. Lyotard G.-F. *The Postmodern Condition*. Oxford; 1989.
19. Mason P. *Post-Capitalism. A Guide to Our Future*. Oxford; 2015.
20. Ritzer G. *The McDonaldisation of Society*. Thousand Oaks; 2000.
21. Webster F. *Theories of the Information Society*. London; 2003.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-306-323

Экспертное группообразование при принятии решений о развитии регионов: раскол или сплоченность (на примере реализации национальных проектов)*

В.С. Богданов¹, А.А. Почестнев^{1,2}

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН

ул. Кржижановского, 24/35, к. 5, Москва, 117218, Россия

² Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

Волоколамское ш., 4, Москва, 125993

(e-mail: valarf@mail.ru; apochestnev@yandex.ru)

Аннотация. В условиях реализации национальных проектов актуализируется проблема экспертного группообразования в связи с необходимостью разработки новых механизмов управления, отвечающих меритократическому запросу российского общества на эффективное государство. В этом контексте важен переход от парадигмы «контроля и надзора» к парадигме «умного управления». Национальные проекты не должны оставаться вне широкого публичного обсуждения и реального участия разных целевых групп. Такой подход обусловлен задачами властно-управленческой вертикали — отвечать на внешние и внутренние вызовы при реализации 12 национальных проектов. Результатом сложившегося экспертного группообразования стала структура групп принятия решений. Для идентификации эффекта группообразования был введен параметр «сплоченность»—«раскол» мнений в экспертных группах, сложившихся в ходе разработки и реализации проектных решений. Цель исследования — оценка состояния групп принятия решений (экспертных групп), которые отражают уровень развития регионов, в том числе и социокультурной модернизации. На основе представленных теоретико-методологических оснований была разработана методика выделения социоментальных групп, формирующихся и действующих в ходе реализации национальных проектов в группах решений, на основе шкал доступа экспертов к управлению регионом (индекс «активность vs пассивность») и шкал солидарности экспертов с позицией власти, политической и управленческой деятельностью всех звеньев властно-управленческой вертикали (индекс «поддержка vs несогласие»). Структуры экспертных групп соотносились с интегральными индексами развития регионов, представленными в виде социально-экономических и политико-управленческих рейтингов (РИА, АПЭК, ЦИСИ ИФ РАН). В итоге на основе статистических процедур и выделенных экспертных группировок удалось оценить «раскол» и «сплоченность» экспертных позиций в принятии решений в ходе достижения национальных целей.

Ключевые слова: социальное группообразование; экспертное группообразование; раскол; сплоченность; принятие решений; социология управления; социокультурная модернизация; национальные проекты

* © Богданов В.С., Почестнев А.А., 2022.

Статья поступила 06.12.2021 г. Статья принята к публикации 07.04.2022 г.

Актуальность изучения феномена социального группообразования в контексте управления территориальным развитием обусловлена качеством отечественной системы управления и нерешаемыми проблемами, главными из которых остаются подмена функций управления функциями власти и закрытость региональных систем управления (доминирование «авторитарно-кланового» стиля управления). Необходимы новые механизмы управления и формы государственно-общественной регуляции социокультурной модернизации регионов [1], что отвечает сформировавшемуся в российском обществе меритократическому запросу на эффективное государство, в котором все более активную роль должны играть самоорганизующиеся ассоциации граждан [5; 6; 11]. По мнению М.К. Горшкова [5], для получения реальных эффектов модернизации следует переформатировать стратегическое мышление государственных служащих и функции звеньев властно-управленческой вертикали — отказаться от доминирующей парадигмы «контроля и надзора» в пользу парадигмы «умного управления» [13], которая предполагает привлечение широкого круга населения к управлению регионами и разработке управленческих решений на основе рационально-познавательных процедур. Согласно Президенту РФ, национальные проекты не должны остаться вне широкого публичного обсуждения и реального участия в их реализации различных групп населения (стейкхолдеров), что актуализирует задачу изучения характера экспертного группообразования. Для ее решения Центр социологии управления и социальных технологий Института социологии под руководством А.В. Тихонова организовал исследовательский проект, поддержанный Российским научным фондом.

Экспертное группообразование — это распределение и состав экспертов в группах принятия решений в ходе реализации национальных проектов и программ модернизации управления в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации. Экспертные группы создаются для решения следующих задач: анализ особенностей регионов; контроль (оценка) объекта социальных преобразований; определение недостатков и барьеров, возникающих в процессе принятия и реализации проектных решений; разработка и внедрение стратегий, проектов и программных мероприятий по развитию регионов [2; 3; 8].

Экспертные группы состоят из специфического набора участников (стейкхолдеров), каждый из которых имеет свое представление об объекте преобразований и свою цель (мотив). Как правило, объединению и сотрудничеству подвержены эксперты со схожими установками и ценностями. Если среди участников наблюдается единство мнений, то групповые отношения воспроизводятся, повышается солидарность и формируются устойчивые группы. Они способны продуцировать единые, всеми разделяемые (легитимные) решения и проявлять активность в процессе их реализации на основе единой мотивации участников. Если среди участников нет единства в оценке ситуации, то отношения деформируются [18], группа замыкается на оценочной функции, оказывается не в состоянии заниматься совместной разработкой и реализацией стратегии,

т.е. решения либо не принимаются, либо их легитимность ставится под сомнение, что сказывается на характере последующей реализации [15; 17].

Недостаточное внимание органов власти к мнениям экспертов ведет к негативным социальным последствиям принимаемых решений, поскольку не учитываются особенности регионов, существующие барьеры и недостатки развития, игнорируется поиск и выбор адекватных средств. Об этом говорит П. Штомпка (со ссылкой на Ч. Тилли), характеризуя формирование и активизацию политических радикальных групп как результат нарушения баланса власти и борьбы соперничающих группировок за управление государством [16].

Говоря о проблеме согласованности мнений экспертов и властей, мы поднимаем вопрос о сплоченности или расколе, который обсуждается в российском социологическом и социально-философском дискурсе. Генезис проблемы восходит к пониманию «общественного договора» [4; 9; 10]. А. Турен, говоря о расколе, акцентирует внимание на не полностью «открытых» отношениях власти и населения, когда стабильность власти противостоит изменениям окружающей среды и интересам субъектов управления (социальным акторам) [14], инициируя принятие решений «сверху-вниз». Нельзя не упомянуть методологию социокультурного анализа социальной динамики А.С. Ахиезера и В.А. Лекторского для изучения феноменов инверсии, раскола и медиации [7]. Что касается модернизации «сверху» и «снизу», то М.Ф. Черныш, ссылаясь на работу М. Кивенина, констатирует: «процесс модернизации социальной сферы возможен, если двигаться в двух направлениях. Первое состоит в том, чтобы привлекать по мере возможности к обсуждению социальной политики и принципов строительства социального государства агентов, действительно заинтересованных в улучшении положения дел (профсоюзы, общественные организации, политические партии). Второе направление заключается в повышении эффективности системы и, прежде всего, в обеспечении согласованности между разными ее уровнями, а также между постановкой целей и средствами, которые выделяются на их достижение» [15; 19], чего часто не происходит [12].

Задачей исследования стало определение характера экспертного группового образования в рамках властно-управленческой вертикали через параметры доступа экспертов к региональной практике управления (участию в реализации нацпроектов), стабильности членства в экспертных группах и позиционных оценок экспертами деятельности властей по реализации программ развития региона. По сути, мы вычленили структуру экспертных групп, оцениваем согласованность мнений в группе принятия решения, определяем вектор согласованности (правительственный/оппозиционный) или фиксируем раскол. Главное — определение такого состояния структурных элементов групп, которое позволяет развивать регион. Для решения задачи необходимо найти реальный контекст управления — в нашем исследовании им стали реализация «прорывных» национальных проектов и программа модернизации систем управления регионов.

Первая характеристика экспертного группобразования — свобода доступа экспертов к управлению регионом («активность vs пассивность») — измерялась посредством оценки их участия в программах модернизации региональных систем управления и национальных проектах. Например, если эксперты не участвуют в программах и проектах, но хотели бы включиться в их разработку и реализацию, можно говорить о наличии потенциала активности и/или латентном группобразовании. Вторая характеристика — оценка схожести взглядов и установок экспертов: насколько члены группы решений разделяют позицию официальных органов власти на шкале «поддержка vs оппозиция» (фиксируется раскол или сплоченность экспертной группы). Согласно рабочей гипотезе, чем ниже уровень совпадения точек зрения в экспертной группе принятия решений (раскол), чем сильнее отчуждение экспертов от модернизации регионов, тем более деформированы управленческие решения и ниже уровень развития региона.

Для подтверждения/опровержения этих предположений в 2019–2021 годы был проведен экспертный онлайн-опрос в 12 регионах с разным уровнем socioэкономического развития и социокультурной модернизации (N = 609). В выборку вошли компетентные должностные лица, представители разных профессиональных групп: 44 % имеет опыт руководства организацией, 35 % — органами региональной власти; 74 % имеют высшее образование, 26 % — кандидаты и доктора наук; представителей бюджетной сферы — 41 %, аппарата государственного и муниципального управления — 10 %, НКО — 15 %, производственных организаций — 24 %, предпринимателей и мелкого бизнеса — 9 %; около 66 % заняты общественной работой.

Для определения структурного баланса подгрупп экспертов необходимо было найти параметры, отражающие уровень развития региона. Существует множество рейтингов регионов, отражающих уровень их развития: рейтинг socioэкономического развития регионов РИА, рейтинг конкурентоспособности, рейтинг качества жизни, рейтинг качества регионального управления АПЕК, национальный рейтинг губернаторов и их критики в социальных сетях. Единого общепризнанного показателя пока не существует, однако разные аспекты развития регионов были интегрированы в рейтинге социокультурной модернизации [1]. Мы проработали все названные рейтинги, сопоставив их с данными экспертного опроса.

Созданная номинальная экспертная группа подвергалась поэтапному анализу. Первоначально оценивалась «активность vs пассивность» — чтобы определить наличие взаимодействия между участниками группы и ее потенциал в виде латентных активных групп. Было выбрано два типа проектов, в которых могли участвовать эксперты, поэтому было установлено сочетание их действий в ходе реализации проектных решений. Участие в обоих проектах свидетельствует о постоянстве группы и устойчивом взаимодействии ее членов, т.е. о сформированности экспертной группы («ядро управле-

ния») — только 6 % экспертов участвуют в обеих программах (Табл. 1), и эта малочисленная подгруппа была включена в группу «активные эксперты». Участие экспертов в одном проекте свидетельствует об их активности в делах управления регионом (37 %) — они стали основой группы «активные эксперты» (далее — «группа решений»). Эксперты, не участвующие в управлении, но стремящиеся к этому (51 %), были отнесены к латентной группе управления (далее — «желающие эксперты»). Их неучастие в управлении свидетельствует о закрытости группы принятия решений и формировании решений «сверху», но эта группа характеризует потенциал региона, который можно использовать для совершенствования системы управления. Эксперты, не участвующие в управлении и не высказывающие такого желания (12 %), были отнесены к «пассивной группе». Эксперты, «затруднившиеся с ответом», были причислены к группам «активные эксперты» и «желающие эксперты» (в соответствии с их позицией в другом проекте).

Таблица 1

**Распределение экспертов
по участию в программах развития регионов, %**

Участие в повышении эффективности системы управления	Участие в национальных проектах				
	Принимаю участие в разработке или реализации	Не участвую, но хотел бы	Не предполагаю участия	З/о	Всего
Уже участвую	5,8	0,5	-	0,2	6,5
Да, есть желание участвовать	13,6	12,1	1,5	1,3	28,5
Скорее да, чем нет	12,1	16,1	6,3	3,8	38,2
Скорее нет, чем да	3,3	3,8	6,1	0,7	13,9
Нет желания участвовать	0,5	0,2	2,2	0,8	3,6
З/о	1,3	2,3	2,5	3,1	9,3
	36,6	34,9	18,5	9,9	100

Далее было получено региональное распределение групп экспертов. В ходе анализа с применением коэффициента корреляции Спирмана было обнаружено, что представительность экспертного сообщества в группах решений (объем) не связана с рейтингами губернаторов, критики губернаторов в социальных сетях и регионов по качеству жизни, но значимо связана с уровнем социально-экономического развития региона по версии РИА, эффективностью регионального управления по версии АПЕК и конкурентоспособностью региона. С уровнем социокультурной модернизации региона по версии Н.И. Лапина этот параметр статистически не связан, но визуально связь прослеживается (Табл. 2). Обнаруженные связи отражают тенденцию уменьшения

количества привлекаемых экспертов с увеличением уровня развития региона, т.е. развитые регионы имеют закрытые группы решений и процедуры отбора экспертов, что позволяет налаживать тесные конструктивные взаимодействия и эффективные обсуждения (обратные связи). Данные группы не постоянны, поскольку количество экспертов, входящих в «ядро», достаточно мало, что наводит на мысль о целевом отборе экспертов. В менее развитых регионах группы принятия решений также закрыты, «ядро управления» невелико, и экспертов отбирают под разные задачи.

Таблица 2

Распределение экспертов по группам активности в регионах с разным уровнем развития, %, баллы

Регионы	Шкала «активность-пассивность»						Активные (проценты округлены)	Рейтинг ЦИСИ ИФ РАН (2018)	Рейтинг РИА (2019)	Рейтинг АПЕК (2019)	Национальный рейтинг губернаторов (2019)	Рейтинг критики губернаторов (тыс.)	Рейтинг конкурентоспособности (2019)	Рейтинг качества жизни (2019)
	Ядро решений	Активная экспертная группа	Желающие, но не участвующие	Пассивная аудитория	Затрудняюсь ответить	Всего								
Московская область	9,8	15	54	19	2,5	100	25	77,3	75,9	0,6	30	103	3,6	74,5
Нижегородская область	4	41	41	14		100	45	70,3	58,7	0,6	9	45,2	2,7	55,5
Свердловская область	2	30	54	8	6	100	32	66,8	67,9	0,6	26	48,9	3,2	57,1
Республика Саха (Якутия)	6	28	52	8	6	100	34	63,8	45,4	0,6	14	19,8	2,3	37,9
Брянская область	3,9	39	49	2	5,9	100	43	62	35,9	0,5	54	13,7	1,2	46,2
Белгородская область	7,8	25	64	3,2		100	33	61	55,6	0,7	5	8,3	2,5	63,9
Республика Башкортостан	5,8	19	44	27	4,1	100	25	60,7	62,7	0,6	13	69,4	2,7	50,4
Смоленская область	4	42	42	12		100	46	60,1	30,8	0,5	47	11,3	1,2	47,4
Омская область	2	38	32	26	2	100	40	59,9	45,2	0,6	28	13,1	2,1	43
Амурская область	12	34	46	6	2	100	46	59,8	35,2	0,6	68	5,3	1,4	38,7
Вологодская область	9,8	29	43	12	6,2	100	39	59,8	46,7	0,6	8	23,2	1,7	40,6
Республика Калмыкия	1,9	37	48	9,2	3,8	100	39	53,6	18,2	0,4	80	2,7	0,2	31,5

В регионах с еще более низкими рейтингами развития независимые эксперты более широко представлены в группах разработки и реализации проектов. С одной стороны, это позволяет властям показывать демократичность управления, но, с другой стороны, это усложняет обсуждения и достижение консенсуса; существует вероятность попадания в активную группу тех, кто лоббирует свои интересы в ущерб интересам региона, и экспертов, которые слепо поддерживают решения властей, чтобы создать эффект легитимности. Был проведен анализ второго параметра группообразования — «поддержка vs оппозиция» (пятибалльная оценка деятельности всех органов власти РФ в ходе реализации проектов). Для определения структуры оценок был проведен кластерный анализ методом главных компонент, который позволил редуцировать многомерное пространство до двух параметров (69,7 % описывают исходные данные) (Рис. 1–3).

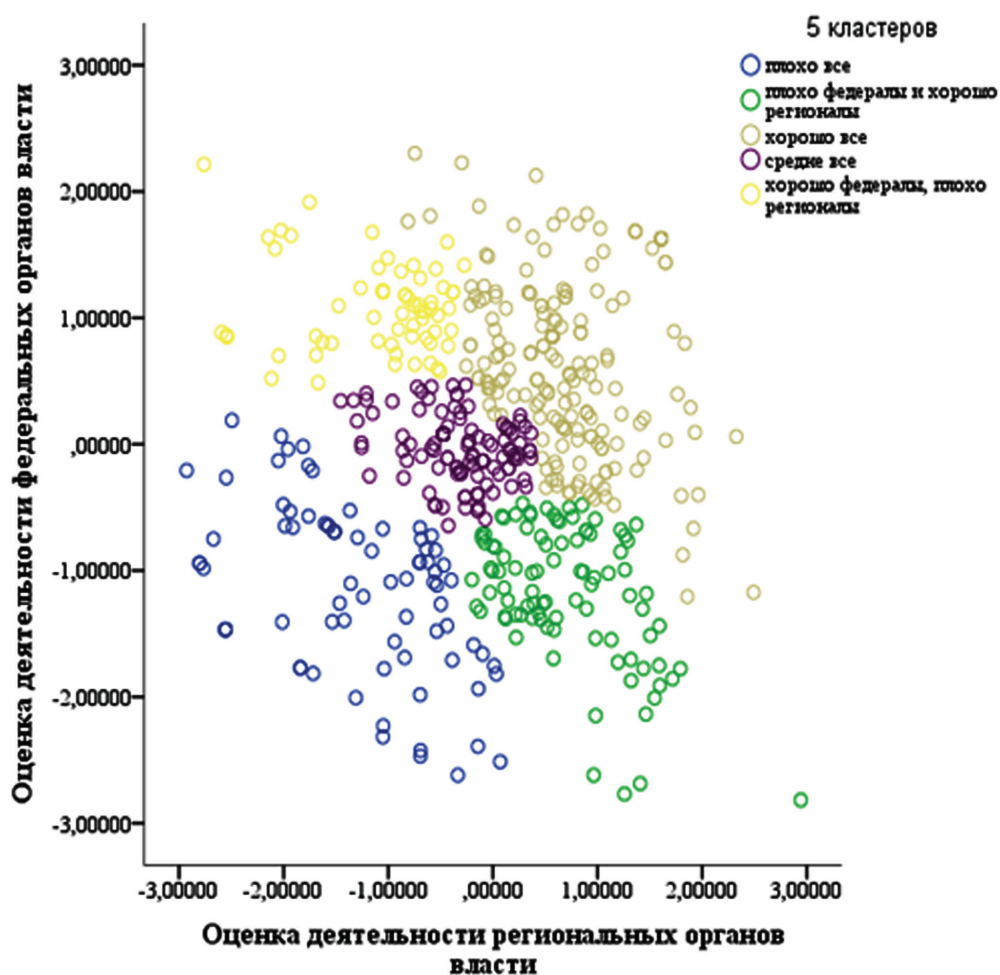

Рис. 1. Рассеивания экспертных оценок деятельности федеральных и региональных властей

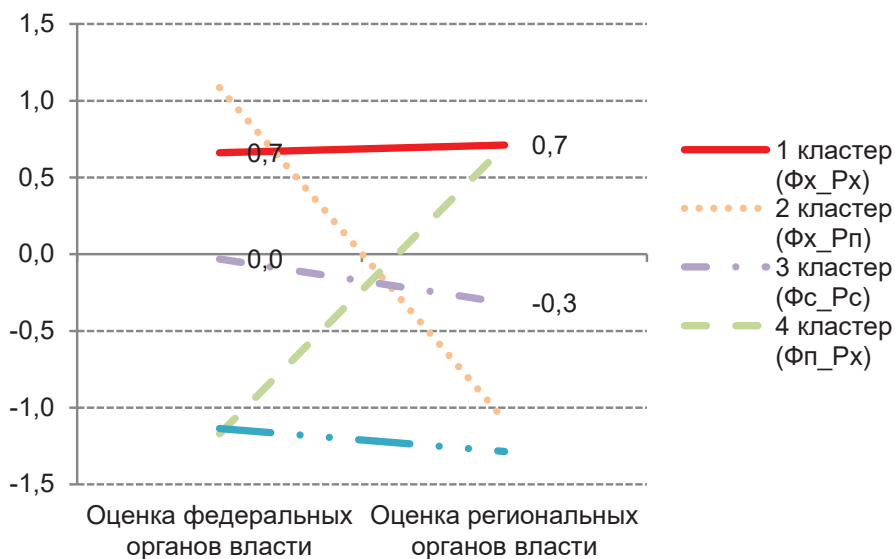

Рис. 2. Средние оценки деятельности федеральных и региональных властей экспертов, принадлежащих разным кластерам

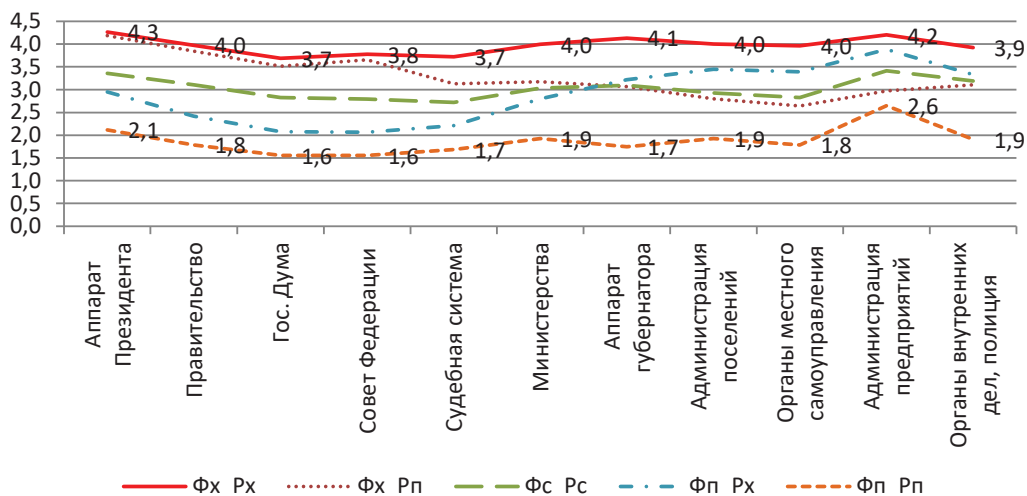

Рис. 3. Распределение оценок органам власти в экспертных группах

Расшифровку сокращений профилей см.ниже в тексте

Полученное пространство отразило характер экспертной оценки деятельности властей. Первый компонент — оценка работы федеральных властей (Администрация Президента, Совет Федерации, Государственная Дума, правительство, отраслевые министерства), второй компонент — региональных

властей (аппарат губернатора, городская администрация, органы местного самоуправления, руководители предприятий, полиция, министерства). Можно сказать, что эксперты оценивают ситуацию в контексте разделения властей не по содержанию, а по административному делению (идея синкретизма власти). Схожесть оценок органов власти свидетельствует о едином характере их работы — интеграции и согласовании действий, однако оценки федеральных органов отличаются от оценок региональных властей, т.е. фиксируется разрыв в работе вертикали власти (отсутствие интеграции).

Для формирования групп экспертов, имеющих схожие позиции по отношению к работе органов власти, использовался иерархический кластерный анализ методом Ворда, который позволяет создать компактные кластеры, не пересекающиеся друг с другом. В основу кластеризации были положены две независимые переменные: оценка деятельности федеральных органов власти и региональных властей. Кластерный анализ позволил выделить пять 5 социоментальных групп: 1) эксперты, которые положительно оценивают деятельность всех органов власти в рамках реализации национальных проектов, их оценки выше 3,5 баллов (Фх_Рх); 2) эксперты, положительно оценивающие деятельность федеральных органов власти (выше 3), и средне — региональных (около 3), т.е. группа федерально-ориентированных экспертов (Фх_Рп); 3) эксперты, удовлетворительно оценивающие деятельность и решения федеральных и региональных органов власти (около 3), т.е. «колеблющиеся» (Фс_Рс); 4) эксперты, положительно оценивающие деятельность региональных органов (выше 3), но несогласные с федеральным курсом и деятельностью федерального центра (ниже 3), т.е. регионально-ориентированные эксперты (Фп_Рх); 5) «противники» — оценивающие решения федеральных и региональных органов власти ниже 2,5 баллов (Фп_Рп). Еще одна группа экспертов — затруднившиеся в оценке органов власти.

Сочетание представителей данных социоментальных подгрупп в группе «активные эксперты» оказалось разным (Табл. 3), что позволило провести корреляционный анализ, направленный на изучение зависимости состава группы и развитости регионов. Были обнаружены значимые связи количества экспертов с оппозиционными взглядами относительно федеральных решений и критики губернаторов в социальных сетях, однако ситуация в Калмыкии отличается от общей тенденции. При исключении региона были выявлены дополнительные значимые связи: величина группы экспертов, которые поддерживают региональные органы и критикуют федеральные, коррелирует с рейтингом критики губернаторов в социальных сетях и конкурентоспособностью региона, а величина группы экспертов, которые критикуют действия всех органов власти, связана с социально-экономическим развитием региона, его конкурентоспособностью и критикой губернаторов. В более развитых регионах среди «активных экспертов» больше количество оппозиционно настроенных, что, видимо, позволяет принимать взвешенные решения, способствующие развитию региона.

**Распределение представителей разных подгрупп
в активной группе принятия и реализации решений в регионах, %**

Группы	«Социоментальные группировки» в группе принятия решений						Фп_Рх +Фп_Рп	Состояние группы	Вектор принятия решения
	Регионы	Фх_Рх	Фх_Рп	Фс_Рс	Фп_Рх	Фп_Рп			
Московская область	30,8	7,7		38,5	23,1	100	61,6	Р	ОВПР РВ
Нижегородская область	40,9	13,6	22,7	9,1	13,6	100	22,7	Р	СП
Свердловская область	43,8	12,5	12,5	18,8	12,5	100	31,3	Р	СП
Республика Саха (Якутия)	29,4	5,9	23,5	35,3	5,9	100	41,2	Р	ОВПР РВ
Брянская область	86,4	4,5	4,5	4,5		100	4,5	С	П
Белгородская область	64,7	5,9	23,5	5,9		100	5,9	С	П
Республика Башкортостан	61,5		7,7	23,1	7,7	100	30,8	С	П
Смоленская область	39,1	26,1	26	8,7		100	8,7	Р	П
Омская область	50		45		5	100	5	Р	СП
Амурская область	47,8	17,4	17,4	13	4,3	100	17,3	Р	П
Вологодская область	45	5	25	15	10	100	25	Р	СП
Республика Калмыкия	10	15	30	10	35	100	45	Р	ОВПР

Состояние условной группы:

Р — раскол, выраженный в несовпадении экспертных оценок деятельности органов власти

С — сплоченность, выделяется доминирующая группа

Вектор принятия решений с точки зрения отношения к звеньям ВУВ:

П — выделяется большинство экспертов с провластными установками, в том числе и федеральными

СП — выделяется достаточная группа с федеральными установками, с решениями которой может согласиться оппозиция

ОВПР РВ — выделяется достаточная группа с оппозиционными установками, близкими к позиции региональных властей

ОВПР — выделяется достаточная группа с абсолютно оппозиционными установками

Оценивая параболическую аппроксимацию зависимости числа провластных экспертов (Фх_Рх) и уровня социокультурной модернизации регионов, был получен коэффициент детерминации $R^2 = 0,361$. Хотя он не велик, можно

говорить о тенденции: в развитых регионах группа экспертов, положительно оценивающих действия властей, не представляет большинства, им противостоят различные группы; в регионах более низкого уровня развития эта группа представляет большинство, а в менее развитых перестает быть доминантной. В развитых и слабо развитых регионах «чистая оппозиция» (Фп_Рп) более выражена, нежели в регионах среднего уровня ($R^2 = 0,691$). Подобная зависимость наблюдается и в группировке экспертов, критикующих федеральные органы власти, но менее четко ($R^2 = 0,387$). Можно предположить, что в развитых регионах оппозиция более представительна и играет позитивную роль — создает эффект конструктивности обсуждений при принятии решений; в менее развитых регионах оппозиция незначительна (исключение — Башкортостан), а в слаборазвитых регионах ее доля начинает расти, но не так активно, как в регионах-лидерах (наличие оппозиции здесь скорее отрицательно сказывается на уровне модернизации).

В группу регионов, которые характеризуются высоким уровнем социокультурной модернизации, вошла Московская область, где в группе «активные эксперты» доминируют респонденты, отрицательно оценивающие деятельность федеральных органов и положительно — региональных (39 %) (Табл. 3). Но это не большинство, поэтому в принятии решений и их исполнении важна борьба с группой экспертов, которых устраивает федеральная политика (Фх_Рх — 31 %), и группой экспертов, которые не поддерживают ни федеральные, ни региональные власти (23 %), т.е. в регионе наблюдается раскол мнений и шанс на радикальные изменения. Похожая ситуация в Республике Саха (Якутия): в активной группе доминируют эксперты, удовлетворенные деятельностью региональных властей, но не федеральных (35 %), им противостоят эксперты, удовлетворенные как федеральными, так и региональными властями (29 %), т.е. наблюдается борьба в принятии и реализации решений, что положительно сказывается на развитии.

В Нижегородской области наиболее выражена группа экспертов, довольных работой всех органов власти (41 %), — это не большинство, но в сочетании с группой экспертов, которые оценивают деятельность властей в целом удовлетворительно (23 %), и 14 % довольных федеральной властью, можно предположить, что в принятии и исполнении решений будут доминировать провластные федеральные идеи, хотя в целом по группе «активные эксперты» фиксируется раскол. Несколько иная ситуация наблюдается в Свердловской области: значительная группа экспертов поддерживает властные решения (44 %), им противостоит группа недовольных работой федеральных органов (19 %) и группа оппозиционеров (13 %), т.е. наблюдается борьба позиций, которая, видимо, оказывает положительный эффект.

Из полученных данных видно, что эксперты отбираются таким образом, чтобы не было перевеса сторонников властей. Эксперты представляют разные точки зрения: одни склоняются к поддержке федеральных органов, другие —

региональных, третьи представляют точку зрения, отличную от провластной. Такие регионы реализуют особую стратегию развития, и централизации управления в них не прослеживается.

Другая ситуация сложилась в регионах с более низким уровнем социокультурной модернизации. В Брянской области в активной группе доминируют эксперты, которые довольны деятельностью властей и поддерживают их решения (86%), т.е. в экспертной группе прослеживается сплочение. В Белгородской области доля таких экспертов ниже (65%), но это большинство, и в активной группе много тех, кто удовлетворительно оценивает все органы власти (24%). В Республике Башкортостан 62% экспертов принадлежит к группировке провластных, но в активной группе есть оппозиция федеральной власти (23%) и «чистая оппозиция» (8%), т.е. очевидна ситуация рекрутирования сторонников властей регионального и федерального уровня, поэтому можно предположить, что в данных регионах реализуется централизованная политика развития.

В следующей группе регионов, уровень развития которых «ниже среднего», ситуация кардинально иная. В Смоленской области доминирующей группы нет: часть экспертов довольна работой всех органов власти (39%), им противостоит группа, которая негативно оценивает региональные власти и позитивно — федеральные (26%), т.е. эксперты склонны поддерживать решения федеральных властей. В Омской области 50% активной группы — провластные эксперты, 45% — «серединники», удовлетворительно оценивающие работу властей, т.е. здесь возможна борьба, но локального характера, по частным вопросам. Такая же ситуация и в Вологодской области (45% и 25%). Скорее всего, в этих регионах будут поддержаны федеральные инициативы. В Амурской области ситуация немного иная: 47% активных экспертов провластно-ориентированы, 17% поддерживают решения федеральных органов, еще 17% занимают срединное положение, 13% поддерживают только местное руководство, и есть небольшая доля оппозиционеров — 5%, т.е. мнение активной группы будет склоняться в сторону решений федеральных властей.

В последних рассмотренных регионах раскол мнений наблюдается, но он не настолько выражен, как в регионах-лидерах. В менее развитых регионах больше экспертов в активной группе управления, и многие принадлежат к «колеблющимся», что может создавать конфликты при принятии решений, но скорее с выходом на договоренности, чем на эскалацию. Однако неудовлетворенность решением влечет проблему его реализации — имитацию деятельности.

В Республике Калмыкия, которая имеет самый низкий уровень социокультурной модернизации, как ни странно, ситуация похожа на самый развитый регион — Московскую область, но есть и отличия: 10% активных экспертов принадлежит к провластной группе, 15% поддерживают федеральные

власти, 30 % удовлетворительно оценивает работу властей, 10 % поддерживают региональные власти, и 35 % — оппозиция, которая не может не оказывать влияние на срединную группу — для принятия решений, отличных от провластных. В группе «активные эксперты» существует раскол и оппозиционный вектор. Если это клановые интересы, то такая деформация не позволит региону выйти на новый уровень развития.

Заключительным этапом стало изучение отношений в активной группе экспертов — «стиль управления». Были получены данные, которые не позволяли выделить явные доминанты, поэтому мы объединили стили в две группы — «авторитарно-клановый» и «коллегиально-демократичный». Также мы рассмотрели экспертные оценки уровня развитости компетенций у представителей органов власти, которые будут способствовать или препятствовать реализации национальных проектов (Табл. 4).

Таблица 4

Характеристика стиля управления (%) и оценка компетенций представителей региональных органов власти (баллы)

Регионы	Стиль управления		Оценка компетенций представителей власти (5 баллов)						
	Авторитарно-клановый	Коллегиально-демократичный	Открытость населению	ответственность за выполнение решений	Контроль исполнения сверху	Стратегическое мышление руководства	Компетентность руководства	Креативность мышления	Способность мобилизовать людей
Московская область	50,1	50,1	2,4	2,9	3,4	3,3	3,4	3,3	2,9
Нижегородская область	43,2	56,8	2,6	3	3,4	3,7	3,5	3	3
Свердловская область	36,6	63,3	2,4	3,1	3,6	3,3	3,5	2,8	3,2
Республика Саха (Якутия)	58,9	41,2	2,6	3,2	3,6	3,3	3,3	3,1	3,1
Брянская область	17,5	82,5	3,9	4	4,4	4,3	4,1	4,1	4,1
Белгородская область	62,6	37,6	3,1	4	4,5	4,2	4	3,4	3,5
Республика Башкортостан	61,6	38,5	3,8	3,4	4,1	4,1	4	3,7	3,8
Смоленская область	68,2	31,8	2,7	3,1	3,6	3,2	3,3	2,8	2,8
Омская область	39,5	60,5	3,6	3,2	3,4	3,7	3,8	3,3	3,5
Амурская область	30,4	69,6	2,8	3,2	3,5	3,8	3,7	3,3	3,3
Вологодская область	37,5	62,5	3	3,3	3,7	3,7	3,7	3,2	3,3
Республика Калмыкия	71,1	29	2,5	2,7	2,9	2,8	2,7	2,5	2,7

Со статистической точки зрения можно говорить о проявлении квадратической зависимости стиля управления с рейтингом Н.И. Лапина, социально-экономического развития РИА, АПЕК, с национальным рейтингом губернаторов и рейтингом конкурентоспособности региона. В Московской, Нижегородской и Свердловской областях, которые принадлежат к группе развитых регионов (по версии ЦИСИ ИФ РАН), доминирует коллегиально-демократический стиль управления: органы власти в меньшей степени открыты населению, ответственны за реализацию решений, обладают компетенциями, в частности стратегическим мышлением, способностью принимать нестандартные решения. Власти не обладают сильным авторитетом, им сложно мобилизовать население. Именно эти параметры определяют необходимость привлечения независимых экспертов в группы принятия и реализации решений — чтобы компенсировать указанные недостатки. В связи с наличием большой группы оппозиционных экспертов в данных регионах демократичность управления сдерживает контроль «сверху», и решения становятся менее центроориентированными, т.е. оппозиция может играть позитивную роль в разработке и реализации политики.

Начиная с Республики Саха стиль начинает меняться на авторитарно-клановый, и в регионах среднего уровня модернизации эта доминанта сохраняется, за исключением Брянской области (отклонение в сторону демократичности). При этом власти менее развитых регионов не нуждаются в помощи сторонних экспертов, поскольку высоко дисциплинированы и ответственны, у них развиты компетенции, стратегическое мышление и креативность, у них есть авторитет и способность мобилизовать население для решения поставленных задач. В данных регионах больше контроля «сверху» и более прозрачна система управления. В группу принятия решения попадают те эксперты, которые поддерживают решения властей. Можно предположить, что здесь сложился единый вектор восприятия реальности у местных органов власти и населения.

В слабо развитых регионах, к которым относятся Омская, Амурская и Вологодская области, у экспертов доминируют коллегиально-демократические отношения. Власти более открыты населению по сравнению с развитыми регионами, но менее компетентны, нежели в средних регионах, — не обладают развитым стратегическим мышлением. Демократичность управления сдерживает контроль «сверху», но снижается и региональная ответственность властей. Как и в развитых регионах, здесь достаточно низка способность ответственных исполнителей к выработке креативных решений и мобилизации населения. Для решения задач приглашаются стейкхолдеры — создается коллегиально-демократическое управление. Ситуация схожа с развитыми регионами, но есть важные отличия: больше независимых экспертов в группах решений и открытость властей (скорее

имитационная). В сочетании с демократичностью это негативно сказывается на качестве решений — очевидны трудности нахождения компромисса в разнородных экспертных группах и проблемы попадания в эти группы нецелевых экспертов или тех, что нацелены только на свои или спонсорские интересы, а они оказывают деструктивное влияние на решения «колеблющихся» (Республика Калмыкия).

Наблюдая за реализацией национальных проектов в 12 регионах России с разным уровнем развития, мы обнаружили, что во всех регионах число постоянных экспертов в группах принятия решений минимально, что свидетельствует об отсутствии «карманных экспертов», которые принимают типовые провластные решения. В более развитых регионах количество независимых экспертов в группах решений меньше — группы закрыты, экспертов отбирают по определенным параметрам. Условия демократичности управления, проявляющиеся в процессе экспертного группообразования, более способствуют расколу при принятии решений. Раскол мнений может приводить к тому, что оппозиционные позиции перевесят и будет принято альтернативное решение (может быть как конструктивным, так и деструктивным), т.е. оппозиционный характер экспертного группообразования в рамках реализации национальных проектов не определяет в конечном итоге качество управленческого решения.

Сформулированная нами гипотеза не подтвердилась: в развитых регионах с демократичным управлением наблюдается большая закрытость группы решений, в которых фиксируется раскол мнений, но он несет скорее позитивную (конструктивную) функцию, позволяя принимать решения альтернативные федеральным. Наличие раскола мнений экспертов в развитых регионах ставит задачу изучения его оснований и причин — определение источников несовпадения позиций позволит дать более четкие рекомендации по работе и отбору экспертов в менее развитых регионах.

В среднеразвитых регионах с авторитарным управлением также наблюдается закрытость группы решений, но раскола в ней нет. В этих регионах не обнаружены эксперты, которые убеждают региональные власти решать задачи региона, а не федерального правительства. Здесь собирают «удобных экспертов», чья главная задача — трансляция решений в политическую и общественную среду, поэтому полная поддержка ими провластных решений не порождает критического обсуждения. В регионах с низким уровнем развития, где существует демократичное управление, группа решений более открыта, в ней фиксируется слабовыраженный раскол, который не способствует развитию. В этих регионах важно обратить внимание на рекрутирование «полезных экспертов», чтобы избежать сложностей в работе групп (модерации и фасилитации) и принятии качественных кре-

ативных решений. В оппозиционных группах важны основания и вектор целей — развитие региона, а не частные интересы.

Нахождение компромисса ключевых экспертов по важнейшим аспектам жизни региона — способ совершенствования системы управления и адекватный механизм достижения национальных целей. Но пока группы таких экспертов малочисленны.

Информация о финансировании

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда. Проект № 1918-00345 «Академический проект: управляемость процессов социального группообразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и поддержка населением стратегии развития РФ до 2024 года»

Библиографический список

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Под ред. Н.И. Лапина. М., 2016.
2. Бакурская Н.Е. Экспертиза в современной организации // Государственное управление. 2015. № 51.
3. Баханова Е.В. Экспертные методы оценки деятельности руководителей органов местного самоуправления // Научные сообщения. Вып. 1. Вестник ПАГС. 2009.
4. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского общества // Сочинения: в 2 тт. Т. 2. М., 1991.
5. Горшков М.К. Успокоить нервы общества. Что говорит народ и как его слышит власть // Аргументы и Факты. 2019. № 24.
6. Горшков М.К., Седова Н.Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социологические исследования. 2015. № 12.
7. Давыдов А.П. Методологическая «середина-для» в ракурсе неклассики В. Лекторского, медиации А. Ахизера и принципа комплементарности Р. Гринберга/А. Рубинштейна // Вопросы философии. 2021. № 4.
8. Корнилович В.А., Холин А.Н. Коммуникативная динамика малой группы: информационное сопровождение управленческих решений (на примере группового ситуационного анализа) // Коммуникология. 2017. Т. 5. № 1.
9. Локк Д. Два трактата о правлении. М., 2014.
10. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998.
11. Петухов В.В. Почему мы снова хотим перемен // Ведомости. Мнения/Аналитика. 2019.
12. Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов / Под. ред. А.В. Тихонова. М., 2017.
13. Тихонов А.В., Богданов В.С. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. 2020. № 1.
14. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998.
15. Ульяновская Ю.В. Применение методов кластерного анализа для оценки нечеткой согласованной экспертной информации // Восточно-Европейский журнал передовых технологий. 2012. № 4.
16. Черныш М.Ф. И снова модернизация: в поисках концептуальной схемы // Социологические исследования. 2021. № 7.
17. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М., 2005.
18. Ivancevich J.M., Matteson M.T. Organizational Behavior and Management. Irwin, 1993.
19. Kitpatrick D.L. Ring the wings of change // Training and Development. 1993. Vol. 47. No. 2.
20. Russian Modernization. A New Paradigm / Ed. by M. Kivinen, B. Humphreys. L.–N.Y., 2021.

Expert group formation for making the regional development decisions: disagreement or cohesion (on the example of national projects implementation)*

V.S. Bogdanov¹, A.A. Pochestnev^{1,2}

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS

Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia

² Moscow Aviation Institute (National Research University)

Volokolamskoe Sh., 4, Moscow, 125993, Russia

(e-mail: valarf@mail.ru; apochestnev@yandex.ru)

Abstract. When implementing national projects, there is an issue of the expert group formation due to the need in new management mechanisms that meet the meritocratic demand of the Russian society for an effective state under the transition from the “control and supervision” paradigm to the “smart management” paradigm. National projects should not be left out of the wider public discussion and real participation of different target groups, which is determined by the tasks of the power-administrative vertical — to answer external and internal challenges in the implementation of 12 national projects. The result of the established expert group formation is the structure of decision-making groups. To identify the effect of group formation, the authors introduce the parameter ‘cohesion’–‘disagreement’ in expert groups during the development and implementation of project solutions. The study aims at assessing the state of expert groups (decision-making), which reflect the level of the regional development, including social-cultural modernization. On the basis of the presented theoretical-methodological foundations, the authors developed a methodology for identifying socio-mental groups that are formed in the decision-making groups and work on the implementation of national projects. This methodology consists of the scales of experts’ access to the regional management (index “activity vs passivity”) and the scales of solidarity of experts with the position of power, political and managerial activities of all levels of the power-administrative vertical (index “support vs disagreement”). The structures of the expert groups were correlated with the integral indices of the regional development as presented in the social-economic and political-administrative rankings. Thus, on the basis of statistical procedures and identified expert groups, the authors assessed the ‘disagreement’ and ‘cohesion’ of expert decision-making in achieving national goals.

Key words: social group formation; expert group formation; disagreement; cohesion; decision-making; sociology of management; social-cultural modernization, national projects

Funding

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 191800345 “Academic project: manageability of social group formation in regions with different levels of social-cultural modernization and support by the population of the development strategy of the Russian Federation until 2024”

References

1. *Atlas modernizatsii Rossii i ee regionov: sotsioekonomicheskie i sotsiokulturnye tendentsii i problemy* [Atlas of Modernization of Russia and Its Regions: Social-Economic and Social-Cultural Trends and Challenges]. Pod red. N.I. Lapina. Moscow, 2016. (In Russ.).

*© V.S. Bogdanov, A.A. Pochestnev, 2022

The article was submitted on 06.12.2021. The article was accepted on 07.04.2022

2. Bakurskaya N.E. Ekspertiza v sovremennoj organizatsii [Expertise in the contemporary organization]. *Gosudarstvennoe Upravlenie*. 2015; 51. (In Russ.).
3. Bakhanova E.V. Ekspertnye metody otsenki deyatelnosti rukovoditelej organov mestnogo samoupravleniya [Expert methods for assessing the activities of heads of local governments]. *Nauchnye Soobshcheniya. Vyp. 1. Vestnik PAGES*. 2009; 1. (In Russ.).
4. Hobbes T. *Leviatan, ili Materiya, forma i vlast gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo obshhestva* [Leviathan: Or the Matter, Forme, and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil]. Moscow; 1991. Vol. 2. (In Russ.).
5. Gorshkov M.K. Uspokoit nervy obshhestva. Chto govorit narod i kak ego slyshit vlast [To calm the society. What the people say and how the authorities hear them]. *Argumenty i Fakty*. 2019; 24. (In Russ.).
6. Gorshkov M.K., Sedova N.N. “Samodostatochnye” rossiyane i ih zhiznennye priority [“Self-sufficient” Russians and their life priorities]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2015; 12. (In Russ.).
7. Davydov A.P. Metodologicheskaya “seredina-dlya” v rakurse neklassiki V. Lektorskogo, mediatsii A. Akhiezer a printsipa komplementarnosti R. Grinberga/A. Rubinshteina [Methodological “middle-for” in the perspective of the non-classics of V. Lektorsky, mediation of A. Akhiezer and the principle of complementarity of R. Grinberg/A. Rubinshtein]. *Voprosy Filosofii*. 2021; 4. (In Russ.).
8. Kornilovich V.A., Kholin A.N. Kommunikativnaya dinamika maloj gruppy: informatsionnoe soprovozhdenie upravlencheskih reshenij (na primere gruppovogo situatsionnogo analiza) [Communicative dynamics of the small group: information support for management decisions (on the example of group situational analysis)]. *Kommunikologiya*. 2017; 5 (1). (In Russ.).
9. Locke J. *Dva traktata o pravlenii* [Two Treatises of Government]. Moscow; 2014. (In Russ.).
10. Rousseau J.J. *Ob obshhestvennom dogovore. Traktaty* [The Social Contract: Or, Principles of Political Law]. Moscow; 1998. (In Russ.).
11. Petukhov V.V. Pochemu my snova khotim peremen [Why do we want changes again]. *Vedomosti. Mneniya/Analitika*. 2019. (In Russ.).
12. *Rossiya: reformirovanie vlastno-upravlencheskoj vertikali v kontekste problem sotsiokulturnoj modernizatsii regionov* [Russia: Reforming the Power-Administrative Vertical under the Social-Cultural Modernization of Regions]. Pod. red. A.V. Tikhonova. Moscow; 2017. (In Russ.).
13. Tikhonov A.V., Bogdanov V.S. Ot “umnogo regulirovaniya” k “umnomu upravleniyu”: sotsialnaya problema tsifrovizatsii obratnyh svyazey [From “smart regulation” to “smart management”: The social issue of feedback digitalization]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 1. (In Russ.).
14. Touraine A. *Vozvrashchenie cheloveka dejstvuyushhego. Ocherk sotsiologii* [Return of the Actor. An Essay on Sociology]. Moscow; 1998. (In Russ.).
15. Ulyanovskaya V. Primenenie metodov klaster'nogo analiza dlya otsenki nechetkoj soglasovannoy ekspertnoj informatsii [Application of the cluster analysis methods to assess the unclear consistent expert information]. *Vostochno-Evropeyskiy Zhurnal Peredo-vykh Tekhnologii*. 2012; 4. (In Russ.).
16. Chernysh M.F. I snova modernizatsiya: v poiskah kontseptualnoj skhemy [And again modernization: In search of a conceptual scheme]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2021; 7. (In Russ.).
17. Sztompka P. *Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshhestva* [Sociology. Analysis of Modern Society]. Moscow; 2005. (In Russ.).
18. Ivancevich J.M., Matteson M.T. *Organizational Behavior and Management*. Irwin; 1993.
19. Kitpatrick. D.L. Ring the wings of change. *Training and Development*. 1993; 47 (2).
20. Kivinen M., Humphreys B. (Eds.). *Russian Modernization. A New Paradigm*. London–New York; 2021.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-324-336

Анализ применения кадровых резервов в системе государственного управления*

Е.В. Масленникова^{1,2}, И.Б. Шебураков², Л.Н. Татарина²

¹Государственный университет управления

Рязанский просп., 99, Москва, 109542, Россия

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Просп. Вернадского, 82, Москва, 1119571, Россия

(e-mail: ev_maslennikova@guu.ru; sheburakov-ib@ranepa.ru; tatarinova-ln@ranepa.ru)

Аннотация. В статье анализируются подходы к формированию и применению кадровых резервов в государственном управлении и обосновываются варианты их развития в условиях новых социальных вызовов. На основе обобщения подходов к формированию кадровых резервов, компаративного анализа управленческих практик и результатов социологических исследований выделены условия и факторы, влияющие на эффективность использования кадровых резервов. Существующие подходы, определяющие процессы формирования и управления кадровым резервом (нормативный, дефицитарный, компетентностный), не позволяют дать адекватный ответ на новые вызовы меняющейся социальной среды. В этой связи актуализируется запрос на новую интегративную модель и принципы работы с кадровыми резервами. Выводы статьи сформулированы с учетом результатов социологического исследования, в ходе которого анализировались вопросы восприятия кадрового резерва и его предназначения субъектами управления; значение кадрового резерва среди других кадровых технологий и факторы его эффективности кадрового резерва. Исследование проводилось во втором квартале 2020 года, было опрошено 56 государственных служащих — руководителей структурных подразделений и сотрудники кадровых служб. Выяснилось, что наблюдается смещение восприятия резерва — от «скамейки запасных» к «ресурсу развития», но характерная для федеральных органов текучесть кадров оказывает тормозящее воздействие. Отсутствие взаимосвязей между различными видами резервов респонденты назвали одной из проблемных зон. В исследованиях 2020–2021 годов анализировались оценки резервистами своих карьерных перспектив. В статье представлено обоснование единой системы резервов управленческих кадров, способной повысить эффективность кадровых решений в системе государственного управления. Основное внимание в системе уделяется определению уровня управленческой готовности, обеспечению целостности личностно-профессионального развития. В рамках предложенного подхода резерв — это экосистема с учетом возможностей платформенных решений, формируемая на общей методологической основе и имеющая сетевую топологию.

Ключевые слова: система государственного управления; кадровая политика; кадровый резерв; управленческая успешность; управленческий потенциал; комплексный ресурсный анализ

* © Масленникова Е.В., Шебураков И.Б., Татарина Л.Н., 2022.

Статья поступила 18.11.2021 г. Статья принята к публикации 07.04.2022 г.

В условиях неопределенности подвергаются радикальным изменениям и содержание, и механизмы социальной интеграции и социализации, возрастают требования к качеству управленческой деятельности. В научном дискурсе актуализируется проблема формирования новой интегративной парадигмы, которая бы строилась на основе соединения методологии ресурсного, личностно-ориентированного, командно-центрированного и компетентностного подходов с новейшими управленческими технологиями, направленными на повышение социальной эффективности государственного управления. Однако часть проектов в области управления кадровыми процессами носит исключительно политический характер, они связаны с избирательными циклами либо имеют реактивный характер. В управленческой практике сохраняется явная недооценка кадрового состава государственной службы в качестве базового ресурса ее развития.

С одной стороны, в обществе артикулируется социальный запрос на изменение процесса «вхождения» во власть — для обеспечения его транспарентности и прозрачности, на повышение эффективности принимаемых решений, что напрямую связано с профессионализмом и компетентностью управленческих кадров. С другой стороны, практики и эксперты отмечают недостаточный уровень конкурентоспособности государственной службы, текучесть кадров, проблемы привлечения и удержания высокопрофессиональных кадров. На разных этапах развития российской государственности кадровый резерв выдвигался на первый план политической повестки дня и связывался с различными решаемыми задачами.

В настоящее время сформировано большое число кадровых резервов (в рамках государственной гражданской и муниципальной службы, организаций и т.д.; под патронатом Президента РФ, федеральный и региональный резервы управленческих кадров, муниципальные резервы, квази-резервы, формируемые по результатам конкурсов («Лидеры России», «Команда единомышленников», «Команда губернатора», «Команда Правительства», «Стратегия успеха» и др.)), молодежные резервы как в федеральных органах власти, так и на региональном и муниципальном уровнях («Молодежный резерв Прикамья», «Молодежный кадровый резерв Правительства Москвы», «Молодежный кадровый резерв системы образования города Москвы» и др.), кадровые резервы политических партий («Единая Россия», «Справедливая Россия», «КПСС», «ЛДПР» и др.).

Различные виды резервов практически не связаны между собой, отличаются принципами формирования и управления (субъектами, целями, источниками, категориями персонала и перечнем целевых должностей), несмотря на неоднократные попытки выработки единых подходов к формированию и использованию кадровых резервов. По-прежнему приходится констатировать высокий уровень субъективности в применении данной технологии, гипертрофированность функций — когда технология применяется для решения

несвойственных задач (как пиар-технология, возможность обойти сложные процессуальные требования конкурсного отбора, ввести в кадровый корпус «нужных» людей). Недостаточная структурированность резервов детерминирована также отсутствием научно-аналитического обоснования, определения потребностей в резерве, различиями в понимании целей и целевых должностей. Существенно разнятся требования, процедуры отбора резервистов, методы и технологии работы с ними. Несмотря на рост интереса к региональным конкурсам в региональный и/или молодежный резерв, ключевой проблемой остается дальнейшее сопровождение резервистов, управление их личностно-профессиональным развитием. В управленческой практике существует возможность нахождения кандидатов в различных видах резервов, что в условиях недостаточно эффективной работы с резервом приводит к тому, что резервистом данный факт не рассматривается как дополнительная возможность для профессиональной самореализации, а скорее воспринимается как очередная формальность.

Необходимость общих подходов в рамках реализации единой проактивной кадровой политики на государственной службе, научно-методического сопровождения процессов формирования и работы с резервами разного уровня, обеспечения системной работы, направленной на личностно-профессиональное развитие и раскрытия кадрового потенциала на протяжении последних лет находится в фокусе научного дискурса. В этой связи очевидна важность исследования практики формирования кадровых резервов, определения проблемных зон и возможностей формирования единого кадрового резерва как системы, которая бы обеспечила объективную взаимосвязь личностно-профессионального развития и карьерного роста и удовлетворяла интересы как резервиста, так и государственных органов.

Изменение подходов к определению кадрового резерва

Трактовка понятия кадрового резерва, целей и принципов его формирования, технологий работы с ним трансформируется как под влиянием политической повестки, так и в процессе многократных попыток инкорпорировать в управленческую среду зарубежные практики, опыт бизнес-организаций. Анализ подходов к определению сути и содержания кадрового резерва, с одной стороны, позволяет отразить его ключевые характеристики, а с другой — создает дополнительную возможность понимания, каким образом меняются акценты в управлении резервом. В определениях кадрового резерва внимание исследователей, как правило, фокусируется на целенаправленном формировании группы сотрудников по определенным критериям, связанным с оценкой их потенциала, личностных и профессиональных качеств, способностей к руководству, результативности деятельности. «Резерв создается для осуществления целенаправленной и непрерывной подготовки руководителей», «пред-

усматривает обеспечение надежной преемственности при замещении руководящих должностей», и «работа с кадровым резервом направлена, прежде всего, на совершенствование развития персонала, его профессионального роста и построения карьеры» [1]. Рассмотрение содержания категории «кадровый резерв» позволяет сделать вывод, что он рассматривается как управленческая технология в широком организационном контексте, как элемент управления персоналом организации, в контексте реализации кадровой стратегии и политики. Кроме того, планомерная работа с резервом способствует не только безболезненной смене поколений руководителей, но и балансу между сохранением традиций организации и привнесением инноваций.

Мы предлагаем рассматривать комплексную работу с кадровыми резервами как систему, состоящую из элементов — отдельных кадровых технологий, взаимосвязанных, но реализуемых посредством собственного набора методов: определение цели кадровой политики и кадровое планирование — связаны с обоснованием потребности в резерве, определении искомых характеристик кадрового резерва; формирование кадрового резерва на основе применения обоснованных методов отбора и оценки претендентов (кандидатов); управление профессиональным развитием кандидатов, в том числе посредством образовательных технологий и методов личностно-профессионального развития; карьерное планирование — определение карьерных траекторий и возможных альтернативных путей наиболее эффективного использования кандидатов из кадрового резерва; адаптация — организация наставничества, индивидуальное сопровождение резервистов, проведение стажировок и анализ результата адаптационных процессов; оценка эффективности кадрового резерва, в том числе анализ оснований исключения из резерва, результативности деятельности лиц, назначенных из кадрового резерва; анализ применения каждой технологий — чтобы оптимально выстроить работу с кадровым резервом и повысить эффективность кадровой работы при тиражировании успешных практик.

В зарубежных исследованиях кадровые резервы рассматриваются в контексте управления карьерой в масштабах организации или в отношении отдельных сотрудников [7; 8; 9; 10]. При этом основное внимание сосредоточено на анализе изменений организационной культуры и переосмыслении подходов к реализации кадровой стратегии и политики, управленческих технологий. Сегодня при формировании и управлении резервом в организациях, реализующих активную кадровую политику, акценты смещаются в область личностно-профессионального и карьерного развития. Традиционный подход к управлению резервом дополняется инновационными технологиями, ориентированными на обеспечение баланса между развитием личностного потенциала сотрудника и реше-

нием оперативных задач комплектования таких категорий персонала, как резервисты с высоким потенциалом (HiPo — high potential employees и/или DiPo — director potential employees) и талантливые сотрудники (talent pool). При таком подходе вводится многоступенчатая система оценки и индивидуализация треков личностно-профессионального развития, повышения субъектности и вовлеченности в процесс личностно-профессионального развития, управления преемственностью, лояльностью и карьерой.

Виды кадровых резервов в системе государственного управления

Система государственного управления постоянно находится в фокусе особого внимания: от того, насколько эффективны органы власти, во многом зависит стабильность общества. В условиях глокализации, одновременного сочетания разнонаправленных тенденций, меняется параметрика государственной службы как системы, формируется гибридное пространство, где политические, экономические и социокультурные аспекты развития становятся почти неразделимы. Вопросы кадрового резерва на государственной гражданской службе традиционно имеют политическую окраску, так как сопряжены с возможностью «попадания» во власть, продвижения по властной вертикали.

Анализ российской практики формирования кадровых резервов позволяет выделить два различающихся подхода. В самом общем виде сегодня можно выделить два основных вида резервов — государственной и муниципальной службы, а также резервы управленческих кадров (предназначены для замещения должностей не только в органах власти, но и в подведомственных учреждениях и организациях, в государственных корпорациях). Реформа государственного управления в начале 1990-х годов — первые годы XXI века включала в себя и реформу государственной службы. Уровневость модели российской государственной службы привела к появлению разных идей и практик формирования и использования кадровых резервов. Например, в органах власти применялись как подходы, ориентированные на формирование резервов исключительно из внутренних кадровых ресурсов, так и процедуры открытого набора резервистов.

В Федеральном законе «О системе государственной службы Российской Федерации» установлены виды резервов, но перечисленные в статьях 11 и 17 виды не образуют единую систему. В законе о гражданской службе определяется порядок и субъекты формирования кадровых резервов именно для этого вида службы. Реестры должностей гражданской и муниципальной службы определяют границы кадровых резервов. В практике государственных органов сложилось восприятие кадрового резерва как набора (пула) лиц, в перспективе способных к руководящей деятельности и обладающих необходимым набором

ром профессиональных качеств. Эксперты же неоднократно заявляли о недостаточности такого подхода и необходимости рассмотрения кадрового резерва в качестве комплексной кадровой технологии, применение которой способствует решению задач развития гражданской службы и органов власти (1). Анонсированный в законе и в сменяющихся друг друга программах развития гражданской службы принцип системности пока на практике не реализован полностью, что влияет и на формирование и применение кадровых резервов в органах власти.

Эффективность кадровых резервов на государственной гражданской службе

Цель кадровых резервов на гражданской службе — создание социальной ресурсной базы для обеспечения эффективной деятельности органов государственной власти, способных к институциональному развитию и решению задач повышения качества жизни населения, и для минимизации дискретности управления. Особенности восприятия институтов власти и происходящих в органах управления преобразований влияют на оценку эффективности кадровых резервов и зачастую становятся ограничениями для принятия персональных решений об участии в резервах.

Для изучения мнения субъектов, участвующих в управлении кадровыми резервами на гражданской службе, были проведены полуструктурированные интервью, направленные на оценку эффективности резервов как кадровых технологий и выяснение отношения к созданию единого кадрового резерва. В интервью приняли участие руководители структурных подразделений органов исполнительной власти, представители кадровых служб федеральных органов исполнительной власти (Митруд, Росреестр, ФАС, Ростехнадзор, Минпромторг, Росстат, Минцифры, Казначейство, Минобрнауки). Исследование проводилось в апреле-мае 2020 года, было опрошено 56 государственных служащих.

Задачи интервью: выявление целей и задач формирования и использования кадрового резерва; сравнение восприятия технологии кадрового резерва разными субъектами управления; анализ применения методов формирования кадрового резерва и практик его использования, в том числе выявление взаимосвязи с другими кадровыми технологиями органов власти; изучение применяемых критериев оценки эффективности кадрового резерва, сложностей и ограничений в реализации кадровой технологии.

Можно назвать традиционной поляризацию мнений исследователей в отношении кадрового резерва на гражданской службе (2). Аналогичная картина наблюдается и в ответах респондентов — гражданских служащих. Наиболее популярными оказались трактовки кадрового резерва как способа реализации требований законодательства и инструмента кадровой политики (Рис. 1). Гражданские служащие считают, что уже накоплен опыт формиро-

вания кадровых резервов как в государственных органах, так и в иных организациях — в отношении резервов управленческих кадров (Рис. 2), и основные проблемы здесь — востребованность резервов и рациональность их применения. Возросла роль кадрового резерва в решении задач развития организации, что выражается в привлечении и удержании наиболее перспективных сотрудников, формировании команд единомышленников, применении решений, способствующих раскрытию кадрового потенциала. Существенные проблемы, связанные с формированием и использованием кадрового резерва, связаны с престижностью гражданской службы как профессиональной сферы — ее оценка с позиций профессиональной самореализации, удовлетворенности содержанием, характером и условиями деятельности влияет на текучесть кадров.

Конкурсы по формированию кадрового резерва зачастую используются вместо конкурсов на замещение вакантной должности гражданской службы, т.к. в значительной степени «развязывают руки» при подборе нужных кадров

Кадровый резерв является современной кадровой технологией, позволяющей решать комплекс кадровых задач: эффективный подбор кадров, управление карьерой, работа с талантами, подготовка наиболее перспективных кадров и др.

Кадровый резерв формируется в соответствии с требованиями 79 ФЗ, это требование законодательства и в этом основной смысл его формирования

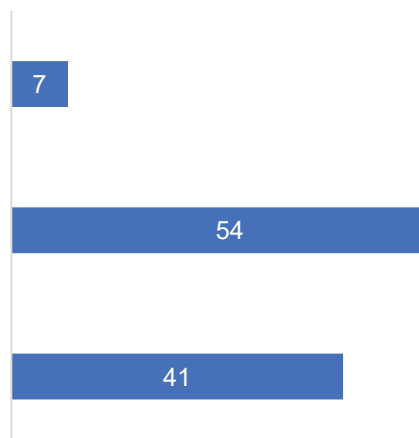

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос о цели кадрового резерва на гражданской службе (в %)

Опыт есть, но он требует пересмотра и переработки

Реализуются отдельные элементы, нет целостной системы

Привычная, устоявшаяся технология, успешно реализуемая

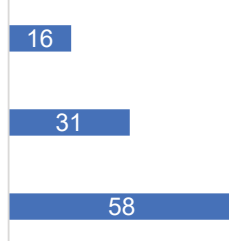

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос об опыте формирования резерва (в %)

Как свидетельствуют данные Министерства труда и социальной защиты, в центральных аппаратах федеральных органов исполнительной власти в 2019 году средний уровень текучести кадров составлял 18 %, при этом в 19 федеральных органах средний уровень текучести кадров за три года (2017–2019) превышал 20 %, в 7 из них — 30 % [2]. В территориальных органах

федеральных органов исполнительной власти в 2019 году средний уровень текучести кадров составил 21 %, но в субъектах РФ данный показатель значительно дифференцирован, колеблется в диапазоне от 4,5 % до 37 % [2]. Гражданские служащие отмечали в интервью, что высокий уровень текучести кадров отрицательно влияет на *«обеспечение преемственности на гражданской службе»*, препятствует созданию *«единого коммуникативного пространства»*, *«эффективного кадрового состава единомышленников»*. В условиях кадровой нестабильности *«применяемые кадровые технологии характеризуются высокой долей формализма»*. Среди недостатков существующих практик отмечается отсутствие системности при формировании кадрового состава государственных органов, сосредоточение усилий на изменениях структуры и перераспределении функционала, архаичное восприятие качеств, которыми должен обладать профессионал — гражданский служащий.

На региональном уровне складывалась собственная практика формирования и применения кадровых резервов на гражданской службе. В инициативном порядке, помимо предусмотренных федеральным законодательством кадровых резервов, создавались, например, молодежные резервы, проводились конкурсы в логике *«Лидеров России»*. Отсутствие взаимосвязи, интегрированности кадровых резервов регионального и федерального уровней также является проблемой. В то же время, отмечая различия в целях и задачах конкурсов, служащие посчитали нецелесообразным (78 %) зачисление участников конкурса *«Лидеры России»* в управленческие кадровые резервы. Сомнения связаны с различиями в методологии оценки и отбора — *«для зачисления в резерв управленческих кадров региона необходимо пройти дополнительную оценку по технологии, принятой в регионе»* — и с целями конкурса: *«большой вопрос, кого и для чего отбирают»*.

Проведение открытых конкурсов четверть респондентов (26 %) рассматривают как обязательное условие эффективности кадровых резервов. По мнению экспертов, ее снижает ряд причин: недостаточная определенность статуса резервиста и их невовлечение в практику управления; существенные различия в методологии и методах оценки, их несопоставимость в разных органах власти; отсутствие взаимосвязи с другими кадровыми технологиями и с карьерным ростом; размытость границ и предназначений разных видов резервов. Государственные органы обладают отличающимися ресурсами и возможностями оценки, что повлияло и на мнения респондентов о том, какие задачи оптимально решать централизованно — это подготовка специалистов по оценке кадров, разработка и применение единого алгоритма оценочных мероприятий, а также разработка единого оценочного инструментария.

Практика управления свидетельствует о достаточно высокой востребованности кадрового резерва как технологии в бизнес-организациях и в государственном секторе. Ориентация на поиск и удержание талантов становится одним из ключевых трендов в реализации кадровой стратегии в организационном контексте. Вместе с тем необходимо отметить, что действенность

и практическая полезность данной технологии для работодателя (представителя нанимателя в терминологии гражданской службы) и резервистов во многом связаны с возможностями ее применения для решения разных задач в условиях неопределенности, наличием устойчивой связи с другими процессами в рамках единого кадрового цикла (например, с формированием треков личностно-профессионального и карьерного развития).

Различные принципы, лежащие в основе формирования резерва, разные входы, критерии оценки и практики работы с резервистами не позволяют оптимально использовать уже имеющийся потенциал. Отсюда идея создания Единого кадрового резерва — выработка единой концептуальной и методологической основы при обеспечении различных «входов» в резерв, что в дальнейшем обеспечит моделирование индивидуальных треков личностно-профессионального развития, позволит проектировать траектории мобильности внутри многоуровневого резерва в системах управления для всех секторов (государственной сферы, бизнеса, некоммерческого сектора).

В условиях радикальных стремительных трансформаций, сочетания разнонаправленных тенденций (глобальные тренды и локализация, массовизация наряду с повышением уникальных запросов и т.д.) базовые принципы взаимодействия «перепредмечиваются» и наполняются новым содержанием. Формат сетевого взаимодействия способствует более адекватному ответу на новые вызовы меняющейся реальности — традиционные вертикальные субъект-объектные отношения трансформируются в горизонтальные, система взаимодействия выступает как связанно-диверсифицированная. Наряду со сбалансированностью целей и интересов в процессе формирования резерва внимание смещается в сторону повышения уровня субъектности резервистов, рефлексивности и осознанности личностно-профессионального, карьерного развития [5; 6].

Результаты исследований подтверждают сохранение традиционных для кадровой политики органов власти проблемных зон, связанных с консервативностью подходов, несистемностью и зачастую непоследовательностью внедрения инноваций в кадровых технологиях. Кроме того, в рамках существующей организационной культуры инициативность в области карьерной мобильности ограничена и воспринимается скорее как «нарушение табу». Традиционно процесс управления карьерой рассматривается исключительно сквозь призму должностных перемещений, которые во многом ситуативны. Данные факторы во многом способствуют снижению мотивации и профессиональному выгоранию, обостряют проблемы самореализации и предопределяют высокий уровень карьерного аутсайдерства в профессиональной среде гражданских служащих.

Представители федерального управленческого резерва в 2020 году связывали свои карьерные перспективы с должностным ростом: 94 % подчеркнули высокую готовность к продвижению вверх по должностной иерархии (выборка составила 170 человек, из них 110 — резервисты базового и перспективного уровня, 60 — участники высшего резерва управленческих ка-

дров). Большинство ориентированы на федеральный уровень и свои карьерные перспективы связывают с замещением должностей государственной гражданской службы на федеральном уровне (3). Ожидания представителей региональных резервов отличаются, что во многом связано с региональной спецификой системы управления, где карьерные перспективы связаны с вхождением в команду первого лица региона, с возможностью карьерного подъема на федеральный уровень управления, а также с новыми горизонтами профессионального развития.

В 2021 году по результатам личностно-профессиональной диагностики (на выборке в 56 человек) готовность к личностно-профессиональному росту, обучению и саморазвитию, ориентация на профессиональное и личное совершенствование, способность эффективно действовать в условиях изменений составили у резервистов в среднем 5,7 (по десятибалльной шкале), а мотивация к достижению результатов высокого уровня и качества — 6,3 (4). Данные показатели свидетельствуют о том, что наблюдается снижение уровня притязаний и ожиданий резервистов, во многом обусловленное реальной востребованностью кадрового резерва. Низкая востребованность и отсутствие возможностей для профессиональной реализации управленческого потенциала в разных видах активности и масштабных проектах искажает саму идею кадрового резерва.

Сложность и многоуровневость системы кадровых резервов во многом определяют актуальность общего методологического подхода — концептуального оформления модели единого многоуровневого кадрового резерва системы государственного управления. Государство должно выступать основным заказчиком и субъектом управления кадровыми резервами, определяющим его концептуальные, методологические и правовые основы. Представляется рациональной разработка гибких стратегий в отношении кадрового резерва, учитывающих разнообразие источников их формирования и социокультурные особенности. Помимо территориального принципа формирования кадрового резерва, важно создавать условия и для профессионально-отраслевого принципа.

Условия неопределенности ограничивают применение линейных прогнозов в кадровой политике, делают недавно актуальные подходы в управлении недостаточными [4], что, в частности, касается и компетентностного подхода: «сумма компетенций не может заменить собой личность профессионала, равно как инструментальное не может встать на место системного... Быть носителем арсенала компетенций и порождать смыслы — это совершенно разные модусы профессионального бытия» [3]. Контекстный подход к оценке ресурсов профессионала повышает значимость субъектности в принятии и реализации управленческих решений [5; 6].

На наш взгляд, возможен следующий алгоритм формирования и использования единого кадрового резерва: диагностика перспектив и ограничений интеграции кадровых резервов в единую систему; создание организационно-технологической и информационно-коммуникативной инфраструктуры; развитие организационных, правовых, финансовых, информационных и коммуникационных механизмов (включая такие доступные ресурсы вне административной среды, как институт образования, бизнес и т.д.); сотрудничество участников рекрутинга кадров для сферы государственного управления (уполномоченных ключевых субъектов управления, наделенных соответствующими полномочиями, и самих участников); разработка и апробация научно обоснованной модели единого многоуровневого кадрового резерва, позволяющей решать задачи поиска, привлечения и развития персонала как для государственных и муниципальных служб, так и для множества подведомственных организаций.

Примечания

- (1) См.: *Петров С.В., Графова А.С.* Оптимизация формирования кадрового резерва в государственной гражданской службе // *Экономика: вчера, сегодня, завтра.* 2017. Т. 7. № 4; *Яковлев А.Я.* Кадровый резерв как элемент системы работы с персоналом: Дис. к.э.н. М., 2006; *Резерв кадров: планирование, отбор, развитие и оценка / Под общ. ред. А.А. Дульзона.* Томск, 2009; *Шебураков И.Б.* Резервы управленческих кадров в Российской Федерации как инструмент развития кадрового состава сферы государственного управления // *Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление.* 2019. № 2.
- (2) См.: *Повышение эффективности формирования и развития кадровых резервов на основе учета психобиографических факторов управленческой успешности / Исполн. Е.В. Селезнева, Ю.В. Синягин, Е.Г. Чирковская.* М., 2019; *Разработка модели единого многоуровневого кадрового резерва системы государственного управления / Исполн. Ю.В. Синягин, И.Б. Шебураков, О.Н. Шебуракова, Л.Н. Татарина, З.М. Гояева.* М., 2020; *Возможности повышения эффективности реализации государственной кадровой политики на основе использования унифицированных процедур личностно-профессиональной диагностики и оценки в системе государственной гражданской службы Российской Федерации / Исполн.: Ю.В. Синягин, И.Б. Шебураков, О.Н. Шебуракова, Л.Н. Татарина, З.М. Гояева.* М., 2021.
- (3) См.: *Результаты личностно-профессиональной диагностики участников федерального резерва управленческих кадров, М., 2020: методология диагностики, проводимой факультетом оценки и развития управленческих кадров ВШГУ РАНХиГС, основана на ресурсном подходе и арсенале современных технологий, обогащенном авторскими разработками. Цель диагностики — получение объективной информации о личностно-профессиональных и управленческих ресурсах государственных гражданских служащих, их готовности к замещению управленческих должностей и потенциале развития этой готовности.*
- (4) См.: *Результаты личностно-профессиональной диагностики участников высшего уровня федерального резерва управленческих кадров.* М., 2021.

Библиографический список

1. *Налимов Р.Ю.* Структура управления кадровым резервом государственных органов Российской Федерации // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки.* 2019. № 1.

2. Доклад о состоянии государственной гражданской службы Российской Федерации за 2019 год. М., 2019.
3. Нелюбин Н.И. Компетентностный подход: фонтанирующая полисемия на фоне методологической недостаточности // Ценности и смыслы. 2014. № 5.
4. Раренко А.А. «Управление персоналом» и «Управление человеческими ресурсами»: к вопросу о терминологии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2019. № 2.
5. Синягин Ю.В., Синягина Н.Ю., Баркова Ю.К. Управление личностно-профессиональным развитием и карьерным ростом: технологии оценки и мотивации // Образование личности. 2018. № 2.
6. Sinyagin Yu. V. The components of managerial alacrity of government executives // European Research Studies Journal. 2018. Vol. XXI. No. 1.
7. Boštjančič E., Slana Z. The role of talent management comparing medium-sized and large companies — major challenges in attracting and retaining talented employees // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. September.
8. Kotlyar I. Identifying high potentials early: case study // Journal of Management Development. 2018. Vol. 37. No. 9–10.
9. Rodrigues R., Guest D.E., Budjanovcanin A. Bounded or boundaryless? An empirical investigation of career boundaries and boundary crossing // Work, Employment and Society. 2016. Vol. 30. No. 4.
10. Torenvlied R., Akkerman A., Meier K.J., O'Toole L.J.Jr. The multiple dimensions of managerial networking // American Review of Public Administration. 2013. Vol. 43. No. 3.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-324-336

Analysis of the use of personnel reserves in the public administration system*

E.V. Maslennikova^{1,2}, I.B. Sheburakov², L.N. Tatarinova²

¹State University of Management

Ryazansky Prospekt, 99, Moscow, 109542, Russia

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Prospekt Vernadskogo, 82, Moscow, 1119571, Russia

(e-mail: ev_maslennikova@guu.ru; sheburakov-ib@ranepa.ru; tatarinova-ln@ranepa.ru)

Abstract. The article considers approaches to the formation and use of personnel reserves in public administration and options for their development under the new social challenges. Based on a generalization of approaches to the formation of personnel reserves, the authors conduct a comparative analysis of management practices and sociological research, and identify conditions and factors influencing the effectiveness of the use of personnel reserves. The existing approaches to the formation and management of personnel reserves (normative, deficit, competence-based) do not allow an adequate response to the new challenges of the changing social environment, which explains the request for a new integrative model and principles of work with personnel reserves. The authors' conclusions are based on the results of the sociological study focused on the perception of personnel reserves and their purposes by the subjects of management: the meaning and factors of the efficiency of personnel reserves among other personnel technologies. The study was conducted in the second quarter of 2020, and 56 civil servants were interviewed — heads of structural divisions and employees of personnel

*© E.V. Maslennikova, I.B. Sheburakov, L.N. Tatarinova, 2022

The article was submitted on 06.12.2021. The article was accepted on 07.04.2022.

services. The authors identified a shift in the perception of the reserve — from the ‘bench’ to the ‘development resource’, but the staff turnover typical for federal bodies has a negative impact. The lack of interconnections between different types of personnel reserves was named by the respondents as one of key challenges. The 2020–2021 studies focused on reservists’ assessments of their career prospects. The article explains the need for a unified system of managerial personnel reserves, which can increase the efficiency of personnel decisions in the public administration system. In this system, the key elements are the level of managerial readiness and the integrity of personal-professional development. Within the proposed approach, the personnel reserve is an ecosystem based on the capabilities of platform solutions, developed on a common methodological basis and having a network topology.

Key words: public administration system; personnel policy; personnel reserve; managerial success; managerial potential; complex resource analysis

References

1. Nalimov R.Yu. Struktura upravleniya kadrovym rezervom gosudarstvennyh organov Rossijskoj Federatsii [Structure of the personnel reserves’ management in the state bodies of the Russian Federation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie Nauki*. 2019; 1. (In Russ.).
2. Doklad o sostoyanii gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby Rossijskoj Federatsii za 2019 god [Report on the Condition of the State Civil Service of the Russian Federation in 2019]. Moscow; 2019. (In Russ.).
3. Nelyubin N.I. Kompetentnostny podkhod: fontaniruyushchaya polisemiya na fone metodologicheskoy nedostatochnosti [Competence approach: A gushing polysemy under the methodological insufficiency]. *Tsennosti i Smysly*. 2014; 5. (In Russ.).
4. Rarenko A.A. “Upravlenie personalom” i “Upravlenie chelovecheskimi resursami”: k voprosu o terminologii [“Personnel management” and “Human resources management”: On the terminology]. *Sotsialnye i Gumanitarnye Nauki. Otechestvennaya i Zarubezhnaya Literatura. Seriya 11: Sotsiologiya*. 2019; 2. (In Russ.).
5. Sinyagin Yu.V., Sinyagina N.Yu., Barkova Yu.K. Upravlenie lichnostno-professionalnym razvitiem i kariernym rostom: tekhnologii otsenki i motivatsii [Management of the personal-professional development and career growth: Assessment and motivation technologies]. *Obrazovanie Lichnosti*. 2018; 2. (In Russ.).
6. Sinyagin Yu.V. The components of managerial alacrity of government executives. *European Research Studies Journal*. 2018; XXI (1).
7. Boštjančič E., Slana Z. The role of talent management comparing medium-sized and large companies — major challenges in attracting and retaining talented employees. *Frontiers in Psychology*. 2018; 9 (September).
8. Kotlyar I. Identifying high potentials early: case study. *Journal of Management Development*. 2018; 37 (9–10).
9. Rodrigues R., Guest D.E., Budjanovcanin A. Bounded or boundaryless? An empirical investigation of career boundaries and boundary crossing. *Work, Employment and Society*. 2016; 30 (4).
10. Torenvlied R., Akkerman A., Meier K.J., O’Toole L.J.Jr. The multiple dimensions of managerial networking. *American Review of Public Administration*. 2013; 43 (3).

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-337-351

Перспективы продвижения российских вузов в международном академическом рейтинге ARWU*

Ю.Н. Эбзеева, Л.Н. Гишкаева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: ebzeeva_yun@pfur.ru; gishkaeva_ln@pfur.ru)

Аннотация. Статья посвящена методологии оценки учреждений высшего образования и перспективам их продвижения в системе рейтингов Academic Ranking of World Universities (ARWU). Актуальность исследования обусловлена новейшими тенденциями развития высшего образования в России и в мире — важным параметром оценки вузов становится их участие в международных системах рейтингов. Системы рейтингования дают возможность оценить весь объем аналитической информации по заявленным критериям в одном источнике, а также конкурентность заявленных данных по сравнению с иными организациями в конкретной области. Часто потенциальный абитуриент сталкивается со сложностями в сборе и оценке информации о вузе, который его интересует, поскольку образовательные организации могут умалчивать о своих слабых сторонах, не предоставлять всю информацию в открытом виде или публиковать сведения в разных источниках, которые не всегда легко найти стороннему, не принадлежащему к сообществу вуза человеку. Цель статьи — выявление и систематизация особенностей методологии оценки вузов в системе рейтингов ARWU, а также ее применение к субъектам российского высшего образования. В работе были использованы методы контент-анализа и сравнительно-сопоставительного анализа. Результатом стало выявление специфики рейтингования вузов в ARWU согласно заявленным экспертами критериям, а также оценка критики данной рейтинговой системы. Выявлены и проанализированы как позитивные, так и негативные тенденции развития методологии международного рейтинга ARWU. Разобрана система предметных рейтингов ARWU, проведен сравнительный анализ их методологии. Рассмотрены результаты рейтинга ARWU за 2021 год и участие в нем российских вузов — их перспективы и сложности.

Ключевые слова: Academic Ranking of World Universities (ARWU); методология; академический рейтинг; российские университеты; образовательная политика; образовательные технологии

В последние годы рейтинги стали важным атрибутом глобального рынка образовательных услуг. И хотя ни один из них не может предложить объек-

* © Эбзеева Ю.Н., Гишкаева Л.Н., 2022.

Статья поступила 18.11.2021 г. Статья принята к публикации 23.03.2022 г.

тивной картины, нельзя не согласиться с тем, что этот инструмент сегодня формирует академическую реальность. Ученые и руководители в сфере образования проявляют большой интерес к системе рейтингов, поскольку методика измерения оказывает огромное влияние на результат, а он, в свою очередь, может определять благополучие университетов, распределение ресурсов, качество абитуриентов и т.д. [2].

Интерес к разработке методологии международных рейтингов университетов возрастает во всем мире, так как нет единой системы рейтингования. Методология мирового рейтинга постоянно совершенствуется — разные методики и индикаторы достижений стали неотъемлемым элементом глобальных рейтингов университетов. Научная деятельность и разработка новых технологий становятся все более важным направлением в работе вузов, в том числе в России. В то же время методология построения мировых рейтингов университетов постоянно подвержена критике из-за возможных смещений и отчасти реальных слабостей методологии рейтингов.

Методология академического рейтинга ARWU

Академический рейтинг мировых университетов ARWU, который часто называют «Шанхайский рейтинг», составляется Шанхайским университетом Цзяо Тун ежегодно с 2003 года [1]. С 2009 года ARWU ежегодно публикуется и охраняется авторским правом Shanghai Ranking Consultancy — организацией, специализирующейся на рейтинговании и аудиторской оценке вузов, которая юридически не подчиняется никаким образовательным или государственным учреждениям. В 2011 году для расширения методологии был создан международный совет из ученых и исследователей — видных представителей разных предметных областей. Сегодня ежегодно публикуются глобальные рейтинговые таблицы вузов в целом и по отдельным предметным областям, а также независимые региональные рейтинги для Китая и глобального мирового пространства [1].

ARWU получил положительные отзывы за объективность и методологию, но вызывает широкую критику со стороны академического сообщества за тенденцию оценивать крупные образовательные учреждения в ущерб небольшим образовательным организациям [2]. В настоящее время ARWU учитывает более 2000 мировых университетов, но публикует результаты лучшей тысячи вузов. Изначальной целью рейтинга считалось сокращение разрыва между китайскими вузами и университетами мирового класса, в частности, с точки зрения академической и научно-исследовательской деятельности. Очень рейтинг быстро привлек внимание широкой академической общественности, и теперь его результаты публикуются на сайтах университетов и считаются показателем престижа вуза.

Методология оценки ARWU строится на 4 основных показателях: качество образовательного учреждения, качество выпускающих структурных подразделений (факультетов), результаты научно-исследовательской деятельности и академические достижения (Табл. 1).

Таблица 1

Методология оценки ARWU

Критерий	Индикатор	Код	Вес	Источник	Источники
Качество образования	Выпускники, получившие Нобелевскую премию или медаль Филдса	Alumni	10 %	Сайт Нобелевских лауреатов и медалистов Филдса	http://www.nobelprize.org/ http://www.mathunion.org/
Качество научного состава	Сотрудники, получившие Нобелевскую премию или медаль Филдса	Award	20 %	Сайт Нобелевских лауреатов и медалистов Филдса	http://www.nobelprize.org/ http://www.mathunion.org/
	Высокоцитируемые исследователи	HiCi	20 %	Web of Science	https://clarivate.com/hcr/
Результаты исследований	Количество статей в журналах «Nature» и «Science»	N&S	20 %	Индекс цитирования	http://www.webofscience.com/
	Количество статей, проиндексированных в Science Citation Index-Expanded (SCIE) и Social Science Citation Index (SSCI)	PUB	20 %	Индекс цитирования	http://www.webofscience.com/
Общий показатель	Академические достижения учебного заведения	PCP	10 %	–	Разные источники (министерства образования, бюро статистики и т.д.)

Каждый показатель имеет внутреннее ранжирование по баллам каждого критерия, что значительно усложняет систему расчетов. Так, критерий Alumni считает выпускниками вуза студентов, закончивших основную или совместную программу бакалавриата, магистратуры, аспирантуры или докторантуры и получивших соответствующую степень (в случае неудовлетворительной сдачи экзаменов диплом может выдаваться без присвоения степени, и такие студенты не считаются выпускниками). Стоимость баллов для выпускников 2011–2021 года составляет 100 %, выпускников 2001–2010 — 90 %, 1991–2000 — 80 %, а для получивших степень ранее — 10 % совокупно. Во избежание задвоения статистической информации выпускник считается закончившим вуз только один раз — по наивысшей освоенной ступени образования.

Критерий Award использует аналогичную систему оценки применительно к сотрудникам. Так, общее количество сотрудников вуза делится на количество сотрудников, получивших Нобелевскую премию или Медаль Филдса в той же пропорции, что и для учащихся: для получивших награду в 2011–2021 годах она составляет 100 %, в 2001–2010 — 90 %, 1991–2000 — 80 %, ранее — 10 % совокупно. Здесь не действует правило, распространяющееся на выпускников — награды засчитываются для учебного заведения столько раз, сколько сотрудник оказывался лауреатом. Если сотрудник аффилирован более чем с одним университетом, баллы присваиваются каждому учебному заведению. Если сотрудник получил награду в составе научного коллектива, количество присваиваемых баллов зависит от его доли участия.

Критерий HiCi зависит от публикуемых иным рейтинговым агентством (Thomson Reuters) списков цитирований мировых ученых. При этом список обновляется достаточно редко: первый вышел в 2001 году, второй — в 2014, выход третьего запланирован на 2025 год. ARWU учитывает данные обоих списков в равной степени. Несмотря на это, критерий HiCi — самый сложный для выполнения не только российскими, но и мировыми вузами, особенно «молодыми». Первый список содержит около 6000 имен исследователей, тогда как второй — всего 3000, повторяя многие имена из списка 2001 года.

Для критерия N&S также принято рассчитывать внутреннее распределение баллов. Помимо того, что в критерии учитываются только публикации типа «Article» (статья), количество баллов по данному критерию зависит от количества соавторов и их аффилиаций. Так, если у статьи только один автор, то вуз получает 100 % баллов, если же у статьи несколько соавторов, то расчет идет по схеме: 50 % для вуза, с которым аффилирован первый автор, 50 % — для второго автора, если он прикреплен к тому же вузу, 25 % — если он аффилирован с другим вузом, и 10 % — для остальных соавторов с любыми аффилиациями.

По критерию PUB требования не столь строги, и каждый соавтор получает равный полный балл за публикацию, но для уравнивания показателей технических и гуманитарных вузов, каждая статья, проиндексированная в SSCI, считается за 2.

Критерий PCP также иногда представляет сложность для вузов постсоветского пространства, в частности российских. Основной категорией оценки выступает средневзвешенный показатель по всем предыдущим пунктам, разделенный на количество сотрудников профессорско-преподавательского состава, работающих на полную ставку. При этом не учитывается реальное количество преподавателей, в том числе приглашенных лекторов, совместителей и педагогов дополнительного или послевузовского образования, а также сотрудников, работающих на неполную ставку.

Таким образом, можно говорить о следующей специфике методологии ARWU: рейтинговая оценка зависит от наличия лауреатов всемирных премий в преподавательском составе или в числе выпускников; она в большей степени рассчитана на вузы, занимающиеся естественными и физико-математическими науками, и на крупные университеты, в штате которых есть ученые, получившие мировое признание; при ранжировании вузов гуманитарно-социальной направленности баллы не могут быть адекватно распределены за счет ориентации оценочных индикаторов на достижения в области естественных и физико-математических наук. Авторы рейтинга отмечают, что при распределении данных каждого индикатора учитывали значимые смещения, и в «случае необходимости для корректировки индикаторов использовали стандартные статистические техники» [13], однако саму методику учета смещений не публикуют.

Сравнительная методология рейтинга ARWU

Несомненно, рейтинги обеспечивают администрацию вузов и правительственных чиновников четкой и адекватной картиной качества высшего образования. Тем не менее, важны не только на рейтинги, но и имидж университета, не закрепленный в мировых рейтингах. К тому же в ранжировании вузов учитываются факторы, которые не влияют на уровень подготовки выпускников, например, количество выпускников-лауреатов Нобелевской премии за всю историю вуза. Кроме того, мировые вузы участвуют в конкурентной борьбе не только за абитуриентов, но и за дополнительное финансирование — наука и образование становятся предметом экономического обмена [1].

Итак, принципы построения мировых рейтингов университетов не лишены недостатков, начиная с первой публикации Шанхайского рейтинга в 2003 году. Критика касается, в первую очередь, трех аспектов методологии: выбора индикаторов качества университетов; качества сбора данных по ним; выбора способа агрегирования данных.

Индикаторы качества. Следует понимать, что рейтинг связан с исследовательской работой университетов, и «даже для этого единственного параметра занимает очень радикальную позицию» [12]. В частности, в рейтинге ARWU отсутствуют критерии, характеризующие процесс обучения, качество преподавания и успеваемость студентов, кроме последующего присуждения Нобелевской или Филдсовской премии. Используются только библиометрические данные без учета репутационных характеристик, которые могут быть получены посредством опроса представителей академического сообщества [13]. Более эффективным способом отразить качество университета является использование показателей,

которые отражают «выходные» характеристики студентов (результаты их учебы) по критериям, наиболее значимым в конкретном социальном контексте, — они характеризуют человеческий капитал (по Г. Беккеру), сформировавшийся в результате деятельности университета. Если речь идет о рейтингах для страны, то критерии должны отражать «выходные» качества студентов, наиболее ценные в данной стране; если речь идет о мировых рейтингах, то следует использовать некие универсальные критерии. Проблематично и включение в рейтинг получения сотрудниками Нобелевской премии или медали Филдса, так как награда засчитывается университету, где ученые работали на момент ее получения, а не в момент совершения открытия. Существует и проблема усреднения — разные подразделения университета могут демонстрировать разные уровни качества исследовательских работ [14].

Индекс цитирования хорошо работает для естественных наук и математики, гораздо хуже — для инженерии, социальных и гуманитарных дисциплин, что связано с разной ролью статей в разных областях науки. Данный факт дал основание Т. Бейтсу утверждать, что глобальные рейтинги университетов основаны на некоем мошенничестве: абитуриенты и их родители, пользующиеся такими рейтингами, наверняка будут разочарованы [13]. По его мнению, рейтинги создают замкнутый круг: вузы все больше инвестируют в исследования, чтобы повысить свой рейтинг, и тем самым надувается «исследовательский пузырь», который может и не отражать качества образования. Есть основания полагать, что весовые коэффициенты исследовательской деятельности несколько завышены и требуют дополнительного изучения [4].

Способы агрегирования. Согласно концепции многокритериального принятия решений, веса показателей не должны интерпретироваться как отражающие «важность критерия» — они связаны с нормализацией критериев и их необходимо пересчитывать, если что-то меняется в процессе нормализации. Рейтинг не должен служить основанием для принятия решений ни студентами и их родителями, ни управляющими структурами, поскольку имеет такие недостатки, как [11]: *нерациональная периодичность исследований* — показатели рейтинга (связанные с исследованиями передового уровня) не могут сильно измениться за год, поэтому изменения рейтинга связаны скорее со случайными флуктуациями, чем реальными изменениями в университетах. В то же время руководители, принимающие решения, считают изменения рейтинга реальными. Усугубляют ситуацию существенные изменения методологии рейтинга от года к году. Разработчики рейтинга используют для разных показателей разные периоды времени без обоснований: сто лет для Alumni и Award, 20 — для NiCi, 5 — для N&S, и 1 год — для PUB. Кроме того, проанализировав результаты рейтинга за все время его существования, можно убедиться

в том, что лидирующие позиции занимают *англоязычные* вузы. Данная тенденция поддерживается давно сформировавшейся системой научного цитирования: на Западе имеется пул журналов, публикации в которых учитываются при рейтинговании. Кроме того, существует негативная практика, когда авторы этих журналов ссылаются друг на друга. Статьи в некоторых национальных журналах могут не уступать по уровню англоязычным работам, но остаются за рамками систем цитирования. Иными словами, на повестку дня выносится проблема языковой либерализации глобальных рейтингов университетов, хотя это отчасти справедливое требование представляется нереалистичным и вряд ли может изменить сложившуюся иерархию университетов.

Предметный рейтинг ARWU

Помимо общеуниверситетского рейтинга, в системе оценки ARWU существуют предметные рейтинги (предметные области и специализации), методология оценки которых не отличается от общей методологии — только составом вузов. Предметные рейтинги составляются по 5 расширенным предметным областям: естественные науки и математика (SCI); инженерия/технологии и компьютерные науки (ENG); биологические науки (LIFE); клиническая медицина и фармацевтика (МЭД); социальные науки (SOC). Причем не все специальности были проранжированы в предметных рейтингах ARWU. Например, Arts & Humanities (искусство и гуманитарные науки) не участвуют в рейтинге по причине технических трудностей сопоставления результатов данной отрасли с естественно-научным и техническими направлениями. Также в рейтинге не входит Psychology & Psychiatry (психология и психиатрия) — в связи с многопрофильными характеристиками специальностей, которые сложно оценивать их в рамках одной отрасли. Также для предметных рейтингов характерна дивесифицированная система оценки: некоторые категории неприменимы для ряда отраслей, а для других вводятся дополнительные критерии (Табл. 2).

По каждому показателю учебному заведению, получившему наивысший балл, присваивается 100 баллов, а другим учреждениям — процент от наивысшего балла. Распределение данных по каждому показателю проверяется на наличие любого значительного искажающего эффекта, при необходимости используются стандартные статистические методы для корректировки показателя. Баллы по каждому показателю взвешиваются, чтобы получить окончательный общий балл для учреждения. Вузу, получившему наивысший балл, присваивается 100 баллов, а другим учреждениям — процент от наивысшего общего балла. Затем баллы располагаются в порядке убывания — получается субъектно-зависимая прогрессивная шкала ранжирования, где показатели сдвигаются в зависимости от учреждений, получивших наивысшую оценку (6).

Таблица 2

Оценка предметных областей и направлений ARWU

Код	Вес	SCI	ENG	LIFE	MED	SOC
Alumni	10 %	Выпускники, получившие медали Филдса по математике и Нобелевские премии по химии и физике с 1961 года	Неприменимо	Выпускники, получившего Нобелевские премии по физиологии и медицине с 1961 года	Выпускники, получившего Нобелевские премии по физиологии и медицине с 1961 года	Выпускники, получившего Нобелевские премии по экономике с 1961 года
Award	15 %	Сотрудники учреждения, получившего с 1971 года медали Филдса и Нобелевские премии по химии и физике	Неприменимо	Сотрудники учреждения, получившего Нобелевские премии по физиологии и медицине с 1971 года	Сотрудники учреждения, получившего Нобелевские премии по физиологии и медицине с 1971 года	Сотрудники учреждения, получившего Нобелевские премии по экономике с 1971 года
HCi	25 %	Высоко цитируемые исследователи в 5 категориях: <ul style="list-style-type: none"> • Математика • Физика • Химия • Науки о Земле • Науки о космосе 	Высоко цитируемые исследователи в 3 категориях: <ul style="list-style-type: none"> • Инжиниринг • Компьютерные науки • Материаловедение 	Высоко цитируемые исследователи в 8 категориях: <ul style="list-style-type: none"> • Биология и биохимия • Молекулярная биология, генетика • Микробиология • Иммунология • Неврология • Сельскохозяйственные науки • Науки о растениях и животных • Экология 	Высоко цитируемые исследователи в 3 категориях: <ul style="list-style-type: none"> • Клиническая медицина • Фармакология • Общественные науки (частично) • Экономика/бизнес 	Высоко цитируемые исследователи в 2 категориях: <ul style="list-style-type: none"> • Общественные науки (частично) • Экономика/бизнес
PUB	25 %	Статьи, проиндексированные в индексе научного цитирования – расширены в областях SCI	Статьи, проиндексированные в индексе научного цитирования – расширены в полях ENG	Статьи, проиндексированные в индексе научного цитирования – расширены в областях LIFE	Статьи, проиндексированные в индексе научного цитирования – расширены в полях MED	Статьи, проиндексированные в индексе цитирования по социальным наукам в областях SOC
TOP	25 %	Процент статей, опубликованных в 20 % ведущих журналов в области науки, по сравнению с тем, что опубликовано во всех журналах науки	Процент статей, опубликованных в 20 % ведущих журналов по отраслям ENG, по сравнению со всеми журналами ENG	Процент статей, опубликованных в 20 % ведущих журналов по направлениям LIFE, по сравнению со всеми журналами LIFE	Процент статей, опубликованных в 20 % ведущих журналов по отраслям MED, по сравнению со всеми журналами МЭР	Процент статей, опубликованных в 20 % ведущих журналов в областях SOC, по сравнению со всеми журналами SOC
EXPS	25 %	Неприменимо	Общие расходы на инженерные исследования	Неприменимо	Неприменимо	Неприменимо

Российские вузы в академическом рейтинге ARWU

На данный момент Шанхайский рейтинг считается наиболее сложным для российских вузов по причине его методологии, что подчеркивает разницу между китайской и российской системами высшего образования. Тем не менее, по данным на 2021 год, 9 российских вузов заняли позиции в рейтинге ARWU: все они активно участвуют в проектах модернизации и государственной поддержки ведущих университетов в рамках национальной программы «Наука и университеты», а также участвовали в программе создания федеральных и национальных университетов (Табл. 3).

Ряд вузов, ранее представленных в рейтинге, постепенно начали выходить из списка в связи с вытеснением вузами других стран. Особенностью академического рейтинга ARWU становится то, что в нем представлены не все вузы, проходящие оценку, а только те, что по сумме баллов смогли войти в первую тысячу. Так, на момент создания рейтинга в 2003 году, в него вошли два российских вуза, до сих пор занимающие лидирующие позиции — это МГУ им. М.В. Ломоносова и СПбГУ (соответственно, 102–151 и 401–500 позиции). В 2016 году в рейтинг был включен Новосибирский государственный университет, в 2011 году участвовавший в национальной программе «Образование» и получивший звание национального университета, а в 2015 выигравший конкурс на продвижение в международных рейтингах. В 2018 году в рейтинг вошли Уральский федеральный университет (УрФУ), НИУ ВШЭ, Томский государственный университет (ТГУ), Университет ИТМО, Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого (СПбПУ), и Томский политехнический университет (ТПУ). При этом СПбПУ и ТПУ более не появлялись в рейтинговых списках. В 2019–2020 годы в рейтинг попали Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ) и Национальный исследовательский технический университет МИСиС, выпавшие из рейтинга в 2021 году. Впервые в том же году в рейтинг попал российский медицинский вуз — Первый московский государственный университет им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет).

Таким образом, анализ рейтинга за последние 10 лет (2012–2022) показывает, что 7 российских вузов стабильно удерживают в нем позиции. Все российские вузы, получившие позиции в рейтинге, в недавнем времени открыли специализированные научно-исследовательские центры, институты или лаборатории, реализуют программы высшего технического или естественно-научного направления (включая медицину) и ведут исследования в данных областях в составе российских и международных научных коллективов. Будущее российских вузов в системе академического рейтинга ARWU зависит от развития образовательных и научных программ технической направленности, а также от развития фундаментальной науки в России в целом. Российским университетам следует обратить внимание на международные научно-технические мероприятия для повышения своей узнаваемости на мировом об-

разовательном рынке и заключения международных коллабораций с вузами и научно-исследовательскими институтами. Основной трудностью для российских вузов в процессе вхождения и удержания позиций в ARWU становится отсутствие научных школ и коллективов, которые могут осуществлять исследования и публиковать их результаты в международных базах данных. Возможным решением может стать создание научно-исследовательских лабораторий на базе вузов и специальных программ академической мобильности сотрудников.

Таблица 3

Российские вузы в ARWU

Вуз	Позиция									
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Год	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
МГУ	80	79	84	86	87	93	86	87	93	97
СПбГУ	401–500	301–400	301–400	301–400	301–400	301–400	301–400	301–400	301–400	301–400
МФТИ						501–600	401–500	401–500	401–500	501–600
НГУ					401–500	401–500	401–500	401–500	501–600	601–700
НИУ МИФИ								601–700	701–800	701–800
УрФУ							701–800	701–800	701–800	701–800
НИУ ВШЭ							901–1000	901–1000	801–900	601–700
ТГУ							701–800	801–900	801–900	901–1000
ИТМО							801–900	801–900	901–1000	
КФУ								801–900	901–1000	
МИСиС								801–900	901–1000	
СПбПУ							901–1000			
ТПУ							901–1000			
Сеченовский университет										801–900

Российские вузы в предметных рейтингах ARWU в 2021 году

Предметный рейтинг представляет собой ранжирование университетов мира, прошедших аудит ARWU по отдельным предметным областям, поэтому в предметные рейтинги могут быть включены университеты, не вошедшие в общий рейтинг. По предметному рейтингу (Табл. 4) МГУ оказался на позициях 51–75 — была высоко оценена программа по физике. На тех же местах разместились ТПУ, СПбГУ и НИТУ «МИСиС»: первый оказался в топе рейтинга по специальности «Машиностроение», второй — «Автоматизированное управление», третий — «Металлургия». СПбГУ был также включен в рейтинги по специальностям «Добыча полезных ископаемых» и «Горнодобывающее машиностроение» — места 76–100. РУДН впервые вошел в предметный рейтинг «Математика» в 2020 году, расположившись среди 301–400 лучших университетов.

Таблица 4

Позиции российских вузов в ARWU

Название вуза	Область	Позиция
МГУ им. М.В. Ломоносова	Физика	51–75
НИТУ «МИСиС»	Металлургия	51–75
НИУ БелГУ	Металлургия	76–100
СПбГУ	Автоматизация и управление	51–75
СПбГорный	Горное дело и добыча минералов	76–100
НИУ ИТМО	Автоматизация и управление	76–100
НИУ ТПУ	Машиностроение	51–75

Всего в предметный рейтинг в 2021 году вошли 19 российских вузов по следующим предметным областям [7]: математика, физика, нанонауки и нанотехнологии, науки о Земле, приборостроение, химические технологии, материаловедение и технология материалов, металлургия, метеорология, химия, автоматизация и управление, горное дело и добыча минералов, энергетические науки и технологии, экономика, социология, машиностроение, политология, биотехнологии, деловое администрирование, управление, сельскохозяйственные науки, экология, электротехника и электроника, психология, фармакология, биологические науки, телекоммуникационные технологии, компьютерные науки и технологии, клиническая медицина, география (Табл. 5). Шанхайский глобальный рейтинг по предметным областям на 2021 год содержит рейтинги по 54 предметным областям в категориях естественных наук, инженерно-технических наук, наук о живой природе, медицинских и общественных наук. Было оценено 4000 университетов из 93 стран и регионов, в рейтинг вошло более 1800 университетов.

Самым «слабым» показателем для вузов России, представленных в рейтинге, уже не первый год является число часто цитируемых исследователей, работающих в 21 предметной области (HiCi). Причиной может быть как отсутствие интереса к российским исследованиям со стороны мировой научной общественности, слабая интеграция отечественной науки в мировое образовательное пространство, так и склонность западных ученых ссылаться на своих коллег-соотечественников.

Таблица 5

Позиции российских вузов в предметных рейтингах 2021 года

Университет	Число предметных рейтингов
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносов	12
НИУ Высшая школа экономики	7
Санкт-Петербургский государственный университет	5
Новосибирский государственный университет (НИУ)	5
Московский физико-технический институт (НИУ)	3
НИТУ «МИСиС»	3
Томский государственный университет (НИУ)	3
Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ	2
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого	2
Сколковский институт науки и технологий	2
Томский политехнический университет (НИУ)	2
Белгородский государственный университет (НИУ)	1
Казанский федеральный университет	1
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (НИУ)	1
Российская экономическая школа	1
Российский университет дружбы народов	1
Санкт-Петербургский горный университет	1

Недостаточно высокие результаты МГУ и СПбГУ демонстрируют и по показателю «число статей, опубликованных в журналах *Nature* и *Science*» (N&S) в сравнении с ведущими университетами мира. Но есть и такие показатели, по которым МГУ вполне может конкурировать с первой десяткой университетов мирового рейтинга. Например, МГУ и СПбГУ занимают высокие места в категории «выпускники» благодаря ученым, получившим награды в предшествующие годы (у МГУ 11 лауреатов Нобелевской премии в XX веке (последними ее получили физики А.А. Абрикосов и В.Л. Гинзбург в 2003 году) и 6 лауреатов медали Филдса (последним

ее получил выпускник МГУ 1991 года, математик А.Ю. Окуньков — в 1996 году он уехал в США и был удостоен этой награды в 2006 году как американский ученый).

Таким образом, рейтинги ARWU являются одной из самых авторитетных систем рейтингования вузов наравне с рейтингами QS и THE. Общая методология данного рейтинга основывается на оценке ряда показателей и их весового соотношения, но с приоритетной ориентацией на естественно-научные отрасли и вузы. Основные причины критики ARWU — это обязательное наличие лауреатов наиболее престижных мировых премий в числе профессорско-преподавательского состава и выпускников, учет которых идет за каждые 10 лет; ориентация на физико-математическую и естественно-научную отрасли (в том числе при учете публикаций сотрудников и их награда), ориентация на крупнейшие и старейшие университеты мира, а также англоцентричность в подсчете количественных показателей. Для российских университетов участие и укрепление позиций в рейтингах ARWU — достаточно сложная задача вследствие частичного несовпадения систем высшего образования. Так, в 2021 году всего 19 российских вузов смогли попасть в рейтинг, причем самым сложным пороговым значением является критерий HiCi, учитывающий количество ведущих мировых ученых, аффилированных с вузом. Непременным условием для вхождения в международный рейтинг ARWU и удержания позиций для российских вузов становится создание специализированных научно-исследовательских лабораторий, развитие собственных научных школ и участие в международных научных проектах.

Библиографический список

1. *Ирхин Ю.В.* Мировые рейтинги университетов как управленческий фактор систем высшего образования // *ARS ADMINISTRANDI*. 2013. № 1.
2. *Кинчарова А.В.* Управление репутацией вуза. Методология мировых рейтингов: анализ и критика // *Университетское управление: практика и анализ*. 2014. № 3.
3. *Константинова А.В.* Университеты в системе высшего образования: стратегии и перспективы развития в современной России: Дисс. к.с.н. М., 2017.
4. *Троцук И.В.* Рейтинг вузов: идеология и методология составления «Таблиц лиг» (зарубежная практика) // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2008. № 1.
5. Официальный сайт ARWU // URL: <http://www.shanghairanking.com/aboutarwu.html#>.
6. Официальный сайт ARWU: Методология оценки // URL: <http://www.shanghairanking.com/ARWU-Methodology-2020.html>.
7. Официальный сайт ARWU: Критерии // URL: http://www.shanghairanking.com/Alternative_Ranking_Excluding_Award_Factor/Excluding_Award_Factor2015.html.
8. Официальный сайт ARWU: Предметные рейтинги // URL: <http://www.shanghairanking.com/Shanghairanking-Subject-Rankings/index.html>.
9. Официальный сайт ARWU: Методология оценки по предметным областям // URL: <http://www.shanghairanking.com/ARWU-FIELD-Methodology-2016.html>.

10. Салми Д., Фруммин И.Д. Как государства добиваются международной конкурентоспособности для университетов: уроки для России // Вопросы образования. 2013. № 1.
11. Billaut J.-C., Bouyssou D., Vincke P. Should you believe in the Shanghai ranking? // *Scientometrics*. 2010. Vol. 84. № 1.
12. Docampo D. On the internal dynamics of the Shanghai Ranking // *Scientometrics*. 2014. Vol. 98.
13. Gérard C. “Aix-Marseille, laboratoire de la fusion des universités” // URL: www.monde-diplomatique.fr.
14. Liu N.C., Cheng Y. Academic ranking of world universities // *Higher Education in Europe*. 2005. Vol. 30. № 2.
15. Van Raan A.F.J. Fatal attraction: Conceptual and methodological in the ranking of universities by bibliometric methods // *Scientometrics*. 2005. Vol. 62. № 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-337-351

Prospects for the promotion of Russian universities in the international academic ranking ARWU*

Yu.N. Ebzeeva, L.N. Gishkaeva

RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia
(e-mail: ebzeeva_yun@pfur.ru; gishkaeva_ln@pfur.ru)

Abstract. The article considers the methodology for assessing higher education institutions and prospects for their promotion in the Academic Ranking of World Universities (ARWU). The authors explain the focus of their research by the latest trends in the development of higher education in Russia and in the world; thus, universities positions in international ranking systems become an extremely important parameter for their evaluation. International ranking systems allow to evaluate the whole analytical information according to the criteria in one source, and to assess the competitiveness of the data in comparison with other evaluated organizations in the field. Often a potential student faces difficulty in collecting and evaluating information about the university he is interested in, because it hides its weaknesses, does not provide all information in the open form, or publishes information in various sources that are not easy to find for a person outside the academic community. The article aims at identifying and systematizing the features of the methodology for assessment universities in the ARWU, and at assessing its applicability for the subjects of the Russian higher education. The authors used content analysis and comparative analysis to examine the specifics of the ARWU assessing system according to the criteria provided by experts, and to consider the criticism of this ranking system. The authors identified and analyzed both positive and negative trends in the development of the ARWU methodology; examined the subject rankings of the ARWU system and compared their methodology. The article presents the results of the ARWU for 2021 focusing on the Russian universities, their prospects and difficulties.

Key words: Academic Ranking of World Universities (ARWU); methodology; academic ranking; Russian universities; education policy; education technologies

References:

1. Irkhin Yu.V. Mirovye reytingi universitetov kak upravlenchesky faktor sistem vysshego obrazovaniya [University rankings as a management factor in the higher education system]. *ARS ADMINISTRANDI*. 2013; 1. (In Russ.).

*© Yu.N. Ebzeeva, L.N. Gishkaeva, 2022

The article was submitted on 18.11.2021. The article was accepted on 23.03.2022.

2. Kincharova A.V. Upravlenie reputatsiey vuza. Metodologiya mirovyyh reytingov: analiz i Kritika [University reputation management. Methodology of world rankings: analysis and criticism]. *Universitetskoe Upravlenie: Praktika i Analiz*. 2014; 3. (In Russ.).
3. Konstantinova A.V. Universitety v sisteme vysshego obrazovaniya: strategii i perspektivy razvitiya v sovremennoy Rossii [Universities in the Higher Education System: Strategies and Prospects for the Development in Contemporary Russia]. Diss. k.s.n. Moscow; 2017. (In Russ.).
4. Trotsuk I.V. Reyting vuzov: Ideologiya i metodologiya sostavleniya “Tablits lig” (zarubezhnaya praktika) [Universities ranking: Ideology and methodology of compiling “Tables of Leagues” (foreign practice)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2008; 1. (In Russ.).
5. ARWU. URL: <http://www.shanghairanking.com/aboutarwu.html#>.
6. ARWU: Methodology. URL: <http://www.shanghairanking.com/ARWU-Methodology-2020.html>.
7. ARWU: Award Factor. URL: http://www.shanghairanking.com/Alternative_Ranking_Excluding_Award_Factor/Excluding_Award_Factor2015.html.
8. ARWU: Subject Rankings. URL: <http://www.shanghairanking.com/Shanghairanking-Subject-Rankings/index.html>.
9. ARWU: Methodology of Subject Rankings. URL: <http://www.shanghairanking.com/ARWU-FIELD-Methodology-2016.html>.
10. Salmi D., Frumin I.D. Kak gosudarstva dobivayutsya mezhdunarodnoy konkurentosposobnosti dlya universitetov: uroki dlya Rossii [How the states achieve international competitiveness for universities: Lessons for Russia]. *Voprosy Obrazovaniya*. 2013; 1. (In Russ.).
11. Billaut J.-C., Bouyssou D., Vincke P. Should you believe in the Shanghai ranking? *Scientometrics*. 2010; 84 (1).
12. Docampo D. On the internal dynamics of the Shanghai Ranking. *Scientometrics*. 2014; 98.
13. Gérard C. “Aix-Marseille, laboratoire de la fusion des universités”. URL: www.monde-diplomatique.fr.
14. Liu N.C., Cheng Y. Academic ranking of world universities. *Higher Education in Europe*. 2005; 30 (2).
15. Van Raan A.F.J. Fatal attraction: Conceptual and methodological in the ranking of universities by bibliometric methods. *Scientometrics*. 2005; 62 (1).

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-352-361

Удовлетворенность арбитражных управляющих условиями труда*

С.В. Полутин¹, Р.В. Моткин¹, В.Н. Моткин²

¹Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

ул. Большевикская, 68/1, Саранск, 430005, Россия

²Научный центр социально-экономического мониторинга

ул. Богдана Хмельницкого, 39а, Саранск, 430005, Россия

(e-mail: polutin.sergei@yandex.ru; motkin.r@gmail.com; vlad.motkin@mail.ru)

Аннотация. Актуальность исследования состоит в расширении теоретических разработок в области социологии труда, в частности, в изучении удовлетворенности арбитражных управляющих трудом в свете рассмотрения Государственной Думой законопроекта № 1172553–7 «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Для оценки уровня удовлетворенности арбитражных управляющих трудом проведен анализ особенностей их профессиональной деятельности — посредством экспертного опроса изучено мнение арбитражных управляющих о состоянии института несостоятельности (банкротства), его предстоящем реформировании, а также об уровне удовлетворенности трудом. В отличие от большинства исследований по тематике, в которых акцент сделан на изучении социально-правового статуса управляющих, авторами исследованы основные социально-психологические критерии удовлетворенности трудом арбитражных управляющих, в том числе вознаграждение, дополнительные льготы и условия работы в сфере несостоятельности. Информационная база исследования включает в себя вторичный анализ статистики процедур несостоятельности в 2016–2020 годы и экспертный опрос, в котором приняли участие 25 действующих арбитражных управляющих с опытом работы более трех лет. В результате авторы делают вывод о низком уровне удовлетворенности трудом у арбитражных управляющих, что объясняется, в первую очередь, крайне высокой трудовой нагрузкой и ответственностью (в том числе риском дисквалификации на три года за совершение формальных правонарушений, не представляющих опасности для общественных отношений и не ведущих к нарушениям прав кредиторов, должника и общества), конфликтностью процедур, отсутствием социально-трудовых гарантий, изменчивостью законодательства и наличием нескольких «центров контроля» с противоположными интересами. Данные факторы ведут к снижению интереса к профессии арбитражного управляющего, что может повлечь за собой кризис отрасли несостоятельности вследствие дефицита высококвалифицированных специалистов.

Ключевые слова: банкротство; арбитражное управление; арбитражный управляющий; удовлетворенность трудом; социология труда; процедуры банкротства

В кризисные периоды общественно-экономической жизни, к которым следует отнести и 2020–2021 годы в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, особое значение обретает сфера несостоятельности —

* © Полутин С.В., Моткин Р.В., Моткин В.Н., 2022.

Статья поступила 16.08.2021 г. Статья принята к публикации 23.03.2022 г.

как совокупность правовых инструментов, позволяющих освобождать рынок от неплатежеспособных элементов, а также оказывать содействие в части восстановления платежеспособности должников. Ключевую роль в процедурах несостоятельности играет арбитражный управляющий — специалист, утверждаемый арбитражным судом для осуществления этих процедур. В России социально-профессиональная группа арбитражных управляющих является стагнирующей малочисленной стратой: с 2016 по 2020 годы их число увеличилось чуть более, чем на 2 % (с 10153 до 10406), в то время как число процедур возросло втрое.

Рассматривая профессию арбитражного управляющего, следует отметить, что характер его работы относится к соционическому типу «человек—человек», главное содержание которого — взаимодействие между людьми [10. С. 71]. Согласно проекту Приказа Министерства труда и социальной защиты «Об утверждении профессионального стандарта “Арбитражный управляющий”», основным видом деятельности управляющего является осуществление комплекса мер по проведению процедур банкротства юридических и физических лиц (должников), а также мер по предупреждению несостоятельности и банкротства и социально-экономическому оздоровлению финансово-хозяйственной деятельности (восстановлению платежеспособности) юридических и физических лиц [11]. Для отражения комплексности и трудоемкости работы арбитражного управляющего представим основные ее блоки в рамках конкурсного производства — самой популярной процедуры банкротства, направленной на реализацию имущества должника и последующую ликвидацию организации (Табл. 1). Для реализации перечисленных обязанностей арбитражный управляющий вправе привлекать специалистов (юристы, бухгалтера, инвентаризаторы, оценщики, организаторы торгов и др.), однако ответственность за результаты работы специалистов несет управляющий, и реальная возможность привлечения в конкретной процедуре зависит от наличия в конкурсной массе денежных средств.

Профессия арбитражного управляющего характеризуется рядом стресс-факторов, играющих ключевую роль в стагнации числа арбитражных управляющих при ежегодном росте количества дел о банкротстве. Во-первых, это наличие нескольких «центров контроля», преследующих собственные (зачастую противоположные друг другу) интересы: арбитражный суд, кредиторы, должник и лица, контролирующие должника, уполномоченный орган (ФНС РФ), регулирующий орган (Управление Росреестра), правоохранительные органы. Негативным следствием множества контролирующих структур становится зарегулированность деятельности управляющих, ее излишний формализм, а также создание условий для неправовых методов воздействия на арбитражного управляющего путем подачи многочисленных жалоб не только в рамках дела о банкротстве, но и в иные органы (чаще всего в Управление Росреестра) с целью взыскания убытков, отстранения или дисквалификации.

Мероприятия конкурсного производства

Условное наименование блока	Состав мероприятий
Передача имущественного комплекса	Прием документов, материальных ценностей Получение контроля над объектами недвижимости Истребование документации Анализ переданной документации
Мероприятия в отношении имущественного комплекса	Обеспечение сохранности имущества должника (страхование, консервация, охрана, иные способы) Инвентаризация Оценка Реализация имущества Распределение вырученных денежных средств между кредиторами
Текущая хозяйственная деятельность	Осуществление обязанностей генерального директора должника, связанных с организацией и контролем за хозяйственной деятельностью должника
Оспаривание сделок должника	Анализ бухгалтерской документации, банковских выписок, первичной документации на предмет выявления подозрительных сделок Юридическая работа по подготовке процессуальных документов Юридическая работа по сопровождению споров
Дебиторская задолженность	Анализ бухгалтерской документации, банковских выписок, первичной документации на предмет выявления задолженности Юридическая работа по подготовке процессуальных документов Юридическая работа по сопровождению споров
Кредиторская задолженность	Анализ поступающих заявлений о включении в реестр требований кредиторов должника Юридическая работа по подготовке процессуальных документов Юридическая работа по сопровождению споров
Ответственность контролирующих должника лиц (КДЛ)	Выявление оснований для привлечения КДЛ к административной ответственности Выявление оснований для привлечения КДЛ к уголовной ответственности Выявление оснований для взыскания с КДЛ убытков Выявление оснований для привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности
Отчетность и обязательные публикации	Ведение отчета управляющего о деятельности Ведение реестра требований кредиторов Организация и проведение собраний кредиторов должника, комитетов кредиторов должника Опубликование сведений о процедуре в ЕФРСБ, газете Коммерсант

Наиболее опасной тенденцией для профессионального сообщества следует признать правоприменение введенной в 2015 году редакцией пункта 3.1 статьи 14.13 КоАП РФ о дисквалификации арбитражного управляющего на срок от шести месяцев до трех лет за повторное нарушение законодательства о банкротстве. Жесткая позиция законодателя по вопросу ответственности арбитражного управляющего подтвердилась и в определении Конституционного Суда: «освобождение от административной ответственности ввиду малозначительности совершенного правонарушения допустимо лишь в исключительных случаях, поскольку иное способствовало бы формированию атмосферы безнаказанности» [8]. Проблема данной нормы заключается в явном несоответствии вреда, причиненного пра-

вонарушением интересам должника, кредиторов и общества, степени наказания арбитражного управляющего. Фактически за два любых формальных нарушения законодательства (например, опубликование сообщения в ЕФРСБ с нарушением срока на один-два рабочих дня), совершенных в течении года, арбитражный управляющий рискует потерять работу на срок до трех лет. К сожалению, механизм дисквалификации стал одним из самых распространенных и действенных методов давления на арбитражных управляющих.

Во-вторых, следует отметить низкий уровень вознаграждения арбитражного управляющего за труд. Согласно действующим положениям закона «О несостоятельности (банкротстве)», вознаграждение, выплачиваемое арбитражному управляющему в деле о банкротстве, состоит из фиксированной суммы и процентов (ст. 20.6) [15]. По общему правилу вознаграждение выплачивается из средств должника, что должно обеспечивать независимость деятельности арбитражного управляющего. Однако вознаграждение является условным, поскольку зависит от наличия в конкурсной массе средств, позволяющих осуществить выплату арбитражному управляющему (в трети процедур конкурсного производства — 37% на 2020 год — в процессе инвентаризации имущество не выявляется); размер процентного вознаграждения зависит от процента удовлетворения требований кредиторов (на 2020 год доля процедур, в которых кредиторы не получили удовлетворения, составила 61%); размеры вознаграждения не увеличивались с 2008 года, что нельзя признать справедливым с учетом постоянно меняющейся экономической ситуации (ежегодный рост цен и др.); возможность выплаты вознаграждения чаще всего появляется лишь после реализации активов должника, т.е. не ранее, чем через полгода с момента введения процедуры, но текущие расходы арбитражного управляющего (процедурные, расходы на заключение договора страхования ответственности, на оплату взносов в СРО АУ и др.) не предполагают длительной отсрочки и обуславливают необходимость привлечения заемных средств.

31 декабря 2019 года было утверждено отраслевое соглашение в сфере несостоятельности (банкротства) и финансового оздоровления, в пункте 4 статьи 3 которого отмечено, что «существующие условия труда арбитражного управляющего... не соответствуют высокому статусу должностного лица, осуществляющего публично-значимую деятельность, призванного обеспечивать достижение публично-правовой цели банкротства — соблюдение баланса интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве» [9]. Отраслевое соглашение позиционирует как нарушение социально-трудовых прав арбитражных управляющих отсутствие региональных коэффициентов, индексации вознаграждения, процентов за задержку выплаты вознаграждения, социальной защиты при нетрудоспособности, уходе за ребенком и выходе на пенсию.

Другим негативным фактором является высокий уровень конфликтности процедур. В большинстве случаев конфликт в процедуре несостоятельности неизбежен, что объясняется полярностью экономических интересов сторон: кредиторы рассчитывают на максимально полное и быстрое удовлетворение

своих требований за счет имущества и хозяйственной деятельности должника, в то время как должник и КДЛ путем реализации имущества (для физических лиц) или ликвидации неплатежеспособного должника (для юридических лиц) стремятся освободиться от собственных обязательств. Причем уровень конфликтности в процедурах несостоятельности лишь возрастает, что косвенно подтверждает статистика жалоб на управляющих: по сравнению с 2015 годом (3015) в 2020 году количество жалоб увеличилось на 67 % (до 5044), а доля удовлетворенных жалоб уменьшилась — с 25 % до 19 %.

О другом факторе — высоком уровне трудовой нагрузки — красноречиво свидетельствует тот статистический факт, что только за 2020 год на каждого из 10406 арбитражных управляющих пришлось по 15 введенных процедур (без учета процедур, введенных до 2020 года), подавляющую часть которых составляют процедуры несостоятельности в отношении физических лиц. Статистика дел свидетельствует о ликвидационном характере банкротства в России: за период с 2016 по 2020 годы доля ликвидационных процедур — наиболее трудоемких по объему — в отношении юридических лиц составила почти 99 % от общего числа введенных процедур [13]. Таким образом, в подавляющем большинстве случаев управляющий утверждает исключительно для реализации имущества и последующей ликвидации организации, что накладывает отпечаток и на психологическое содержание деятельности управляющих: работа в конкурсном производстве — процедуре, средняя длительность которой в 2020 году составила 842 дня — характерна крайне низкой вероятностью удовлетворения требований кредиторов (за исключением требований кредиторов, права которых обеспечены залогом) и невозможностью восстановления платежеспособности должника.

Еще одним дестабилизирующим фактором является изменчивость законодательства о банкротстве. 17 мая 2021 года на рассмотрение Государственной Думы был внесен проект федерального закона № 1172553-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7], большинство положений которого сообщество арбитражных управляющих встретило скептически. Согласно законопроекту должна быть реформирована структура вознаграждения арбитражного управляющего, введена система рейтинга управляющих, изменен порядок их утверждения и назначения.

Влияние вышеуказанных негативных факторов является основным предметом настоящего исследования. Анализ института банкротства и его структурных элементов базируется на изучении федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ и практике его применения в системе арбитражных судов России и в зарубежном законодательстве. Большинство научных работ исследуют правовые коллизии и пробелы, направлены на внесение предложений по совершенствованию законодательства. Другой популярной темой является место несостоятельности в общем экономическом процессе. Социально-психологические аспекты банкротства освещаются значительно реже.

Вопросу удовлетворенности трудом посвящены многочисленные труды экономистов, социологов и психологов, и в XX веке сформировалось множество интерпретаций как самого понятия удовлетворенности трудом, так и его содержания и структурных элементов. Так, Р. Штольберг определил удовлетворенность трудом как «психическое состояние работника, отражающее его трудовую установку, отношение к жизни, его трудовую мотивацию, его потребности и ожидания относительно работы» [17. С. 23]. Е. Локк понимал удовлетворенность трудом как «приятное позитивное эмоциональное состояние в результате оценки своей работы или своего опыта» [19. С. 1300]. Распространена точка зрения, согласно которой удовлетворенность трудом зависит лишь от субъективных факторов и практически не связана с производственными условиями [4. С. 91]. Таким образом, можно выделить психологический, социологический, философский, комплексный и иные подходы в определении удовлетворенности трудом, что во многом обусловило и множество методик анализа ее уровня.

К. Замфир предложил систему оценки удовлетворенности трудом в соответствии с показателями, характеризующими его содержание (общие условия, физические условия, содержание труда, отношения между людьми, организационные рамки) [1. С. 30]. Широкое распространение получили специальные методики: Миннесотский опросник, методика интегральной удовлетворенности трудом А.В. Батаршева, тест удовлетворенности работой В.А. Розанова, тест Р. Кунина и др. Применяются и более универсальные методики, в частности, метод парных сравнений В.В. Скворцова, методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко, тест на стрессоустойчивость Ю.В. Щербатых, опросник организационной лояльности Л. Портера и др.

В 1980-е годы появился термин «качество рабочей жизни», который объясняет около 18 % дисперсии общей удовлетворенности жизнью работников [14]. В 1985 году был опубликован опросник П. Спектора, используемый в настоящем исследовании. Несмотря на то, что изначально опросник Спектора был создан для изучения сферы социального обеспечения и здравоохранения, он применим и к работе арбитражных управляющих. Во-первых, их деятельность также имеет социальную направленность (соционический тип «человек-человек»), тесно связана с удовлетворением интересов кредиторов, работников и общества в целом. Во-вторых, шкалы, разработанные Спектором, универсальны и достаточно емко отражают ключевые стороны профессии. Так, Спектор выделил восемь критериев, среди которых акцент будет сделан на вознаграждении за труд, дополнительных выплатах и условиях выполнения работы [21. С. 694].

В опросе приняли участие 25 экспертов, в основном мужчины, средний возраст которых составляет 35 лет. Опыт работы опрошенных в качестве арбитражных управляющих — более трех лет, базовая специализация — юриспруденция (68 %), экономика и управление (20 %). Регионы деятельности — Москва (80 %) и Республика Мордовия (20 %), что связано с попыткой выявить различия в мнении арбитражных управляющих, осуществляющих деятель-

ность в полярных в социально-экономическом плане регионах, а также продолжить изучение регионального аспекта функционирования института арбитражного управления [6]. Кроме того, удовлетворенность трудом рассмотрена во взаимосвязи с предстоящим реформированием института банкротства.

Определяя заработную плату как один из основополагающих социально-экономических факторов удовлетворенности трудом, отметим, что арбитражные управляющие скорее не удовлетворены уровнем вознаграждения за труд: среднее значение показателя удовлетворенности составило 3,4 из 6, где 1 — совершенно не удовлетворен, 6 — совершенно удовлетворен (13 из 24 возможных баллов по вопросам). В ответах арбитражных управляющих из Республики Мордовия наблюдается значимое статистическое отличие показателя удовлетворенности вознаграждением — 3 против 3,5. Однако управляющие не посчитали данный фактор определяющим для стагнации числа специалистов в этой сфере: в вопросе «В чем, на Ваш взгляд, заключаются ключевые причины стагнации роста числа арбитражных управляющих в РФ в 2017–2020 годы?» лишь 4 из 25 (16 %) управляющих отметили низкий уровень вознаграждения. Кроме того, опрошенные не считают, что новый законопроект сможет радикальным образом повлиять на размер вознаграждения: на просьбу указать не менее трех ключевых последствий вступления в силу законопроекта лишь 3 из 25 респондентов назвали «изменение структуры вознаграждения».

Гораздо более значимой проблемой управляющие считают отсутствие трудовых льгот и социального пакета: среднее значение показателя удовлетворенности дополнительными льготами и выплатами составило 1,5 (6 из 24 возможных баллов). Отсутствие социально-трудовых гарантий арбитражные управляющие воспринимают как одну из главных причин стагнации их числа (56 %) и заявляют о необходимости внесения изменений в законодательство в данной части: в вопросе «Какие изменения должны быть внесены в институт несостоятельности, чтобы сделать его более привлекательным для специалистов?» трудовые гарантии и льготы указали 64 %.

Особенно острой управляющие считают проблему кризиса рынка страхования их ответственности — к середине 2021 года он привел к прекращению деятельности множества страховых организаций и многократному росту страховых премий.

По подшкалам «условия выполнения работы» средний показатель удовлетворенности составил 2,25 из 6 («не удовлетворен»), в вопросе о причинах стагнации числа специалистов арбитражные управляющие чаще всего отмечали высокий уровень ответственности и риск дисквалификации (76 %), конфликтность процедур (68 %) и высокий уровень трудовой нагрузки (60 %). Соответственно, на необходимость представления дополнительных социально-трудовых гарантий управляющим указали 84 %, на необходимость смягчения ответственности — 76 %.

Учитывая вышесказанное, понятно, почему общий уровень удовлетворенности трудом у арбитражных управляющих составил 3,2 — «скорее не удовлетворен», причем статистически значимых различий в ответах архи-

тражных управляющих из Москвы и Республики Мордовия не наблюдалось, за исключением вопроса вознаграждения.

Разнообразие, динамичность и глубина конфликтов в сфере несостоятельности, а также значимость для экономики института банкротства в целом и фигуры арбитражного управляющего в частности, требуют введения норм, укрепляющих социально-правовое положение арбитражных управляющих, однако в законопроекте такие нормы отсутствуют, что в сочетании с высокой трудовой нагрузкой, постоянным риском привлечения к ответственности (гражданско-правовой в виде убытков, административной в виде дисквалификации, уголовной в виде лишения свободы и др.), низким уровнем вознаграждения, отсутствием социально-трудовых гарантий, конфликтностью процедур, нестабильностью законодательства о банкротстве ведет к снижению интереса к профессии арбитражного управляющего, что может повлечь за собой кризис в отрасли, вызванный нехваткой высококвалифицированных специалистов.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-311-90072 «Социальные аспекты развития института арбитражного управления в Российской Федерации»

Библиографический список

1. *Замфир К.* Удовлетворенность трудом: Мнение социолога. М., 1983.
2. *Ильясов Ф.Н.* О целесообразности и содержании исследований удовлетворенности трудом // Социологический журнал. 2013. № 3.
3. *Карпов А.В. и др.* Психология труда. М., 2016.
4. *Лукашевич Н.П.* Социология труда. К., 2007.
5. *Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. М., 2011.
6. *Мотькин Р.В., Мотькин В.Н.* Особенности функционирования института арбитражного управления в кризисных условиях (региональный аспект) // Регионология. 2020. № 4.
7. «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)”»: законопроект № 1172553-7 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553-7>.
8. Определение Конституционного Суда 6 июня 2017 года // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision276681.pdf>.
9. Отраслевое соглашение в сфере несостоятельности (банкротства) и финансового оздоровления на 2020–2022 годы // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355858.
10. *Панина С.В., Макаренко Т.А.* Профессиональная ориентация: учебник и практикум для среднего профессионального образования. М., 2019.
11. Проект Приказа Министерства труда и социальной защиты РФ «Об утверждении профессионального стандарта “Арбитражный управляющий” // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56633301>.
12. Психология труда. СПб., 2017.
13. Статистический бюллетень ЕФРСБ на 31 декабря 2020 года // URL: <https://fedresurs.ru/news/1fc434cc-96ed-4fcb-9ceb-9bb2e3d23adc>.
14. *Иванова Т.Ю., Рассказова Е.И., Осин Е.И.* Структура и диагностика удовлетворенности трудом: разработка и апробация методики // Организационная психология. 2012. Т. 2. № 3.
15. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 20.04.2021) «О несостоятельности (банкротстве)» // URL: <http://pravo.gov.ru>.
16. *Фофанова Г.А., Мамедова А.С.* Удовлетворенность трудом сотрудников социомических профессий // София. 2018. № 2.

17. Штольберг Р. Социология труда / Под общ. ред. А.В. Ермаковой. М., 1982.
18. Экономика и социология труда. СПб., 2015.
19. Locke E.A. The nature and causes of job satisfaction // Dunnette M.D. (Ed.). Handbook of Industrial and Organizational Psychology. 1976. Vol. 1.
20. Spector P.E. Job Satisfaction: Application, Assessment, Causes, and Consequences. Thousand Oaks, 1997.
21. Spector P. Measurement of human service staff satisfaction: Development of the job satisfaction survey // American Journal of Community Psychology. 1985. Vol. 13.
22. Weiss D.J., Dawis R.V. England G.W., Lofquist L.H. Manual for the Minnesota Satisfaction Questionnaire. Vol. 22. Minneapolis, 1967.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-352-361

Job satisfaction of arbitration managers*

S.V. Polutin¹, R.V. Motkin¹, V.N. Motkin²

¹Ogarev Mordovia State University

Bolshevistskaya St., 68/1, Saransk, 430005, Russia

²Scientific Center for Social and Economic Monitoring

Bogdan Khmel'nitsky St., 39a, Saransk, 430005, Russia

(e-mail: polutin.sergei@yandex.ru; motkin.r@gmail.com; vlad.motkin@mail.ru)

Abstract. The relevance of the study is determined by the expansion of theoretical findings in the field of sociology of work, in particular, in the study of job satisfaction of arbitration managers under the State Duma's consideration of the draft law No. 1172553-7 "On Amendments to the Federal Law 'On Insolvency (Bankruptcy)' and Certain Legislative Acts of the Russian Federation". To assess the level of job satisfaction of arbitration managers, the authors conducted an analysis of the features of their professional activities with an expert survey — to reveal their opinions on the state of the institution of insolvency (bankruptcy), its upcoming reform, and the level of their job satisfaction. Unlike most studies in this field, in which the emphasis is made on the social-legal status of arbitration managers, the authors consider the main social-psychological criteria for their job satisfaction, including remuneration, additional benefits and working conditions in the field of insolvency. The information base of the study includes a secondary analysis of the statistics of insolvency procedures in 2016–2020 and an expert survey (25 active arbitration managers with more than three years of experience were interviewed). The authors conclude that arbitration managers have a low level of job satisfaction, which is explained, first of all, by the extremely high workload and responsibility (including the risk of disqualification for three years for committing formal offenses that do not pose a danger to public relations and do not lead to violations of the rights of creditors, the debtor and society), conflict of procedures, lack of social-labor guarantees, the variability of legislation, and several 'control centers' with opposing interests. These factors reduce interest in the profession of arbitration manager, which may lead to a crisis in the insolvency industry due to a shortage of highly qualified specialists.

Key words: bankruptcy; arbitration management; arbitration manager; job satisfaction; sociology of work; bankruptcy procedures

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 19311-90072 "Social aspects of the development of the institution of arbitration management in the Russian Federation"

*© S.V. Polutin, R.V. Motkin, V.N. Motkin, 2022

The article was submitted on 16.08.2021. The article was accepted on 23.03.2022.

References

1. Zamfir K. *Udovletvorennost trudem: Mnenie sociologa* [Job Satisfaction. A Sociologist's Opinion]. Moscow; 1983. (In Russ.).
2. Ilyasov F.N. O tseseleobraznosti i soderzhanii issledovaniy udovletvorennosti trudem [On the feasibility and content of the job satisfaction research]. *Sociologichesky Zhurnal*. 2013; 3. (In Russ.).
3. Karpov A.V. *Psikhologiya truda* [Psychology of Work]. Moscow; 2016. (In Russ.).
4. Lukashevich N.P. *Sotsiologiya truda* [Sociology of Work]. Kazan; 2007. (In Russ.).
5. Maslow A. *Novye rubezhi chelovecheskoj prirody* [The Father Reaches of Human Nature]. Moscow; 2011. (In Russ.).
6. Motkin R.V., Motkin V.N. Osobennosti funktsionirovaniya instituta arbitrazhnogo upravleniya v krizisnyh usloviyah (regionalny aspekt) [Features of the functioning of the institute of arbitration management under crisis (a regional aspect)]. *Regionologiya*. 2020; 4. (In Russ.).
7. "O vnesenii izmenenij v Federalny zakon 'O nesostoyatelnosti (bankrotstve)'" ["On Amendments to the Federal Law 'On Insolvency (Bankruptcy)'"]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553-7>. (In Russ.).
8. Opredelenie Konstitutsionnogo Suda 6 iyunya 2017 goda [Determination of the Constitutional Court of June 6, 2017]. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision276681.pdf>. (In Russ.).
9. Otrasleye soglasenie v sfere nesostoyatelnosti (bankrotstva) i finansovogo ozdorovleniya na 2020–2022 gody [Industry Agreement in the Field of Insolvency (Bankruptcy) and Financial Recovery for 2020–2022]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355858. (In Russ.).
10. Panina S.V., Makarenko T.A. *Professionalnaya orientatsiya* [Professional Orientation]. Moscow; 2019. (In Russ.).
11. Proekt Prikaza Ministerstva truda i sotsialnoj zashchity RF "Ob utverzhdenii professionalnogo standarta 'Arbitrazhny upravlyayushchy'" [Draft Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation "On Approval of the Professional Standard 'Arbitration manager'"]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56633301>. (In Russ.).
12. *Psikhologiya truda* [Psychology of Labor]. Saint Petersburg; 2017. (In Russ.).
13. Statistichesy byulleten EFRSB na 31 dekabrya 2020 goda [Statistical Bulletin of the Unified Federal Register of Information on Bankruptcy of December 31, 2020]. URL: <https://fedresurs.ru/news/1fc434cc-96ed-4fcb-9ceb-9bb2e3d23adc>. (In Russ.).
14. Ivanova T.Yu., Rasskazova E.I., Osin E.I. Struktura i diagnostika udovletvorennosti trudem: razrabotka i aprobatsiya metodiki [Structure and diagnostics of job satisfaction: Development and testing of methodology]. *Organizatsionnaya Psikhologiya*. 2012; 2 (3). (In Russ.).
15. Federalny zakon ot 26.10.2002 No. 127-FZ (red. ot 20.04.2021) "O nesostoyatelnosti (bankrotstve)" [Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ (as amended on April 20, 2021) "On Insolvency (Bankruptcy)"]. URL: <http://pravo.gov.ru>. (In Russ.).
16. Fofanova G.A., Mamedova A.S. Udovletvorennost trudem sotrudnikov sotsionomicheskikh professij [Job satisfaction in socioeconomic professions]. *Softya*. 2018; 2. (In Russ.).
17. Shtolberg R. *Sotsiologiya truda* [Sociology of Work]. Pod obshch. red. A.V. Ermakovoj. Moscow; 1982. (In Russ.).
18. *Ekonomika i sotsiologiya truda* [Economics and Sociology of Labor]. Saint Petersburg; 2015. (In Russ.).
19. Locke E.A. The nature and causes of job satisfaction. Dunnette M.D. (Ed.). *Handbook of Industrial and Organizational Psychology*. 1976. Vol. 1.
20. Spector P.E. *Job Satisfaction: Application, Assessment, Causes, and Consequences*. Thousand Oaks; 1997.
21. Spector P. Measurement of human service staff satisfaction: Development of the job satisfaction survey. *American Journal of Community Psychology*. 1985; 13.
22. Weiss D.J., Dawis R.V., England G.W., Lofquist L.H. *Manual for the Minnesota Satisfaction Questionnaire*. Vol. 22. Minneapolis; 1967.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-362-373

Возраст как элемент социального портрета несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства*

Р.И. Зайнуллин, И.А. Макаренко

Институт права Башкирского государственного университета
ул. Достоевского, 131, Уфа, 450005, Россия
(e-mail: institutprava@bashedu.ru; ilona475@mail.ru)

Аннотация. Социально-демографические характеристики личности и социальных групп составляют предмет изучения целого ряда социально-гуманитарных и естественных наук. Важнейшей в ряду этих характеристик является возраст, отражающий степень физиологической, психологической и социальной зрелости субъектов, поэтому он учитывается социологической и юридической науками, которые опираются на его статистические значения при проведении социологических, криминологических и криминалистических исследований. Из возрастных характеристик исходят в законотворческой и правоприменительной деятельности, в работе по профилактике социальных отклонений. Характеристики возраста, например, у лиц, преступивших закон, используются при составлении социального портрета преступности. Этот портрет отражает социально-групповую стратификацию и подчеркивает наиболее существенные черты социальной группы — лиц с девиантным сознанием и поведением, т.е. помогает типологизации преступников. Изучение преступности несовершеннолетних способствует выявлению особенностей, условий и тенденций таких преступлений, позволяет судить о воспроизводстве преступности за счет молодежной ее составляющей. Подобные исследования имеют выраженную виктимологическую направленность, характеризуя не только тип личности несовершеннолетнего правонарушителя, но и тип личности жертвы преступного посягательства, что имеет не только познавательное, но и практическое значение — для определения мер, направленных на противодействие, превенцию и профилактику преступлений. В статье акцент сделан на возрастных особенностях несовершеннолетних, участвующих в уголовном судопроизводстве в статусе обвиняемых, потерпевших и свидетелей. Подчеркивается, что расследование преступлений, в которых в том или ином статусе участвуют несовершеннолетние, сопряжено с трудностями, обусловленными возрастными особенностями этой социально-демографической группы. Подчеркивается, что знание типологии несовершеннолетних (их возрастных психико-физиологических и социально-нравственных особенностей) — залог установления с ними контакта и, соответственно, выбора оптимальных приемов получения максимально полных и правдивых сведений. Данный вывод подтверждается не только публикациями других авторов, но и материалами уголовных дел и социологических опросов следователей, экспертов, судей и самих несовершеннолетних, принимавших участие в расследовании преступлений в том или ином процессуальном статусе.

Ключевые слова: личность несовершеннолетнего; социально-демографические характеристики; социальный портрет преступности; возраст; несовершеннолетние преступники; участники уголовного судопроизводства; расследование преступности

* © Р.И. Зайнуллин, И.А. Макаренко, 2022

Статья поступила 06.12.2021 г. Статья принята к публикации 07.04.2022 г.

Личность в философии и обществознании выступает как фундаментальное понятие с многогранным содержанием, поэтому каждая наука видит в нем свой аспект. Обобщение имеющихся определений позволяет назвать следующие их ключевые положения: а) личность предполагает наличие определенных индивидуальных различий, т.е. таких качеств, благодаря которым каждый человек отличается от всех остальных людей; б) личность представляет собой некое ядро, связывающее воедино различные психические процессы индивида и наделяющее его поведение необходимой последовательностью и устойчивостью; в) личность рассматривается с точки зрения влияния внутренних и внешних факторов, включая генетическую и биологическую предрасположенность, социальный опыт и меняющиеся обстоятельства; г) личность наделяется устойчивыми чертами, которые обеспечивают ей относительную неизменность и постоянство во времени и в меняющихся ситуациях [1].

Наличие различных методологических подходов к понимаю личности не исключает возможности выбора наиболее оптимального для изучения интересующей нас проблемы. Остановимся на социологическом подходе к изучению личности вообще и личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства в частности. Этот подход предполагает понимание личности как «совокупности общественных отношений», «индивидуального бытия общественных отношений», «социальной характеристики человека» — совокупность социально-приобретаемых черт и социальных функций человека характеризует его социальный образ/портрет. В контексте рассматриваемой проблемы следует остановиться на дефиниции личности, предложенной Л.Д. и В.Е. Столяренко: «быть личностью — значит осуществлять выборы, возникающие в силу внутренней необходимости, оценивать последствия принятого решения и держать ответ за них перед собой и обществом, в котором живешь. Быть личностью — значит постоянно строить самого себя и других, владеть арсеналом приемов и средств, с помощью которых можно овладеть собственным поведением, подчинить его своей власти. Быть личностью — значит обладать свободой выбора и нести ее бремя» [27. С. 111].

Определившись с общим понятием личности, мы сталкиваемся с другой гносеологической задачей — с какого возраста подростка или несовершеннолетнего следует считать личностью. Социология рассматривает возраст как важнейшую характеристику социального портрета личности [2]. При проведении социологических исследований возраст сопоставляется с другими характеристиками выборочных совокупностей. В литературе выделяют четыре вида возраста: хронологический, физический, субъективный и символический. Хронологический возраст определяется количеством лет, прошедших с момента рождения. Физический возраст определяется уровнем телесного и соматического развития (биологическая и контекстуальная формы оценки). Но далеко не всегда зрелость и особенности функционирования организма совпадают с социальными оценками возраста человека, исходя из его внешности и поведения. Так, в подростковом возрасте внешний вид и физическое развитие не-

редко вступают в диссонанс. Субъективный возраст заключается в самооценке человеком своего возраста по сравнению с другими людьми. Символический возраст связан с проявлениями взрослости (употребление подростками алкоголя, курение и т.д.) или, наоборот, с проявлениями взрослыми неадекватных возрасту поступков (ношение молодежных нарядов и др.) [14. С. 16–18].

Возраст характеризует и социальный портрет преступности [5. С. 288–289], поэтому еще во второй половине XIX — начале XX века представители социологической школы уголовного права (Г. Ашаффенбург, Н.А. Неклюдов и др.) установили взаимосвязь возраста преступников с преступлениями, к совершению которых они наиболее склонны и которые чаще всего совершают молодые люди, включая несовершеннолетних [2. С. 121–180; 16. С. 131–139]. В силу данного обстоятельства представитель школы, немецкий ученый Ф. Лист, охарактеризовал преступность как социально-патологическое явление [12. С. 94]. Выявление указанной зависимости позволило уже тогда сформулировать, сохраняющие и сегодня свою полезность рекомендации для уголовной политики в отношении молодежи и несовершеннолетних. Эти рекомендации в том или ином виде используются в методиках социологических, криминологических и криминалистических исследований при составлении различных, в том числе социальных, психологических и других, портретов преступников [9. С. 69–78].

Говоря о возрасте несовершеннолетнего как участника уголовного судопроизводства, следует остановиться на характеристике преступности несовершеннолетних, так как последние могут выступать в статусе преступников, жертв преступлений и их свидетелей. Официальная криминальная статистика хотя и указывает на тенденцию сокращения количества преступлений, совершаемых несовершеннолетними, и числа несовершеннолетних преступников, но абсолютные значения их показателей оптимизма пока не внушают (Табл. 1).

Таблица 1

**Динамика количества преступлений, совершенных
несовершеннолетними и с их участием в РФ
и Республике Башкортостан (2012–2021) [20–25; 8]**

Регион	Годы					
	2012	2016	2017	2019	2020	2021
Россия	63568	52724	44538	41548	37754	31865
Башкортостан	1354	1273	953	1064	982	717

Что касается численности несовершеннолетних, совершающих и участвующих в совершении преступных действий, то в России и Республике Башкортостан в 2016 году было выявлено, соответственно, 48589 и 1174 молодых человека, совершивших преступления, а в 2021 году — 29126 и 655. В 2021 году из всех зарегистрированных в стране преступлений на долю совершенных несовершеннолетними пришлось 1,5 %, а среди лиц, совершив-

ших преступления, 3,4 % — несовершеннолетние. Аналогичное соотношение с незначительными колебаниями наблюдалось в предыдущие годы.

Возрастные характеристики несовершеннолетних и связанные с ними их психофизиологические и социальные особенности существенно влияют на характер совершаемых ими преступлений. Так, около трети преступлений, совершенных несовершеннолетними, относятся к категориям тяжких, особо тяжких и средней тяжести. Еще представители социологической школы уголовного права [2. С. 119–121; 16. С. 138] во второй половине XIX века называли три наиболее распространенных вида преступлений, совершаемых лицами юношеского возраста: против собственности, личной неприкосновенности и нравственности. По прошествии времени структура преступности среди несовершеннолетних заметно изменилась, но преобладающими остаются покушения на собственность и личную неприкосновенность, хотя используются сегодня при этом не только традиционные, но и высокотехнологические приемы и средства.

Отсутствие оптимизма в отношении преступности несовершеннолетних, несмотря на указанные выше тенденции, обуславливается действием социальных факторов, способствующих сохранению ее высокого ее уровня, т.е. воспроизводству преступности в целом. Назовем два основных фактора: во-первых, это активное влияние на молодежь криминальной среды, так называемой «взрослой» преступности, вовлекающей в свои ряды не имеющих жизненного опыта и сформировавшейся жизненной позиции подростков. Так, в Республике Башкортостан в 2015–2018 годы, т.е. в течение четырех лет, было совершено, соответственно, 64, 65, 71 и 60 преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность; соответственно, 239, 283, за 2017 год данных нет и 326 преступлений те же годы было совершено несовершеннолетними совместно со взрослыми, в 2021 году — 226 преступлений [8].

Если обратиться к исследованию социально-бытовых установок молодежи, то у несовершеннолетних преступников выделяют три типа таких установок: неустойчивые, пограничные и постоянно негативно отклоняющиеся [26. С. 19–20], причем последние характерны для малолетних рецидивистов. Например, в Республике Башкортостан повторно совершили преступления в 2012 году 22 %, в 2015 — 24 %, в 2017 — 26 %, в 2018 — 27 %, в 2020 году — 25 % и в 2021 году — 25 % несовершеннолетних [8].

Во-вторых, на преступность несовершеннолетних влияет фактор отсутствия внимания к ним со стороны семьи и других социальных институтов, недостаточность выполнения этими институтами своей социализирующей роли, о чем свидетельствуют масштабы беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних (Табл. 2). Обращает на себя внимание не только сохраняющийся уровень этих показателей в стране и Приволжском федеральном округе и их рост в Республике Башкортостан за последние два года, но и то, что безнадзорные и беспризорные несовершеннолетние могут быть рекрутированы в ряды преступного сообщества или стать объектом преступных посягательств.

**Количество беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних,
выявленных сотрудниками органов внутренних дел
по работе с несовершеннолетними (2017–2021) [22–25; 8]**

Регион	Годы				
	2017	2018	2019	2020	2021
Россия	64937	63341	62200	54455	56644
Приволжский федеральный округ	9476	9025	9715	8910	9407
Республика Башкортостан	168	170	90	568	488

Таким образом, возраст становится характеристикой не только лиц, совершивших преступления, но и тех, кто стал их жертвой. Например, в Республике Башкортостан фиксируется высокий уровень преступности в отношении несовершеннолетних: 2014 год — 2306 фактов, 2015 — 2929, 2018 — 3016, 2019 — 2902, 2021 — 2781. На этом фоне с 2016 года наметилась тенденция некоторого роста числа преступлений, совершенных в семье против несовершеннолетних ее членов: в 2016 году — 1232 факта, в 2018 — 1563, в 2019 — 1572 [8]. При этом просматривается тенденция роста тяжких и особо тяжких преступлений в отношении несовершеннолетних (2014 год — 310 фактов, 2015 — 303, 2018 — 325, 2019 — 492), а также преступлений средней тяжести (2014 год — 284 факта, 2015 — 379, 2018 — 362, 2019 — 445) [8]. Что касается преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, то, например, из 2902 таких преступлений, зарегистрированных в регионе в 2019 году, убийства и побои составили 25 %, преступления против половой неприкосновенности и насильственные действия сексуального характера — 24 %, преступления против собственности — 15 % [8].

Статистические, социологические и криминалистические исследования преступности в современных российских семьях позволили не только выявить тенденции роста агрессии в отношении несовершеннолетних со стороны родителей и других членов семьи, а также знакомых семьи [6; 19], но и установить зависимость видов преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, и их возраста [6]. Так, В.Н. Карагодин видит эту зависимость в перераспределении в сторону увеличения числа преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, из сферы семьи во внешнюю сферу по мере взросления потерпевших: дети дошкольного возраста чаще подвергаются насилию в семье, нежели вне ее; дети младшего школьного возраста в равной мере становятся жертвами домашнего и внесемейного насилия; дети старшего школьного возраста чаще подвергаются насилию или агрессии вне семьи [10].

Согласно данным опроса сотрудников органов внутренних дел и следственного комитета, чаще всего потерпевшими по уголовным делам стано-

вятся несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет. Следующая возрастная категория, представители которой нередко становятся потерпевшими, — дети от 10 до 13 лет, а в единичных случаях — до 10 лет. Возраст несовершеннолетних, в котором они привлекаются в уголовный процесс в качестве свидетелей, аналогичен возрасту потерпевших: чаще всего свидетелями выступают несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет, затем — дети в возрасте от 10 до 13 лет, и, начиная с 4 лет, некоторые дети также давали свидетельские показания в соответствии с процессуальными нормами [11].

В статье 421 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) отмечена необходимость глубокого изучения личности несовершеннолетнего обвиняемого, однако в кодексе, как и в других нормативных документах, не прописана обязанность следователей и судей изучать личность потерпевших и свидетелей. И если на практике личность несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого изучается хотя бы формально, то в отношении несовершеннолетних свидетелей и потерпевших этот вопрос часто игнорируется, что препятствует получению у потерпевшего подростка или несовершеннолетнего свидетеля достоверных сведений о случившемся и выяснению обстоятельств имевшего место события. Поэтому практические работники зачастую не вполне осознают, что без знаний социально-демографических и нравственно-психологических особенностей несовершеннолетних общение с такими потерпевшими и свидетелями неизбежно превратится в механическое восприятие всего сказанного ими. В результате для сотрудника правоохранительных органов возрастает риск процессуального закрепления либо откровенных фантазий, либо информации, внушенной взрослыми.

Процесс развития ребенка состоит из нескольких этапов, последовательно сменяющих друг друга. Ученые в основном едины в делении этих этапов на младенческий возраст, дошкольный, младший, средний и старший школьный возраст. Но есть и другие, в основном уточняющие, точки зрения. Например, А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский называют следующие возрастные этапы формирования личности: ранний детский (0–3), детсадовский, преддошкольный возраст (4–6), младший школьный возраст (6–10), средний (11–15) и старший (16–17) [17. С. 377]. Выделяют и такие этапы, как детство, подростковый возраст, юношество и ранняя зрелость. Следует согласиться с позицией В.Н. Стегния и его коллег, которые при классификации этапов молодежного возраста исходят из российского законодательства, определяющего границу между детством и молодостью как совершеннолетие — с 18 лет [13. С. 217–218].

Поскольку возраст, с которого наступает уголовная ответственность, законодательно определен с 16 лет (в исключительных случаях — с 14), то относительно несовершеннолетних лиц, выступающих в статусе подозреваемых и обвиняемых, вопроса об определении возрастных рамок их несовершенно-

летия не существует. Но этот вопрос сохраняется относительно лиц в статусе потерпевшего и свидетеля. В соответствии со статьей 42 УПК РФ, т.е. с процессуальной точки зрения, потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный и моральный вред. В соответствии со статьей 56 УПК РФ свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний.

Таким образом, с юридической точки зрения несовершеннолетний потерпевший — это человек в возрасте от 0 до 18 лет, которому преступлением причинен физический, имущественный и моральный вред. Несовершеннолетний может стать свидетелем с того возраста, когда начинает адекватно воспринимать окружающую действительность, сохранять ее в памяти и воспроизводить при помощи речевого общения представителю правоохранительных органов (до достижения им 18 лет). В этом случае мы не выделяем конкретный возраст в качестве нижней границы, потому что у разных детей такая грань может отличаться. На практике известен случай допроса девочки в возрасте 2 лет 6 месяцев: несмотря на чрезвычайную краткость, показания ребенка позволили следователю определить направление поисков [11. С. 104]. Иными словами, несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства можно разделить на следующие группы: несовершеннолетние от рождения и до возраста, в котором они вступают в вербальный контакт с окружающими и отвечают на простые вопросы; несовершеннолетние в том возрасте, когда они могут вступать в вербальный контакт с окружающими и осознанно излагать воспринятую ранее информацию; несовершеннолетние как субъекты деятельности, достигшие такого уровня развития умственных и других способностей, который позволяет привлекать их к участию в судопроизводстве самостоятельно.

Установление психологического контакта и определение тактики следственных действий с детьми из перечисленных групп должны опираться на особенности каждой возрастной категории. Поскольку законодатель определил возраст полного осознания несовершеннолетними совершаемых поступков с 16 лет, тем самым оценив подростков, достигших этого возраста, как сознательных и взрослых личностей, то и тактические приемы, применяемые к ним следователями и дознавателями, не должны существенно отличаться от тех, что применяются к взрослым участникам уголовного судопроизводства. Будучи элементами структуры личности несовершеннолетнего обвиняемого, социально-демографические свойства составляют криминалистический портрет этой категории и часть их социального портрета.

В 1971 году специалисты выделили следующие элементы социально-демографической характеристики личности: 1) в общегражданской сфере — социальное происхождение, социальное положение, образование, проявления общественной деятельности и др.; 2) в семейной сфере — семейное поло-

жение, состав семьи, данные о родителях и других членах семьи, взаимоотношения членов семьи и иные условия семейного воспитания; 3) в бытовой сфере — местожительство, жилищные условия, материальное положение, бытовое окружение, знакомства, связи и т.д.; 4) в производственной сфере — профессия, специальность, род занятий, трудовой стаж, характеристика производственного (учебного) коллектива, обстановка и взаимоотношения в нем и т.д. Особенно авторы выделяли сферу антиобщественного поведения, куда отнесли данные о совершенном преступлении, прошлой преступной деятельности, судимостях, иных правонарушениях и взысканиях и т.п. В 1975 году те же исследователи скорректировали перечень социально-демографических признаков, отнеся к ним пол, возраст, образование, социальное положение и род занятий, семейное положение, место жительства, материальное положение, жилищные условия и т.п. [7. С. 32–35].

Этот перечень в том или ином объеме воспроизводится и другими специалистами в работах по социологии и праву. На наш взгляд, социально-демографическая характеристика несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства должна включать в себя следующие элементы: 1) фамилия, имя, отчество; 2) точный возраст; 3) социальное положение и род занятий; 4) образование; 5) семейное положение (состав семьи, данные о родителях и других близких членах семьи и др.); 6) местожительство; 7) материально-бытовые условия; 8) привлечение ранее к уголовной ответственности; 9) состояние, в котором совершено преступление (алкогольное или наркотическое опьянение); 10) групповой или индивидуальный характер совершенного деяния. Несомненно, этот перечень может и должен быть продолжен.

Определение точного возраста предполагает решение уголовно-правовых, процессуальных и криминалистических задач. Одна из них — установление возраста начала привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности (хронологического, физиологического или психологического). «Надо различать хронологический возраст — прожитое данным индивидом число лет, физиологический возраст — степень физического развития человека, психологический возраст — степень духовного развития, педагогический возраст — степень овладения культурой данного общества. Эти возрасты могут не совпадать у одного и того же лица, и это несовпадение далеко не всегда указывает на какие-то ненормальности в его развитии» [15. С. 245]. На практике, в случае отсутствия документальных свидетельств, возраст несовершеннолетнего устанавливается в ходе судебно-медицинской экспертизы. У подростков с помощью такой экспертизы возраст устанавливается с точностью до одного — двух лет [27. С. 233].

Вместе с тем, даже если не учитывать психологическое развитие подростка, а ориентироваться на его хронологический возраст, установление возраста несовершеннолетнего с точностью до одного — двух лет недостаточно, тем

более если речь идет о 14–15-летнем обвиняемом. Необходима комплексная медико-психиатрическая экспертиза — для определения уровня психического развития несовершеннолетнего обвиняемого. На необходимость подобной экспертизы указали 33 % опрошенных экспертов в Республике Башкортостан, а также 35 % следователей, хотя 43 % экспертов затруднились ответить на этот вопрос, вероятно, по причине недостаточной методической и технологической разработанности данной проблемы.

Таким образом, установление возраста как важнейшей социально-демографической характеристики несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства — важная уголовно-правовая, процессуальная и криминалистическая задача. Полагаем, что привлекать к уголовной ответственности необходимо только тех несовершеннолетних, которые соответствуют по своему психическому развитию основной массе подростков, достигших возраста уголовной ответственности. Если уровень психического развития соответствует меньшему возрасту, то подросток не должен привлекаться к этой ответственности. Не менее важно знание точного возраста несовершеннолетнего в статусе потерпевшего и свидетеля. Внимание к возрасту несовершеннолетнего, совершившего преступление или правонарушение, важно и в других видах практической деятельности (медицинской, психолого-педагогической, социальной и т.п.), чтобы исследовать и повышать эффективность профилактики социальных отклонений в подростковой среде, минимизировать преступность несовершеннолетних. Социологические, криминологические и криминалистические исследования несовершеннолетних, обмен методологическими приемами и эмпирикой позволят создать социальный портрет молодого поколения и отдельных его возрастных категорий, включая несовершеннолетних девиантов.

Библиографический список

1. *Ананьев Б.Г.* Социальные ситуации развития личности и ее статус. // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб., 2002.
2. *Ашаффенбург Г.* Преступление и борьба с ним: Уголовная психология для врачей, юристов и социологов / Сост. и вступ. ст. В.С. Овчинского, А.В. Федорова. М., 2013.
3. *Беляева Л.А.* Социальный портрет возрастных когорт в постсоветской России // Социологические исследования. 2004. № 10.
4. *Дриль Д.А.* Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. М., 2006.
5. *Егорышев С.В., Диваева И.Р.* Основные характеристики социального портрета современной преступности. // Образование и право. 2021. № 5.
6. *Егорышев С.В.* Семейно-бытовое насилие: статистический и социологический анализ (на примере Республики Башкортостан) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. № 3.
7. *Ермолаева П.О., Нагимова А.М., Носкова Е.П. и др.* Социальный портрет населения: методология, основные характеристики. Казань, 2014.
8. Итоги деятельности МВД по РБ за январь-декабрь 2014 г., январь-декабрь 2015 г., январь-декабрь 2016 г., январь-декабрь 2018 г., январь-декабрь 2019 г., январь-декабрь 2021 г. // URL: <https://02.xn--blaew.xn--plai/slujba/itogi-dejatelnosti>.
9. *Ищенко Е.П.* Новый век криминалистики. Ч. 1. М., 2017.

10. Карагодин В.Н. Расследование преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних. М., 2010.
11. Кочнев М.М., Осипова Н.Р. Психология показаний малолетних и участие психолога в допросе // Проблемы психологии в следственной деятельности. Красноярск, 1986.
12. Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. М., 2009.
13. Молодежь в информационно-инновационном обществе / Под ред. В.Н. Стегния. Пермь, 2019.
14. Молчанов С.В. Психология подросткового и юношеского возраста. М., 2019.
15. Мудрик А.В. Современный старшеклассник. // Хрестоматия по возрастной психологии / Сост. Л.М. Семенюк; под ред. Д.И. Фельдштейна. М., 1994.
16. Неклюдов Н.А. Уголовно-статистические этюды: Статистический опыт исследования физиологического значения различных возрастов человеческого организма по отношению к преступлению / Сост. и вступ. ст. В.С. Овчинского, А.В. Федорова. М., 2009.
17. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология. М., 2002.
18. Познышев С.В. Криминальная психология: Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности / Сост. и предисл. В.С. Овчинского, А.В. Федорова. М., 2010.
19. Сердюк Л.В. Семейно-бытовое насилие: криминологический и уголовно-правовой анализ. М., 2015.
20. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2012 г. М., 2013.
21. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2016 г. М., 2017.
22. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2017 г. М., 2018.
23. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 г. М., 2020.
24. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 г. М., 2021.
25. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 г. М., 2022.
26. Староверов В.И., Староверова И.В. Девиация правосознания и правоповедения российской молодежи. М., 2008.
27. Столяренко Л.Д., Столяренко В.Е. Психология и педагогика. М., 2017.
28. Судебная медицина / Под общ. ред. В.В. Томилина. М., 2000.
29. Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы. М., 2004.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-362-373

Age as an element of the social portrait of the juvenile participant in the criminal process*

R.I. Zainullin, I.A. Makarenko

Institute of Law of the Bashkir State University
Dostoevskogo St., 131, Ufa, 450005, Russia
(e-mail: institutprava@bashedu.ru; ilona475@mail.ru)

Abstract. Social-demographic characteristics of the individual and social groups are studied by many natural, social sciences and humanities. One of the most important characteristics is age which reflects the degree of physiological, psychological and social maturity; therefore, it is considered by sociological and legal sciences which rely on its statistical estimates in sociological, criminological

* © R.I. Zainullin, I.A. Makarenko, 2022

The article was submitted on 06.12.2021. The article was accepted on 07.04.2022.

and forensic research. Age characteristics are important for legislative and law enforcement activities, in the prevention of social deviations. Age characteristics, for example, of persons who broke the law, are used in the social portrait of crime, which reflects the social-group stratification and emphasizes the most significant features of the social group consisting of persons with deviant consciousness and behavior, i.e. allows to classify criminals. The study of juvenile delinquency helps to identify the features, conditions and trends of such crimes, i.e., to assess the reproduction of crime due to its youth part. Such studies have a pronounced victimological orientation and describe not only the personality type of the juvenile criminal, but also the personality type of the victim of a criminal assault, which has not only cognitive, but also practical significance — for developing measures for combating and preventing crimes. The article focuses on the age characteristics of juveniles participating in the criminal process in the status of accused, victims and witnesses. The authors emphasize that the investigation of such crimes faces difficulties due to the age characteristics of this social-demographic group; therefore, the knowledge of the typology of juveniles (their age-related psycho-physiological and socio-moral characteristics) is the key to establishing contact with them and, accordingly, to choosing the best methods for obtaining the most complete and truthful information. This conclusion is confirmed not only by the publications of other authors, but also by the data of criminal cases and sociological surveys of investigators, experts, judges and juveniles participating in the investigation of crimes.

Key words: personality of the juvenile; social-demographic characteristics; social portrait of the crime; age; juvenile criminals; participants in criminal process; crime investigation

References

1. Ananiev B.G. Sotsialnye situatsii razvitiya lichnosti i ee status [Social situations of personality development and its status]. *Psikhologiya lichnosti v trudah otechestvennykh psikhologov*. Saint Petersburg; 2002. (In Russ.).
2. Aschaffenburg G. *Prestuplenie i borba s nim: Ugolovnaya psikhologiya dlya vrachey, yuristov i sotsiologov* [Crime and Fight against It: Criminal Psychology for Doctors, Lawyers and Sociologists]. Sost. i vstup. st. V.S. Ovchinskogo, A.V. Fedorova. Moscow; 2013. (In Russ.).
3. Belyaeva L.A. Sotsialny portret vozrastnykh kogort v postsovetsoy Rossii [Social portrait of age cohorts in post-Soviet Russia]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2004; 10. (In Russ.).
4. Dril D.A. *Prestupnost i prestupniki. Uchenie o prestupnosti i merah borby s neyu* [Crime and Criminals. The Doctrine of Crime and Measures to Combat It]. Moscow; 2006. (In Russ.).
5. Egoryshev S.V., Divaeva I.R. Osnovnye kharakteristiki sotsialnogo portreta so-vremennoy prestupnosti [Main characteristics of the social portrait of contemporary crime]. *Obrazovanie i Pravo*. 2021; 5. (In Russ.).
6. Egoryshev S.V. Semeyno-bytovoe nasilie: statistichesky i sotsiologichesky analiz (na primere Respubliki Bashkortostan) [Domestic violence: Statistical and sociological analysis (on the example of the Republic of Bashkortostan)]. *Vestnik Permskogo Natsionalnogo Issledovatel'skogo Politekhnicheskogo Universiteta. Sotsialno-Ekonomicheskie Nauki*. 2021; 3. (In Russ.).
7. Ermolaeva P.O., Nagimova A.M., Noskova E.P. et al. *Sotsialny portret naseleniya: metodologiya, osnovnye kharakteristiki* [Social Portrait of Population: Methodology, Main Characteristics]. Kazan; 2014. (In Russ.).
8. Itogi deyatelnosti MVD po RB za yanvar-dekabr 2014 g., yanvar-dekabr 2015 g., yanvar-dekabr 2016 g., yanvar-dekabr 2018 g., yanvar-dekabr 2019 g., yanvar-dekabr 2021 g. [Results of the activities of the Ministry of Internal Affairs in the Republic of Bashkortostan for January-December 2014, January-December 2015, January-December 2016, January-December 2018, January-December 2019, January-December 2021]. URL: <https://02.xn--blaew.xn--plai/slujba/itogi-deyatelnosti>. (In Russ.).
9. Ishchenko E.P. *Novy vek kriminalistiki. Ch. 1.* [New Age of Criminalistics. Part 1]. Moscow; 2017. (In Russ.).

10. Karagodin V.N. *Rassledovanie prestupleniy, sovershennyh v otnoshenii neso-vershennoletnih* [Investigation of Crimes against Juveniles]. Moscow; 2010. (In Russ.).
11. Kochenev M.M., Osipova N.R. *Psikhologiya pokazaniy maloletnih i uchastie psikhologa v doprose* [Psychology of juveniles' testimonies and participation of the psychologist in interrogation]. *Problemy psikhologii v sledstvennoy deyatelnosti*. Krasnoyarsk; 1986. (In Russ.).
12. List F. *Zadachi ugovnoy politiki. Prestuplenie kak sotsialno-patologicheskoe yavlenie* [Tasks of Criminal Policy. Crime as a Social-Pathological Phenomenon]. Sost. i predisl. V.S. Ovchinskogo. Moscow; 2009. (In Russ.).
13. *Molodezh v informatsionno-innovatsionnom obshchestve* [Youth in the Information-Innovation Society]. Pod red. V.N. Stegniya. Perm; 2019. (In Russ.).
14. Molchanov S.V. *Psikhologiya podrostkovogo i yunosheskogo vozrasta* [Psychology of Teenagers and Youth]. Moscow; 2019. (In Russ.).
15. Mudrik A.V. *Sovremenny starsheklassnik* [Contemporary high school student]. *Khrestomatiya po vozrastnoy psikhologii* / Sost. L.M. Semenyuk; pod red. D.I. Feldshteyna. Moscow; 1994. (In Russ.).
16. Neklyudov N.A. *Ugovno-statisticheskie etyudy: Statistichesky opyt issledovaniya fiziologicheskogo znacheniya razlichnyh vozrastov chelovecheskogo organizma po otnosheniyu k prestupleniyu* [Criminal-Statistical Essays: A Statistical Study of the Physiological Significance of Various Ages of the Human Body in Relation to Crime]. Sost. i vstup. st. V.S. Ovchinskogo, A.V. Fedorova. Moscow; 2009. (In Russ.).
17. Petrovsky A.V., Yaroshevsky M.G. *Psikhologiya* [Psychology]. Moscow; 2002. (In Russ.).
18. Poznyshv S.V. *Kriminalnaya psikhologiya: Prestupnye tipy. O psikhologicheskoy issledovaniy lichnosti kak sub`ekta povedeniya voobshche i ob izuchenii lichnosti prestupnika v chastnosti* [Criminal Psychology: Criminal Types. On the Psychological Study of the Personality as a Subject of Behavior in General and on the Study of the Personality of the Criminal in Particular]. Sost. i predisl. V.S. Ovchinskogo, A.V. Fedorova. Moscow; 2010. (In Russ.).
19. Serdyuk L.V. *Semeyno-bytovoe nasilie: kriminologicheskyy i ugovno-pravovoy analiz* [Domestic Violence: Criminological and Criminal-Law Analysis]. Moscow; 2015. (In Russ.).
20. *Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar-dekabr 2012 g.* [The State of Crime in Russia in January-December 2012]. Moscow; 2013. (In Russ.).
21. *Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar-dekabr 2016 g.* [The State of Crime in Russia in January-December 2016]. Moscow; 2017. (In Russ.).
22. *Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar-dekabr 2017 g.* [The State of Crime in Russia in January-December 2017]. Moscow; 2018. (In Russ.).
23. *Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar-dekabr 2019 g.* [The State of Crime in Russia in January-December 2019]. Moscow; 2020. (In Russ.).
24. *Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar-dekabr 2020 g.* [The State of Crime in Russia in January-December 2020]. Moscow; 2021. (In Russ.).
25. *Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar-dekabr 2021 g.* [The State of Crime in Russia in January-December 2021]. Moscow; 2022. (In Russ.).
26. Staroverov V.I., Staroverova I.V. *Deviatsiya pravosoznaniya i pravopovedeniya rossiyskoy molodezhi* [Deviation of Legal Consciousness and Legal Behavior of the Russian Youth]. Moscow; 2008. (In Russ.).
27. Stolyarenko L.D., Stolyarenko V.E. *Psikhologiya i pedagogika* [Psychology and Pedagogy]. Moscow; 2017. (In Russ.).
28. *Sudebnaya meditsina* [Forensic Medicine]. Pod obshch. red. V.V. Tomilina. Moscow; 2000. (In Russ.).
29. Tarde G. *Prestupnik i prestuplenie. Sravnitel'naya prestupnost. Prestupleniya tolpy* [Criminal and Crime. Comparative Crime. Mob Crimes]. Moscow; 2004. (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-374-386

Пути преодоления основных проблем социальной защиты малообеспеченной молодежи (на примере Пензенской области)*

Г.Б. Кошарная, **Л.Ф. Каримова**

Пензенский государственный университет

ул. Красная, 40, Пенза, 440026, Россия

(e-mail: k-galina1@yandex.ru; lyudmila_vyargizova@mail.ru)

Аннотация. В статье рассмотрены причины социального неравенства малоимущих молодых людей, качества и уровня жизни малообеспеченной молодежи на примере Пензенской области. Подчеркивается, что нестабильность современного общества особенно отражается на материальном положении молодых семей — в условиях неопределенности им трудно поддерживать достойный образ жизни. Цель статьи — выявление проблем, сложившихся в системе социальной защиты малообеспеченной молодежи на региональном уровне. Материалом послужили результаты мониторинга, проведенного в 2014, 2016, 2018 и 2020 году для определения основных проблем в области социальной защиты малообеспеченной молодежи в Пензенской области. Использовались количественные (массовый опрос) и качественные (фокус-группы, экспертное интервью) методы, а также данные Федеральной службы государственной статистики по Пензенской области. Выяснилось, что большинство малообеспеченной молодежи придерживается пассивной стратегии в плане повышения своего материального уровня, отличается иждивенческими настроениями по отношению к государству. Основные проблемы социальной защиты молодого поколения в Пензенской области — это неорганизованная система приема документов на подтверждение статуса «малообеспеченного» и назначения социальных пособий и льгот молодым людям; ограниченность действующих программ социальной поддержки молодежи, направленных на улучшение качества жизни молодого поколения; неоправданные ожидания от сложившейся системы социальной защиты у современной молодежи. Выявленное тяжелое материальное положение молодого поколения в регионе объясняет необходимость дальнейшего изучения проблем социальной защиты малообеспеченной молодежи Пензенской области, в частности, неравного доступа к социально-ориентированным программам. Результаты исследования могут быть использованы при разработке региональных и муниципальных программ социальной защиты малообеспеченной молодежи.

Ключевые слова: социальная защита; молодежь; малообеспеченная молодежь; уровень доходов; качество жизни; прожиточный минимум; социально-экономические индикаторы; динамика бедности

В современном обществе все больше людей в силу объективных, не зависящих от них причин не способны обеспечить себя и выйти из трудной

* © Кошарная Г.Б., Каримова Л.Ф., 2022.

Статья поступила 12.10.2021 г. Статья принята к публикации 07.04.2022 г..

жизненной ситуации. К таким категориям, нуждающимся в социальной защите, относятся осиротевшие или оставшиеся без попечения родители дети, выпускники детских домов, малообеспеченные граждане и семьи, одинокие пожилые люди, инвалиды, безработные и т.д. Государство пытается защитить социально-уязвимые слои населения посредством инструментов социальной защиты. Ее основная цель — преодоление состояния малообеспеченности (среднедушевой доход меньше прожиточного минимума), оказание малообеспеченным гражданам материальной помощи и содействие в адаптации незащищенных категорий населения.

В России социальная помощь носит адресный характер, т.е. органы социальной защиты представляют помощь тем категориям граждан, которые признаны нуждающимися, для преодоления их жизненных трудностей. Особое место в системе социальной защиты занимает поддержка молодого поколения, обусловленная как ходом развития российского общества, так и процессами его реформирования: тяжелое материальное положение молодежи усугубляется неразвитостью социальной инфраструктуры, низким уровнем государственных расходов на образование, здравоохранение и бытовое обслуживание, что отрицательно сказывается на социальном благополучии молодежи.

Основная проблема в рамках социальной защиты молодежи состоит в несоответствии между потребностями малообеспеченных молодых людей, их социальным статусом и ожиданиями и реальными возможностями системы социальной защиты, от которой молодежь ожидает удовлетворения своих жизненных потребностей без вложения собственного ресурсного потенциала. Другая проблема социальной защиты малообеспеченной молодежи заключается в преобладании денежных пособий, которые не только не защищают молодежь от материальных трудностей, но и ослабляют ее желание заниматься трудовой деятельностью и самостоятельно решать финансовые проблемы семьи. В результате чем выше уровень социальной защиты, тем активнее молодые люди пытаются получить статус малообеспеченных, не прилагая усилий для самостоятельного преодоления трудного материального положения. Третья, не менее важная проблема, — состояние системы социальной защиты: требования к совершенствованию структуры, функций, видов социальной защиты определены федеральными законами и программами и обязательны для всех регионов страны, но между ними наблюдаются серьезные различия в формировании и распределении ресурсов социальной защиты.

Изучение этих проблем основано на анализе социальной безопасности малообеспеченного населения [12], социальной структуры современного российского общества [1; 10; 24] (в структуре бедной молодежи были выделены бедные, нуждающиеся и малообеспеченные [24. С. 169–171]), социальной защиты бедных слоев населения в зарубежных странах [26; 28; 30; 33; 34], неравенства и социального благосостояния [5; 20; 29; 31], состояния систе-

мы социальной защиты молодежи в регионах Российской Федерации [3; 17], имущественной, социально-классовой дифференциации молодежи [18], роста неравенства доходов [2; 15; 16; 26; 32] и динамики бедности [7; 14]. Эмпирической базой исследования стали результаты мониторинга материального положения малообеспеченной молодежи (2014 год — N = 816; 2016 — N = 382; 2018 — N = 222; 2020 — N = 363), проведенного методом анкетирования среди малообеспеченной молодежи города Пензы и Пензенской области (всего опрошено 1783 респондента). Также были использованы экспертные интервью и метод фокус-групп (проведено 9 фокус-групп) с молодежи 18–25 лет в сентябре 2020 года.

В современной России одной из социально-уязвимых групп, нуждающихся в социальной защите, является молодежь (16–35 лет). Многие молодые люди, как правило, из малообеспеченных семей не способны самостоятельно обеспечить себя жильем, качественным образованием, услугами здравоохранения и отдыхом. Система социальной защиты в России имеет множество форм и механизмов защиты молодых людей от социальных рисков. Однако в последнее время прослеживается тенденция к увеличению числа малообеспеченной молодежи — данная категория увеличивает бедное население страны и снижает уровень и качество жизни молодого поколения.

В соответствии с абсолютным подходом к малообеспеченным относятся молодые люди, которые имеют ежемесячные ресурсы меньше регионального прожиточного минимума, а также молодежь, у которой ресурсов меньше, чем в среднем в обществе. В качестве альтернативы абсолютному подходу П. Таунсенд предложил относительный подход: относительная малообеспеченность — это материальное положение отдельных людей, уровень доходов которых ниже порога бедности (фиксированного среднего дохода); относительная малообеспеченность определялась путем сравнения с «нормальным» уровнем жизни и ощущением ограниченности ресурсов для существования [36]. Неоднозначность оценок уровня и качества жизни молодого населения подтолкнула специалистов Института социологии РАН к разработке стратификационного подхода — на основе критерия жизненных шансов в сфере потребления, учитывающего денежные, имущественные, жилищные ресурсы, а также возможности удовлетворения своих потребностей. Соответственно, уровень и качество жизни современной молодежи можно определить с помощью следующих показателей: субъективные оценки наличия наиболее значимых форм депривации; имущественная обеспеченность; наличие недвижимости; качество жилищных условий; наличие сбережений; использование платных социальных услуг; досуговые возможности (дополнительные расходы) [35. С. 287].

На наш взгляд, наиболее оптимален комплексный метод — когда учитывается несколько социально-экономических индикаторов: доступность пи-

тания, услуг образования и здравоохранения, качество жилищных условий, безопасность жизни и имущества, занятость и условия труда, обеспеченность средствами коммуникации и др. По данным 2014–2020 годов на Рисунке 1 представлена численность малообеспеченной молодежи Пензенской области согласно абсолютному и относительному подходам [23].

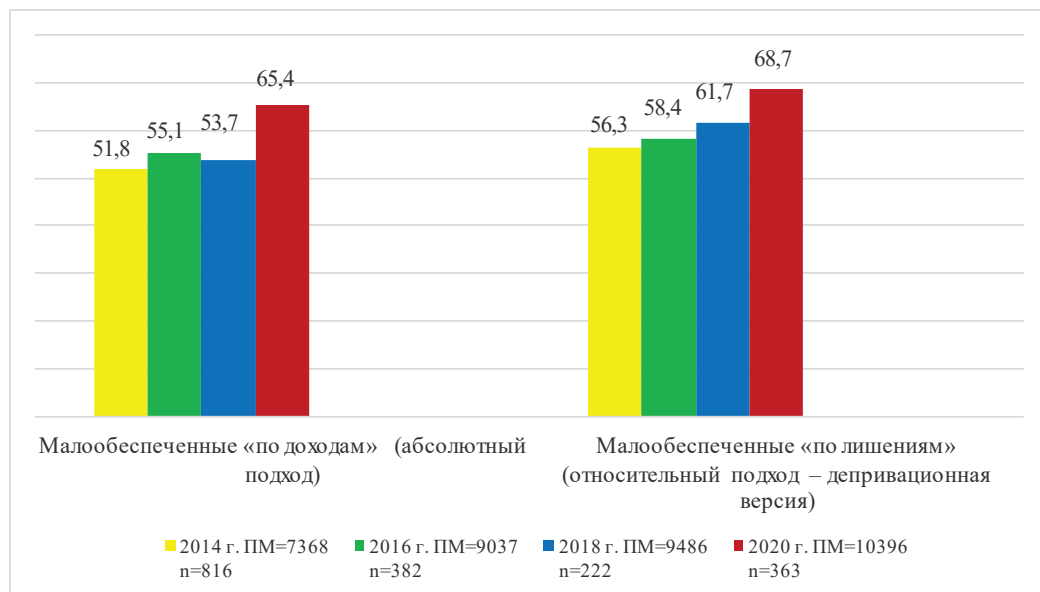

Рис. 1. Динамика численности малообеспеченной молодежи Пензенской области (в %)

Представленные на Рисунке 1 данные показывают, что с 2014 по 2020 годы численность малообеспеченной молодежи в Пензенской области увеличивалась. Для улучшения материального положения многие представители малообеспеченной молодежи со студенческих лет соглашаются на любую занятость. Несмотря на то, что в Пензе функционирует центр занятости молодежи, 65 % малообеспеченных в 2018 году остались без работы, т.е. без средств существования, что усугубило их тяжелое материальное положение. Лишь 36 % были трудоустроены, но, учитывая их материальное положение, доход от трудовой деятельности был минимальным — денег хватало лишь на питание и товары первой необходимости. Минимальная заработная плата молодых людей обусловлена трудовой нестабильностью в регионе, а также их низкой конкурентоспособностью на рынке труда и недостатком трудовых навыков.

Как известно, в рамках социальной защиты молодежи студенты из малообеспеченных семей (очная и бюджетная форма обучения) имеют право на получение социальной стипендии: на ее выплату не влияет успеваемость, а ее размер устанавливается образовательным учреждением в рамках своего стипендиального фонда. В среднем размер социальной стипендии в Пензенской области для студентов вузов составляет от 2700 до 3000 рублей,

но ее получение сопряжено с большими трудностями: в основном это проблемы со сбором большого комплекта необходимых документов (72 %), дополнительные финансовые расходы на проезд (40 %), потеря времени из-за больших очередей (25 %) и отсутствие полной информации о социальной стипендии (15 %).

Обсуждения в фокус-группах подтвердили данные анкетного опроса. Во-первых, все участники фокус-групп подтвердили, что основная сложность при оформлении социальной стипендии — предоставление большого комплекта документов: *«Наша семья во время пандемии из-за тяжелого материального положения приобрела статус “малообеспеченная семья”, и мои родители настояли на том, чтобы я оформил социальную стипендию. Однако при обращении за стипендией с меня затребовали огромный перечень справок. В ходе сбора документов я столкнулся с рядом проблем: пока оформлял одну справку, истек срок действия другой; неудобный для меня как студента график работы социальной службы, в связи с чем приходилось пропускать занятия; кроме потери своих сил и нервов, пришлось привлечь еще и родителей»*. Второе препятствие — дополнительные финансовые расходы на проезд: *«Иногородним студентам приходится затрачивать большие финансовые средства при сборе справок в связи с тем, что неоднократно нужно посещать отделение социальной защиты по месту жительства для документального подтверждения статуса малообеспеченного... Государство в рамках социальной защиты должно автоматически и без пакета документов предоставлять помощь студентам, обратившимся в соответствующие органы»*. В-третьих, молодые люди отметили большие очереди и отсутствие полной информации о возможности получения стипендии: *«Мои одногруппники, проживающие в районных центрах Пензенской области, рассказывали, что в их селах отсутствует Интернет и, следовательно, онлайн-запись на получение необходимых справок, что приводит к большой трате времени и денег... В условиях цифрового общества государство должно обеспечить бесплатным доступом к сети Интернет в первую очередь малообеспеченную молодежь, проживающую в области, чтобы у них была возможность получения дистанционного образования и необходимых социальных услуг»; «Я считаю, что молодежь недостаточно проинформирована о возможных социальных выплатах, особенно впервые получающие статус “малообеспеченного”. Сотрудникам отдела социального управления Пензы следует расширить каналы распространения информации о имеющихся социальных пособиях для молодежи»*.

Для молодежи Пензенской области с 2006 года функционирует региональная программа «Молодая семья»: семьям, поставленным на учет как нуждающимся в увеличении жилья, предоставляются денежные выплаты при покупке нового жилья; молодым семьям из двух человек положено 42 кв. м, трех и более человек — 18 кв. м на каждого. С 2011 по 2019 годы по данной

программе 1244 молодых семей получили помощь в приобретении жилья [8]. В целом показатели жилищной помощи были перевыполнены, но программа не решила жилищные проблемы малообеспеченной молодежи: согласно опросу более половины (59 %) малообеспеченной молодежи не имеют в собственности недвижимость и вынуждены проживать в общежитиях или снимать жилье. Хотя каждый третий (33 %) малообеспеченный молодой человек имеет собственное жилье, это не более 10 кв. м на человека, что не соответствует жилищной норме в 16–18 кв. м на человека в соответствии со статьей 50 Жилищного кодекса РФ. Только 7 % малообеспеченной молодежи имеют в собственности дачу.

Для оказания социальной помощи малообеспеченным и попавшим в трудную жизненную ситуацию молодым семьям в регионе открыт первый детский приют «Серафим». Его цель — создание домашней обстановки, объединение детей в одну большую семью, чтобы помочь им понять, что они не одиноки. Персонал приюта помогает детям адаптироваться в сложных жизненных условиях, пока их родители пытаются найти работу и улучшить материальное положение семьи. Однако некоторые родители перекладывают ответственность за воспитание и содержание своего ребенка на приют — со временем у них складывается представление, что им все должны помогать, в том числе воспитывать их детей.

Иждивенческие настроения малообеспеченной молодежи подтверждают и наши опросные данные: большинство малообеспеченных считают, что без помощи государства прожить невозможно (30 %) или очень сложно (28 %), т.е. даже не пытаются улучшить свое материальное положение, а ждут регулярной помощи от государства; почти каждый четвертый (24 %) отметил, что государство не оказывает помощь, и только 19 % — что в помощи государства не нуждаются. Результаты анкетного опроса были подтверждены данными фокус-групп: *«У меня часто бывают ситуации, когда я одна не в силах купить своим детям полноценное питание, качественную одежду, организовать им отдых. Благодаря помощи государства, родных и друзей мне удается преодолевать сложившиеся трудности материального положения»; «Моя семья никогда не получала помощь и поддержку от государства. У меня нет желания в периодическом оформлении пакета документов и в частом посещении органов социальной защиты».*

Одним из критериев активной стратегии преодоления трудного материального положения является поставленная цель — повышение уровня и качества жизни. На Рисунке 2 представлено распределение малообеспеченной молодежи Пензенского региона в зависимости от цели: «53 % малообеспеченной молодежи Пензы и 69 % молодых людей Пензенской области стремятся жить не хуже, чем большинство семей в их городе. Практически каждый четвертый (22 %) в Пензенском регионе стремится жить лучше, чем большинство семей в его городе. И только малая часть респондентов Пен-

зенской области (7 %) готовы выживать на самом простом уровне и не хотят предпринимать активных действий для повышения материального положения своей семьи» [13. С. 284]. Малообеспеченная молодежь Пензы реже стремится к повышению материального благосостояния своей семьи, чем молодые люди из Пензенской области: лишь 15 % (против 22 %) стремятся «жить лучше, чем большинство семей в моем городе», у 32 % (против 7 %) отсутствует стремление к благополучной жизни — они намерены «выжить на самом простом уровне».

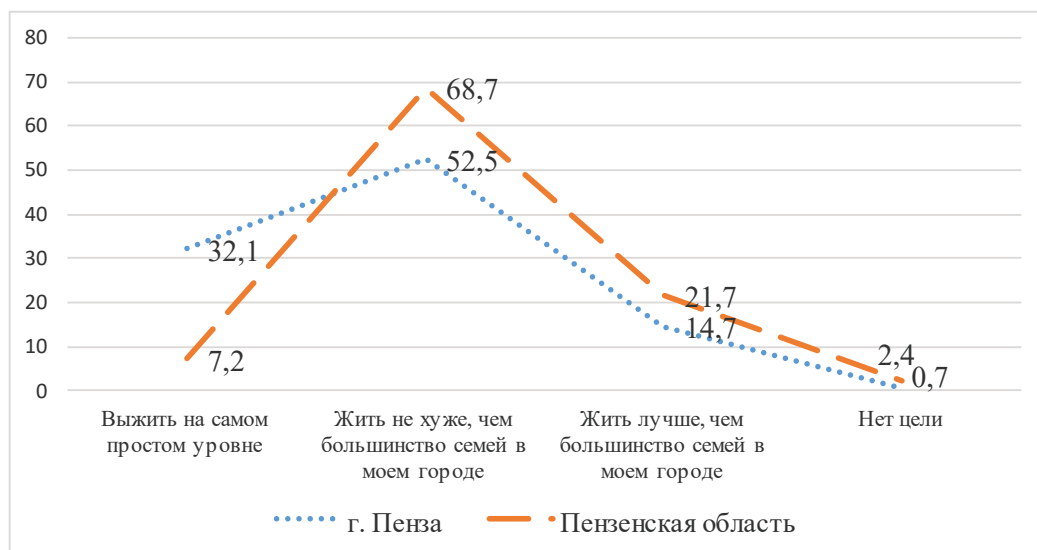

Рис. 2. Распределение малообеспеченной молодежи по целям (в %)

В Пензенском регионе наблюдается увеличение доли малообеспеченных среди молодых женщин. Их бедственное положение связано с тем, что чаще всего после развода детей воспитывает и обеспечивает женщина, а увеличение риска оказаться малоимущей семьей обусловлено наличием несовершеннолетних иждивенцев. Разведенные молодые мамы в одиночку пытаются удовлетворить первостепенные потребности своих детей, и материальное положение ухудшается, если детей двое и больше. В ходе интервью с начальником отдела Социального управления Пензы было подтверждено предположение, что иждивенческая нагрузка — один из ключевых факторов малообеспеченности молодых женщин: *«В последнее время к нам за социальной помощью все чаще обращаются малоимущие женщины, имеющие двух, трех и даже четырех несовершеннолетних детей. Планируя очередного ребенка, женщины переключают свои обязанности и ждут помощь от государства. Молодые мамы думают, что на социальные пособия смогут прожить сами и обеспечить своих детей, но не задумываются, что с увеличением возраста ребенка увеличиваются денежные расходы на его*

воспитание и образование. Следовательно, начисленные социальные выплаты часто не достаточны для удовлетворения даже минимальных потребностей детей». В ходе опроса было выявлено бедственное положение семей с несколькими детьми, т.е. рождение детей повышает риск малообеспеченности как в городе, так и в сельской местности (каждый второй респондент). Таким образом, тяжелое материальное положение — не индивидуальное состояние, а характеристика молодой семьи, особенно монородительской (одинокая молодая женщина с детьми).

Таким образом, мониторинг материального благосостояния с 2014 по 2020 годы позволяет сделать вывод, что в Пензенском регионе увеличилась доля малообеспеченной молодежи, основной целью которой все чаще становится выживание на самом простом уровне, т.е. сокращения численности малообеспеченных молодых людей в ближайшие годы не предвидится. Совершенно справедливо ряд авторов утверждает, что одним из определяющих факторов преодоления тяжелого материального состояния молодых людей является постоянная занятость [5]. Однако молодежь Пензенской области, которая пытается улучшить свое материальное положение посредством трудоустройства, сталкивается с тем, что размер заработной платы минимален и не позволяет существенно улучшить материальное положение. В результате малообеспеченная молодежь все чаще перестает строить планы на улучшение жилищных условий и получение качественных услуг образования и здравоохранения как для себя, так и для своих детей.

Нарастающая пассивность малообеспеченной молодежи становится ответом на пассивность системы социальной защиты, которая проявляется в отсутствии прозрачной и простой схемы подачи документов на подтверждение статуса «малообеспеченного» и назначения положенных социальных пособий и льгот, а также в том, что программы социальной поддержки молодых семей ориентированы не на все категории малоимущей молодежи. С другой стороны, оказываемая социальная поддержка нередко порождает у объективно нуждающейся молодежи необоснованные иждивенческие ожидания. Для их преодоления Министерству труда, социальной защиты и демографии Пензенской области необходимо пересмотреть основания для оказания социальной поддержки молодым семьям, обеспечить адресный характер помощи малообеспеченным семьям и повысить экономическую активность получателей социальных услуг посредством расширения практики заключения социальных контрактов с молодежью — все это поможет противодействовать социальному иждивенчеству молодежи.

Библиографический список

1. Аникин В.А. Социальные классы новой России — неравные и разные // Социологические исследования. 2020. № 2.
2. Беляева Л.А. Доходные неравенства в российском обществе: социальные последствия и проблемы // Вестник Института социологии. 2018. № 3.

3. Берендеева А.Б., Мальшиев Д.М., Берендеева О.С. Программно-целевой подход в решении проблем региональной социально-экономической политики защиты молодежи // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2017. № 4.
4. Глухова М.Ф. К вопросу о развитии благополучия в молодежной среде: меры социальной поддержки молодых семей // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. Т. 16. № 8.
5. Гнатюк М.А., Хоровинников А.А., Самыгин С.И. Проблемы положения российской молодежи на современном рынке труда: определяющие факторы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2018. № 2.
6. Гэлбрейт Д.К. Неравенство: методы оценки // Научные труды Вольного экономического общества России. 2017. Т. 205. № 3.
7. Егорышев С.В., Садыков Р.М., Мигунова Ю.В. Социальные практики питания детей в малообеспеченных российских семьях // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 3.
8. Жилищные сертификаты молодым семьям Предоставление семьям социальных выплат на приобретение или строительство жилья при рождении первого ребенка // URL: <http://www.socsuprenza.ru/catalog/52>.
9. Ибрагимова Э.Ф., Авдеенко А.С., Соболева Е.В. Социально-психологическая работа с малообеспеченными семьями // Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2017. Т. 1. № 2.
10. Голенкова З.Т. Избранные труды. М., 2014.
11. Карачаровский В.В., Шкаратан О.И. Разные цели одного общества // Социологические исследования. 2019. № 1.
12. Козырева П.М., Смирнов А.И. Социальная безопасность среднедоходных групп в России // Вестник Института социологии. 2016. № 4.
13. Кошарная Г.Б., Каримова Л.Ф. Объективные и субъективные факторы социального самочувствия бедного населения (региональный аспект) // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 9.
14. Кошарная Г.Б., Каримова Л.Ф., Корж Н.В. Социально-экономические индикаторы депривации малообеспеченного населения в российском регионе (на примере Пензенской области) // Регионология. 2019. № 3.
15. Лапин Н.И., Ильин В.А., Морев М.В. Экстремальные неравенства и социальное государство (часть 1) // Социологические исследования. 2020. № 1.
16. Лапин Н.И., Ильин В.А., Морев М.В. Экстремальные неравенства и социальное государство (часть 2) // Социологические исследования. 2020. № 2.
17. Малева Т.М., Гришина Е.Е., Цацура Е.А. Региональные системы социальной защиты: как и зачем вводится адресность // Регион: Экономика и социология. 2016. № 4.
18. Медведев А.В. Социальная защита молодежи в Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2009. № 2.
19. Мельников С.В. Социальная защита малообеспеченных слоев населения // Интеллектуальный капитал и инновационное развитие экономики, науки и образования. 2019.
20. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
21. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (Часть 2) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2.
22. Нуруддинова А.Г. Эффективная социальная политика как фактор обеспечения стабильности и развития общества // Наука в современном мире: теория и практика. 2016. № 1.
23. Прожиточный минимум в Пензенской области // URL: <https://mnogodetey.ru/regions/penzobl/prmin>.

24. Российское общество как оно есть: опыт социологической диагностики) / Под ред. М.К. Горшкова. М., 2011.
25. Студенова Е.Г. Социальная защита детей и молодежи в Российской Федерации // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 3–7.
26. Шилкина И.С. Социальное неравенство и бедность в России в свете глобальных трансформаций. М., 2019.
27. Baker Collins S. et al. Resisting the culture of poverty narrative: Perspectives of social assistance recipients // Journal of Poverty. 2020. Vol. 24. No. 1.
28. Barrientos A., Hulme D. (Eds.). Social Protection for the Poor and Poorest: Concepts, Policies and Politics. Springer, 2016.
29. Bourguignon F., Chakravarty S.R. The measurement of multidimensional poverty // Poverty, Social Exclusion and Stochastic Dominance. Springer, 2019.
30. Cobb-Clark D.A., Dahmann S.C., Salamanca N., Zhu A. Intergenerational Disadvantage: Learning about Equal Opportunity from Social Assistance Receipt. Melbourne Institute Working Paper No. 28/17 // URL: <https://ssrn.com/abstract=3053620>.
31. Decancq K., Lugo M.A. Weights in multidimensional indices of wellbeing: An overview // Econometric Reviews. 2013. Vol. 32. No. 1.
32. Kolosnitsyna M., Philippova A. Family Benefits and Poverty: The Case of Russia. Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 03/PSP/2017 // URL: <https://ssrn.com/abstract=2918686>.
33. Nalbandyan A.A. The problem of poverty in Russia in conditions of multifactor economic crisis // RUDN Journal of Economics. 2017. Vol. 25. No. 3.
34. Roelen K. Receiving social assistance in low- and middle-income countries: Negating shame or producing stigma? // Journal of Social Policy. 2020. Vol. 49. No. 4.
35. Tikhonova N.E. Income stratification in Russia in comparison to other countries // Sociological Research. 2018. Vol. 57. No. 5–6.
36. Townsend P. The International Analysis of Poverty. N.Y., 1993.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-374-386

Ways to solve the main problems of social protection of the low-income youth (on the example of the Penza Region)*

G.B. Kosharnaya, L.F. Karimova

Penza State University
Krasnaya St., 40, Penza, 440026, Russia
(e-mail: k-galina1@yandex.ru; lyudmila_vyargizova@mail.ru)

Abstract. The article considers the reasons for the social inequality of the poor youth and for the quality and standard of living of the low-income youth on the example of the Penza Region. The authors emphasize that the instability of the contemporary society especially affects the financial situation of young families — under uncertainty, it is difficult for them to maintain a decent lifestyle. The article aims at identifying the main problems in the system of social protection of the low-income youth at the regional level. The article is based on the results of the monitoring conducted in 2014, 2016, 2018 and 2020 to identify the main problems in the field of social protection of the low-income youth in the Penza Region. The authors used quantitative

* © G.B. Kosharnaya, L.F. Karimova, 2022

The article was submitted on 12.10.2021. The article was accepted on 07.04.2022

(mass survey) and qualitative (focus groups, expert interviews) methods and the data of the Federal State Statistics Service for the Penza Region. It turned out that the majority of low-income young people adhere to a passive strategy in terms of improving their income level and show dependent attitudes towards the state. The main problems of social protection of the youth in the Penza Region are a poor system for accepting documents to confirm the status of ‘low-income’ and providing social benefits to young people; the limited social-support programs for improving the quality of life of the younger generation; unjustified expectations of the youth from the current system of social protection. The revealed difficult financial situation of the youth in the region explains the need for a further study of the social protection system for the low-income youth in the Penza Region, in particular, of unequal access to socially oriented programs. The results of the study can be used for developing regional and municipal programs for the social protection of the low-income youth.

Key words: social protection; youth; low-income youth; income level; quality of life; subsistence level; social-economic indicators; dynamics of poverty

References

1. Anikin V.A. Sotsialnye klassy novoy Rossii — neravnye i raznye [Social classes of new Russia — unequal and different]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 2. (In Russ.).
2. Belyaeva L.A. Dokhodnye neravenstva v rossiyskom obshchestve: sotsialnye posledstviya i problemy [Income inequalities in the Russian society: Social consequences and problems]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2018; 3. (In Russ.).
3. Berendeeva A.B., Malyshev D.M., Berendeeva O.S. Programmno-tselevoy podkhod v reshenii problem regionalnoy sotsialno-ekonomicheskoy politiki zashchity molodezhi [Program-targeted approach in solving issues of the regional social-economic policy for the youth protection]. *Sovremennye Naukoyemkie Tekhnologii. Regionalnoe Prilozhenie*. 2017; 4. (In Russ.).
4. Glukhova M.F. K voprosu o razvitii blagopoluchiya v molodezhnoy srede: mery sotsialnoy podderzhki molodykh semey [On the development of well-being among the youth: Measures of social support for young families]. *Nauchnye Vedomosti Belgorodskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 2011; 16 (8). (In Russ.).
5. Gnatyuk M.A., Khorovinnikov A.A., Samygin S.I. Problemy polozheniya rossiyskoy molodezhi na sovremennom rynke truda: opredelyayushchie factory [The situation of the Russian youth in the contemporary labor market: Determining factors]. *Gosudarstvennoe i Munitsipalnoe Upravlenie. Uchenye Zapiski SKAGS*. 2018; 2. (In Russ.).
6. Galbraith D.K. Neravenstvo: metody otsenki [Inequality: estimation methods]. *Nauchnye Trudy Volnogo Ekonomicheskogo Obshchestva Rossii*. 2017; 205 (3). (In Russ.).
7. Egoryshev S.V., Sadykov R.M., Migunova Yu.V. Sotsialnye praktiki pitaniya detey v maloobespechennyh rossiyskikh semiyah [Social practices of feeding children in low-income Russian families]. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (3). (In Russ.).
8. Zhilishchnye sertifikaty molodym semiyam. Predostavlenie semiyam sotsialnykh vyplat na priobretenie ili stroitelstvo zhiliya pri rozhdenii pervogo rebenka [Housing Certificates for Young Families. Providing families with social benefits for the purchase or construction of housing at the birth of the first child]. URL: <http://www.socuppenza.ru/catalog/52>. (In Russ.).
9. Ibragimova E.F., Avdeenko A.S., Soboleva E.V. Sotsialno-psikhologicheskaya rabota s maloobespechennymi semiyami [Social-psychological work with low-income families]. *Vestnik Soveta molodykh uchenykh i spetsialistov Chelyabinskoy oblasti*. 2017; 1 (2). (In Russ.).
10. Golenkova Z.T. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow; 2014. (In Russ.).
11. Karacharovskiy V.V., Shkaratan O.I. Raznye tseli odnogo obshchestva [Different goals of one society]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2019; 1. (In Russ.).
12. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Sotsialnaya bezopasnost srednedokhodnykh grupp v Rossii [Social security of the middle-income groups in Russia]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2016; 4. (In Russ.).

13. Kosharnaya G.B., Karimova L.F. Ob'ektivnye i sub'ektivnye faktory sotsialnogo samochuvstviya bednogo naseleniya (regionalny aspekt) [Objective and subjective factors of social well-being of the poor population (a regional aspect)]. *Sotsialno-Gumanitarnye Znaniya*. 2016; 9. (In Russ.).
14. Kosharnaya G.B., Karimova L.F., Korzh N.V. Sotsialno-ekonomicheskie indikatory deprivatsii maloobespechennogo naseleniya v rossiyskom regione (na primere Penzenskoy oblasti) [Social-economic indicators of deprivation of the low-income population in the Russian region (on the example of the Penza Region)]. *Regionologiya*. 2019; 3. (In Russ.).
15. Lapin N.I., Ilyin V.A., Morev M.V. Ekstremalnye neravenstva i sotsialnoe gosudarstvo (chast 1) [Extreme inequalities and the social state (part 1)]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 1. (In Russ.).
16. Lapin N.I., Ilyin V.A., Morev M.V. Ekstremalnye neravenstva i sotsialnoe gosudarstvo (chast 2) [Extreme inequalities and the social state (part 2)]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 2. (In Russ.).
17. Maleva T.M., Grishina E.E., Tsatsura E.A. Regionalnye sistemy sotsialnoy zashchity: kak i zchem vvoditsya adresnost [Regional social protection systems: How and why targeting is introduced]. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*. 2016; 4. (In Russ.).
18. Medvedev A.V. Sotsialnaya zashchita molodezhi v Rossiyskoy Federatsii [Social protection of the youth in the Russian Federation]. *Rossiyskiy Yuridicheskiy Zhurnal*. 2009; 2. (In Russ.).
19. Melnikov S.V. Sotsialnaya zashchita maloobespechennykh sloev naseleniya [Social protection of the low-income groups]. *Intellektualny Kapital i Innovatsionnoe Razvitie Ekonomiki, Nauki i Obrazovaniya*. 2019. (In Russ.).
20. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz tsennostnykh oriyentatsiy (Chast 1) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1). (In Russ.).
21. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz strakhov, nadezhd i opaseny (Chast 2) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of fears and hopes (Part 2)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (2). (In Russ.).
22. Nuruddinova A.G. Effektivnaya sotsialnaya politika kak faktor obespecheniya stabilnosti i razvitiya obshchestva [Effective social policy as a factor in ensuring the stability and development of society]. *Nauka v Sovremennom Mire: Teoriya i Praktika*. 2016; 1. (In Russ.).
23. Prozhitochny minimum v Penzenskoy oblasti [Subsistence Level in the Penza Region]. URL: <https://mnogodety.ru/regions/penzobl/prmin>. (In Russ.).
24. *Rossiyskoe obshchestvo kak ono est: opyt sotsiologicheskoy diagnostiki* [Russian Society as It Is: A Case of Sociological Diagnostics]. Pod red. M.K. Gorshkova. Moscow; 2011. (In Russ.).
25. Studenova E.G. Sotsialnaya zashchita detey i molodezhi v Rossiyskoy Federatsii [Social protection of children and youth in the Russian Federation]. *Natsionalnaya Assotsiatsiya Uchenykh*. 2015; 3–7. (In Russ.).
26. Shilkina I.S. *Sotsialnoe neravenstvo i bednost v Rossii v svete globalnykh transformatsiy* [Social Inequality and Poverty in Russia under the Global Transformations]. Moscow; 2019. (In Russ.).
27. Baker Collins S. et al. Resisting the culture of poverty narrative: Perspectives of social assistance recipients. *Journal of Poverty*. 2020; 24 (1).
28. Barrientos A., Hulme D. (Eds.). *Social Protection for the Poor and Poorest: Concepts, Policies and Politics*. Springer, 2016.
29. Bourguignon F., Chakravarty S.R. The measurement of multidimensional poverty. *Poverty, Social Exclusion and Stochastic Dominance*. Springer, 2019.

30. Cobb-Clark D.A., Dahmann S.C., Salamanca N., Zhu A. Intergenerational Disadvantage: Learning about Equal Opportunity from Social Assistance Receipt. Melbourne Institute Working Paper No. 28/17. URL: <https://ssrn.com/abstract=3053620>.
31. Decancq K., Lugo M.A. Weights in multidimensional indices of wellbeing: An overview. *Econometric Reviews*. 2013; 32 (1).
32. Kolosnitsyna M., Philippova A. Family Benefits and Poverty: The Case of Russia. Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 03/PSP/2017. URL: <https://ssrn.com/abstract=2918686>.
33. Nalbandyan A.A. The problem of poverty in Russia in conditions of multifactor economic crisis. *RUDN Journal of Economics*. 2017; 25 (3).
34. Roelen K. Receiving social assistance in low- and middle-income countries: Negating shame or producing stigma? *Journal of Social Policy*. 2020; 49 (4).
35. Tikhonova N.E. Income stratification in Russia in comparison to other countries. *Sociological Research*. 2018; 57 (5–6).
36. Townsend P. *The International Analysis of Poverty*. New York; 1993.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-387-403

Non-verbal signs of personality: Communicative meanings of facial expressions*

F.I. Sharkov^{1,2}, V.V. Silkin², O.F. Kireeva²

¹Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)

Prosp. Vernadskogo, 76, Moscow, Russia, 119454

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Prosp. Vernadskogo, 84, Moscow, Russia, 119454

(e-mail: sharkov_felix@mail.ru; vv.silkin@igsu.ru; kirolga08@list.ru)

Abstract. There is a lot of evidence that most people are capable of recognizing emotions by facial expressions. What information does a facial expression usually provide? Can emotions be shown without facial expressions? Can there be facial expressions without a corresponding emotional state? Are there individual facial expressions? The studies of various aspects of non-verbal communication show both similarities and differences in non-verbal behavior. It is argued that similarities are most evident at the individual level, when the focus is on the objective, formal features of behavior, while differences are more likely to be found when the analysis focuses on the relationship between individuals and interpersonal meanings of behavior. Despite the rapid expansion of research on non-verbal communication, most of it describes simple differences in the display of non-verbal signals. Although they differ in almost every other respect, most facial measurement methods focus on what is seen, on what the researcher can identify when seeing some facial movements. Most of the research methods applied are not sufficient for the study of this complex, multidimensional issue. Like all basic studies of communicative processes, proxemics is more about how than why, and more about structure than content. The article focuses on the question whether non-verbal behavior reflects cultural similarities or differences, and whether different levels of analysis allow to observe both cultural homogeneity and diversity inherent in most acts of non-verbal behavior. The authors consider the data of laboratory experiments on the relationship between emotions and adults' facial expressions: some studies confirm the high consistency between fun and smiling, and from the low to moderate consistency between other positive emotions and smiling. The available evidence on surprise and disgust suggests that these emotions are accompanied by their 'traditional' facial expressions or even some components of such expressions only in a minority of cases. The American anthropologist, one of the founders of kinesics, Birdwhistell introduced this term for the complex study of facial expressions, poses, gait, and visible movements of arms and body. Birdwhistell argues that body language is determined by cultural environment rather than universal genetic programs. Birdwhistell defines kinesics as "the study of body-motion as related to the non-verbal aspects of interpersonal communication". He argues that communication with body motion is systemic, socially learned and communicative unless proven otherwise. The article considers in detail the works and theories of Birdwhistell who often had to admit that some of his ideas were controversial. The authors conclude that Birdwhistell's works have serious mistakes, and other researchers failed to develop his theory of kinesics. Thus, the authors consider the research in this field focusing on the so-called recognition of the communicative meanings of facial expressions.

* © F.I. Sharkov, V.V. Silkin, O.F. Kireeva, 2022

The article was submitted on 23.11.2021. The article was accepted on 23.03.2022.

Key words: emotions; facial expressions; emotional state; non-verbal communication; non-verbal behavior; facial measurement methods; proxemics; cultural similarities and differences; kinesics.

“Image is a form of reflection on an object in the human mind, a visual representation of something. The public forms a certain idea and a specific image of the object of interest”. For instance, an image of the leader is “a representation of this leader, which has developed in the public opinion” [54. P. 413]. All people are born with unique personality traits, and the main ones cannot be changed by external factors. Many personality traits remain stable and change only under serious events and significant social factors. Psychologists focus on the personality development as related to the emergence of individual differences in behavior, which determine the uniqueness of every person. People involved in social relations become social beings while retaining their individuality, and such a double process seems paradoxical. However, this development maintains a balance between the naturally determined personality traits and the socially determined individual changes.

It is no coincidence that for decades sociologists have focused on socialization as a process of internalization of cultural norms and rules of behavior. According to Hurrelmann, socialization as a type of the social development of the individual can be defined as “the process of the emergence, formation, and development of the human personality in dependence on and in interaction with the human organism, on the one hand, and the social and ecological living conditions that exist at a given time within the historical development of a society on the other” [32]. For most people, the term ‘non-verbal communication’ means communication by non-verbal means. In practical communication, verbal and non-verbal means cannot be clearly divided into two separate categories (and in practical interaction one hardly strives to do this). Usually, when speaking of non-verbal behavior, we mean those signals to which a certain meaning can be attributed.

Morphological and social features of the face

Psychological structure of personality determines the most characteristic qualities of a particular person. The combination of such qualities and their parameters constitutes a holistic psychological type of personality. Facial expression is a complex phenomenon that provides the best external and internal feedback from all body parts, which makes it easier to follow certain rules of expression. Not all expressions reflect one emotion, some reflect a mixture of emotions. Sometimes the face expresses certain aspects of an emotion that the person does not actually feel, such as facial marks that are a commentary on the emotion. The question of how often everyday facial expressions are spontaneous reflections remains controversial.

There is sufficient evidence that morphological and social features of the face form signals about personality and behavior. Some people, such as professional card players, practice controlling their facial expressions in order to hide excitement and their feelings. However, it is extremely difficult to completely hide emotions (only

some individuals with distinctive features and special training succeed in this), and facial expressions are a vital part of human communication.

In the study of facial expressions, it is difficult for the observer to decide on whether an expression is artificial or sincere, on the way the face is presented (in films, on photographs, etc.), on the influence of knowledge of the context, etc. Certainly, all these factors can affect the accuracy of identifying facial expressions.

Relationship between facial features and personality traits

The increasing number of research link facial images to personality, because people are able to perceive certain personality traits of each other with a fair degree of accuracy [41]. In addition to emotional expressions and other non-verbal facial behavior forms that inform about psychological processes, the research has revealed that meaningful conclusions about personality traits can be made even from static images of the face with neutral expressions [56]. The results of such studies suggest that people can use signals from each other's faces to adjust communication based on emotional responses and the perceived personality of the interlocutor. Such signals should be informative and repetitive enough to allow recipients to reliably take advantage of the information received.

The research of the objective characteristics of human faces has revealed some relationship between facial morphology and personality traits. For instance, some authors argue that facial symmetry predicts extraversion [50]; another widely used measure is the facial width to height ratio (fWHR), which is related to various personality traits such as achievement [44], cheating [29], dominance [58], aggression [9] and risk taking [61]. The fWHR index ensures reliable results, and the judgmental accuracy suggests that the human perceptual system has evolved to be sensitive to static features such as a relative facial width [25]. The studies based on this index prove that a person with a high fWHR, i.e. with a broad face, is perceived as more aggressive and dominant.

Conversational facial expressions are not just a reflection of emotions but also a means of communication, which involves configurations of the face, eyes, and/or head synchronized with words and other gestures. There are several reasons to believe that there is a relationship between facial image and personality traits. First, the genetic background affects both the face and personality. In addition to shaping the face, genes play a role in the development of various personality traits such as risk taking [8], and the contribution of genes to some traits exceeds that of external factors [45]. Recent studies have shown that some static facial features such as the supraorbital region could have evolved as a means of social communication [26].

The relationship between appearance and personality throughout life has been analyzed in longitudinal studies indicating such effects as 'self-fulfilling prophecy' and 'self-defeating prophecy' [63]. Some personality traits are related to the frequently repeated patterns of emotionally expressive behavior. Habitual emotional

expressions can form static facial features leading to the formation of wrinkles and/or development of facial muscles. The research has identified links between objective features of facial images and general personality traits, because people's faces reflect the full range of continuous personality characteristics embedded in various individual facial features.

The study of relationships between facial images and personality traits faces a number of challenges. First, the number of specific facial features is very large, and some of them are difficult to quantify. Second, the effects of specific facial features tend to be weak and become statistically significant only in large samples. Third, the links between objective facial features and personality traits can be interactive and non-linear. Finally, studies based on the real-life photographs face an additional challenge of the distortion of image characteristics (e.g., head angle, facial expression, make-up, hairstyle, etc.)

Judgments about personality based on the common visual representational system

The holistic approach aims to identify the mechanisms of the human face perception and the ways in which people make judgments about each other's personality. This approach is supported by the research on the human face perception, which proves that faces are perceived and encoded by the human brain in a holistic way [59]. Thus, when people identify others, they do not look at individual parts of the face (eyes, nose, and mouth) as independent pieces of information but consider them together, as a whole [62]. Like face identification, personality judgments involve the extraction of invariant facial markers from the relatively stable characteristics of individual behavior. The evidence suggests that various social judgments can be based on the common visual representational system that includes the holistic processing of visual information [57]. Thereby, although the relationship between isolated facial features and personality traits, which physiognomists have always striven to find, turned out to be weak, contradictory and irrelevant, the holistic approach seems quite acceptable for understanding the relationship between the face and personality.

An additional challenge in the search for relationship between the face and personality is the inconsistency of the personality traits analysis; therefore, many experts are needed for obtaining reliable personality traits' assessments for the analysis of every photograph. However, recent attempts to use the algorithms of machine (electronic) tools have shown that the capabilities of robotic tools can surpass the expert capabilities of humans. For instance, quite recently, the composite approach of partial least squares has been applied to analyze the dense 3D facial images obtained under the controlled conditions, and has revealed a significant relationship with personality traits (stronger for males than females) [40]. A similar approach can be implemented with the advanced machine learning algorithms such as artificial neural networks (ANNs) that can extract and process important features

in a holistic way. Recent studies, based on neural networks to analyze human faces, body poses and behaviors in order to identify obvious personality traits [40], have confirmed that this approach leads to a higher prediction accuracy compared to the results of individual observers.

Do basic emotions evoke predicted facial expressions under non-laboratory conditions? Available studies in naturalistic settings rarely test causation and show a surprisingly little correlation between emotions and their predicted facial expressions. These field data are more consistent with the fact that facial behavior has multiple causes, functions and meanings than support the idea that facial expressions are fixed signals of basic emotions [18].

Various facial expressions of certain emotions

Facial expressions are a central topic for the theory and research of emotions and emotional development. Facial expressions related to emotions play an important role in social interaction. Studies of the emotional facial expressions of infants, children and adults, conducted mainly in the 21st century, provide a basis for future research and allow to make the following conclusions: the early theories of emotional facial expressions, developed in the late 20th century, need significant changes; multimodal coding systems for emotions are more desirable than coding systems that rely solely on facial expressions [7]. Japanese researchers provide additional empirical evidence on the creation of emotional facial expressions, which suggests that the theory of universal, prototypical facial expressions for basic emotions needs to be modified based on empirical data.

In previous theoretical studies conducted in the West, authors argue that there are universal, prototypical facial expressions for basic emotions. However, the results of some Japanese empirical studies that tested the development of emotional facial expressions based on specific scenarios only partially confirm these findings and provide additional empirical indicators for emotional facial expressions. Participants of these studies were asked to make facial expressions for six basic emotions (anger, disgust, fear, happiness, surprise, sadness) in specific scenarios. According to the basic condition of the study, participants were to reproduce photographs of the prototypical facial expressions. The created facial expressions were automatically encoded with the FaceReader in terms of emotion intensity and facial expression units. Unlike photographic studies, in which all target emotions were clearly captured, this scenario revealed the target emotions clearly only for happy and surprised expressions. Thus, the studies with photographs and scenarios showed different emotion-intensity profiles and facial expression units for all expressions tested. These results partially support the theory of universal, prototypical facial expressions for basic emotions and indicate that certain modifications are needed for specific cases [53].

Although many scientists refer to such situations as universal signals of non-verbal communication, spontaneous facial expressions remain partially defined.

Many psychological studies prove that the turned down corners of the mouth, raised chin, and asymmetric brow movements (a combination of raising the inner brow and lowering the brows) express sadness; however, no report has described facial expression patterns under the controlled circumstances — when people experience an unequivocal emotion of sadness.

Japanese researchers conducted a study to collect data on the spontaneous facial expressions of sadness. They recorded the spontaneous facial expressions of a group experiencing sadness during the emotion-revealing task, which required from the participants to recall neutral and sad memories while listening to music. The researchers conducted a detailed analysis of the sad and neutral expressions based on the facial-actions coding system. In the earlier studies, the prototypical facial expressions of sadness were not observed when people experienced sadness as an inner state in non-social circumstances — on the contrary, they expressed tension around the mouth, which can serve as a form of suppression. Moreover, the results show that some facial actions present not only sadness but also other emotions — disgust, fear, anger, and happiness. This study proved that new facial expressions contribute to the experience of sadness as an inner state [47].

Some authors argue that body language can ensure from 60% to 65% of information exchange in communication. If we consider all non-verbal means, including proxemics (distance and placement), the use of silence (pauses), paralanguage (voice volume, speech rate, voice modulations, visual contact, etc.), sound (for example, music), tactile effects and color perception, with non-verbal means we can get up to 80% of information about a person [55]. In some cases, facial expressions can reveal true feelings about a particular situation. For instance, if a person says that he feels good, while his facial expression says otherwise, people will feel insincerity [21]. Facial expression is an inseparable combination of affective information and social signals that influence the behavior of people. Ekman found evidence for the universality of various facial expressions for certain emotions — joy, anger, fear, surprise, and sadness [12]. Fernández-Dols and Crivelli summarized the ongoing debate about the universal recognition of basic emotions for both predefined and spontaneous facial expressions [16].

Eyes are often called the ‘windows to the soul’, because they can tell a lot about what we feel or think. When an interlocutor starts a conversation with another person, eye tracking is a natural and important part of communication. Some common noticeable signs include whether people make a direct eye contact or look away, how often they blink, and whether their pupils are dilated. When assessing body language, we should focus on the eyes’ signals: gaze — if a person looks directly into your eyes during your conversation, this indicates that he is interested and pays attention. However, a prolonged eye contact may seem threatening; on the other hand, breaking eye contact and frequent looks away indicate that a person is distracted, uncomfortable or trying to hide his true feelings [10]. Blinking is a completely natural process that can be caused by an eyewinker. However, the

interlocutor should pay attention to whether the person blinks too often or too rarely. People often blink faster when they feel upset or uncomfortable; too rare blinking indicates that a person is deliberately trying to control his eyes' movements [46]. For instance, poker players learn to blink less when trying to appear unperturbed about their cards. Pupil size is a very subtle non-verbal communication sign. Dilation or contraction of the eyes' pupils is a natural reaction to a change in illumination. However, a person can control pupil dilation so that emotions cause smaller changes in the pupil size. Greatly dilated eyes indicate that a person is interested or even excited [38].

Smile is one of the most expressive signs of body language, but smiles can be interpreted in different ways including sincere joy, false happiness, sarcasm and even cynicism. Brannigan and Humphries [5] identified 9 types of smiling (different forms and degrees of intensity), many of which occur in mutually exclusive situations. Ekman and Friesen used an anatomical coding system to identify over 100 types of human smiles [13].

Let us consider possibilities of generalizing the forms of the social context influence on facial expressions in response to negative stimuli, and assess whether these effects are mediated by social motives, and how this is consistent with behavioral ecology. Evidence for the 'behavioral ecology interpretation' [22] of human facial expressions comes mainly from studies of smiling in response to positive emotional stimuli. Smile can be considered a special case, because it clearly can and often does perform a communicative function.

To assess the generalizability of the social context influence on facial expressions in response to negative emotional stimuli and whether these effects are mediated by social motives (according to behavioral ecology), Jacobs, Manstead and Fischer conducted an experiment. Pairs of friends or strangers watched videos of varying degrees of sad impact; the control group participated in the experiment by watching videos being alone. The dependent variables included facial expressions, subjective emotions, and social motives. The manifestations of sadness depended on the intensity of stimuli and were lesser in all social conditions than when being alone. Surprisingly, the social context effects were identified for smiling [37].

Do basic emotions evoke predicted facial expressions under non-laboratory conditions? The available studies in naturalistic settings rarely check causation but show surprisingly little correlation between emotions and their predicted facial expressions. Field data are more consistent with the fact that facial behavior has multiple causes, functions and meanings than with its interpretation as fixed signals of basic emotions. At the Olympic Games, gold medalists were filmed twice: behind the pedestal of honor where no one could see them, and on the pedestal of honor in front of the flag and listening to the national anthem (looking at the public and important people) [17]. Despite the fact that the feeling of joy hardly had time to change much from shot to shot, the winners smiled the most in the second situation, which proves that facial expressions are determined not only by feelings at a given time.

Reizenzein, Studtmann and Horstmann considered the data of laboratory experiments on the relationship between adults' emotions and facial expressions. Several studies proved high consistency of fun and smiling, and low to moderate consistency of other positive emotions and smiling. The available evidence on surprise and disgust suggests that these emotions are accompanied by their 'traditional' facial expressions. The evidence on sadness, anger and fear is very limited. For instance, one study shows that in specific situations, there can be high consistency of emotional expression for sadness but not for anger and fear. Insufficient intensity of emotions and suppression of facial expressions do not seem to explain the observed dissociations between emotions and facial expressions that are determined rather by basic emotions common to many people (i.e., innate behavior with functional value from the evolutionary past). The simplest empirical test is the study of how facial expressions develop [51].

Arguments for naturalistic research

Laboratory experiments are often used to study facial expressions because they facilitate observation of causality by placing many participants in an identical situation, obtaining self-reports of emotions, recording facial behavior in a consistent and often unobtrusive way, and creating situations that minimize participants' motivation to hide their facial expressions. On the other hand, laboratory experiments have serious limitations: for instance, when examining manifestations of grief, it is difficult for participants to endure an hour of testing. Ethical and practical considerations determine limitations for the study of happiness, fear, sadness, and anger.

Naturalistic studies allow to assess the ecological frequency of specific emotions and facial expressions and their co-occurrence without the experimenter's intervention. The advantages of the naturalistic approach also include the study of strong and lasting emotions in situations that cannot be created in the laboratory. Experimental results should be supported by naturalistic studies to ensure reliable conclusions. When conducting such studies, researchers check the joint appearance of facial expressions and emotions. Certainly, naturalistic studies also have limitations: they are often considered 'dirty', because their situations are rarely identical for all participants, there are no self-reports of emotions, and recording of facial expressions is fragmentary and complicated. Thus, available studies in naturalistic settings rarely test causality, and such field data are more consistent with facial behavior as having multiple causes, functions and meanings rather than being fixed signals of basic emotions [18].

Naturalistic studies confirm that facial expressions can be influenced by the audience even when we are completely alone and behave 'naturally', because even in such moments we can imagine social interaction. For instance, Fridlund [22] found out that people watching a pleasant movie smiled more when they watched the movie with friends than when they were alone; and people who

watched a pleasant movie alone but knew that their friends were also watching it in the next room also smiled more than those who watched the movie alone. Thus, the imaginary presence or emotions of other people can stimulate or contribute to particular facial expressions.

Most studies of smiles focus on the role of the social-context information in emotion classification, such as whether a display is perceived as belonging to a specific type of emotion, like whether the influence of context extends to the interpretation of emotional expressions (smiles) as posed or spontaneous manifestations of underlying positive emotions. “A between-subjects design (N = 93) was used to investigate the perception and recall of posed smiles, presented together with a happy or polite social context scenario. Results showed that smiles seen in a happy context were judged as more spontaneous than the same smiles presented in a polite context. Also, smiles were misremembered as having more of the physical attributes (i.e., Duchenne marker) associated with spontaneous enjoyment when they appeared in the happy than polite context condition. Together, these findings indicate that social context information is routinely encoded during emotion perception, thereby shaping the interpretation and recognition memory of facial expressions” [43].

One of the most complex and amazing mechanism of facial expressions consists of the types of smiles. The common basis of all smiles is the so-called zygoma major muscle which stretches lips when we smile. Ekman showed that the frequency, duration and intensity of the zygoma major muscle activity differed in facial expressions for two ‘joyful’ films depending on how happy people felt while watching them [14]. However, other muscles play a decisive role in understanding the real meaning of smiling.

Recently, researchers have challenged the previous assumptions that facial expressions follow specific emotional events and relate to other specific emotional responses. We consider these issues by comparing spontaneous expressions of anger, sadness, laughter and smiling with the simultaneous ‘online’ assessment topics based on narrative data, and by examining whether the consistency between facial expression and assessment components depends on an increase in emotional feeling. According to the statement that emotional systems are weakly interconnected, expressions of anger and sadness coincided moderately with the expected assessment topics, and when they did the emotional feeling was stronger. The results for positive emotions were more complex, but they confirm the hypothesis that laughter and smiling are different: smiling correlates with pride but never with anger estimates; on the contrary, laughter was more often accompanied by anger estimates, which is consistent with the recent evidence linking laughter with the dissociation or eradication of negative emotions [4].

Mouth expressions and movements are also important when interpreting body language. For instance, chewing of the lower lip indicates that a person feels anxiety,

fear or insecurity. Covering one's mouth may be an attempt to be polite if a person yawns or coughs, but it can also be an attempt to hide disapproval.

When evaluating body language, we should pay attention to the following mouth and lip signals: pursed lips can be a sign of disgust, disapproval or distrust; people sometimes bite their lips when they are worried, anxious or stressed; when people want to hide an emotional reaction, they cover their mouth to avoid showing smiles or smirks; small changes in the mouth can be subtle indicators of what a person feels — when the mouth is slightly raised, it indicates that a person feels happy or optimistic, while a slightly drooping mouth can be an indicator of sadness, disapproval or even an obvious grimace.

Facial dynamics: communication messages

In a normal turn-by-turn conversation, there are situations when the communicator wants to emphasize, amplify, minimize or refute a message. Such signals can be given by both the speaker and the listener. For instance, a sad verbal message may require an additional emphasis made by the eyebrow movement that usually accompanies expressions of sadness; smiling can soften the message; the OK gesture can be accompanied by a wink which leaves no doubt in approval.

Ekman and Friesen [13] introduced the term 'facial emblems' which, like other gesture-emblems, can be clearly decoded. Facial emblems differ for certain emotional expressions, especially when someone tries to talk about an emotion showing that he does not really feel it. Facial emblems usually appear in the context that does not contribute to the actual emotional expression; facial emblems usually have a longer or shorter duration than real expressions; for facial emblems, as a rule, only one part of the face is used.

People of different cultures express their emotions in different ways and, accordingly, people from other cultures interpret them in their own way. Ekman argues that there are universal facial expressions for certain basic emotions, which are interpreted in the same way in all cultures [36]. Facial expressions were studied by Ekman, Sorenson and Friesen [15] who refute the thesis that facial expressions are completely determined by social factors. When a person drops his jaw and leaves his mouth open for a while (without other signs of surprise), this means that he is dumbfounded by what he heard. Dilated eyes (without other signs of surprise or fear) can show the same — as if saying 'Wow!'. If a person wrinkles his nose or raises his upper lip, he non-verbally expresses disgust.

Facial movements play an important role in the conversation control [1]. The most common function of facial movements is syntactic (display). Syntactic facial signs act as symbols of words and sentences; they help to organizationally structure the dialogue by marking its beginning, end, resumption, continuation, and underlining. Raising or lowering eyebrows is the main syntactic signal. Facial signs of the speaker, which are directly related to the content of the message, are called semantic signals/display and can be supplemented by verbal signs

or additional verbal comments (personal reactions). The listener's reactions are also reflected in the face: these are primary facial signals facilitating the flow of communication and including personal reactions and signs in the form of mimicry. Although all this information provides a general overview of how the face is used to manage communication, it does not fully reflect the complexity required for analysis.

Face and hand gestures often occur together creating a single visual image as an ensemble of gestures and speech. The analysis of semantic features shows how speakers adjust the use of visible and audible expressive resources to the context. Speakers who communicate face-to-face (compared to speakers who do not see their addressee) rely more on face and hand gestures than on words to describe the key semantic features, and their gestures are more likely to explain information that was not in the words [1].

Face and expression of emotions: Darwin and followers

The intellectual roots of the contemporary interest in facial expressions can be found in the middle of the 19th century. Charles Darwin's *The Expression of the Emotions in Man and Animals* [11], not as famous as his other works on natural selection, became the most important theoretical and empirical study of facial expressions. For Darwin, the study of emotional expressions was closely related to his theory of evolution, since he believed that the ability to communicate with non-verbal signals had developed in the same way as brain and skeleton. When climbing the phylogenetic ladder, the face becomes more mobile. Most animals' face is a fixed mask, while already primates have a greater variety of facial expressions. Darwin considered it extremely important to document similarities of emotional expressions in different animal species and in different human cultures, as this confirms his theory of evolution. Darwin suggested that the orbicularis oculi muscle (responsible for wrinkles in the eyes' corners), which is not involved in the fake or mechanical smile, is involved in the 'sincere' or really happy smile. "The idea of innate and universal facial expressions that have links with human emotions was given the status of scientific hypothesis by Darwin (1872/1965). Substantial evidence, old and new, supports his hypothesis" [35].

Darwin's followers explore several features of the face, including the judgments analysis, i.e., what meanings observers attribute to various facial expressions and movements of facial muscles, and also facial expressions that can enhance reflection of emotions. One tradition, dating back to Darwin and now associated with the works of Ekman and Izard [36], emphasizes the close relationship between facial expressions and emotions as having the biological basis. This approach determined the development of very ambitious cross-cultural research programs on facial expressions recognition. According to this theory, simply stated, a particular emotion always produces a particular expression (generated by a single muscular movement or a complex set of movements), and vice versa, a certain expression means that

a specific emotion is being experienced at a given moment. Thus, according to Ekman and Izard, facial expression is always a reflection of the inner state.

However, there are reasons to consider this simplified approach with a certain degree of skepticism, because people can simulate emotions by deliberately creating certain facial expressions. In the late 1990s, Kraut and Johnston [42] found out that after a good throw, bowlers smiled much more when they looked at their friends than when they were still looking at the pins. Football fans watching the game on TV smile at the best moments of the game much more when in direct contact with friends; when being alone, their faces express several emotions not observed under the direct contact [19].

The research shows that the intensity of facial ‘motor imitation’ — an expression of what another person is feeling (for instance, we wince when someone pinches his finger, our facial expression changes when a friend tells about a miraculous escape of death) — reduces when no one can see our facial expressions [2]. If an infant expects to make an eye contact with his mother, he is more likely to smile; if he does not expect such an eye contact, he will not smile [39].

According to Fridlund’s ecological theory, facial expressions are never purely emotional, on the contrary, they always serve certain social purposes [22]. Spontaneous emotional expressions are not of the evolutionary origin, because they often serve interests of other people rather than interests of the person himself (for example, emotional expressions provide him with the ability to deceive). Fridlund’s hypothesis (facial expressions should inform not just show) is confirmed by many examples of functional expressive behavior in the animal world and by observations of human interaction.

However, most authors seem to disagree with the idea that facial expressions are not purely emotional. The fact that the audience can have an opposite effect (i.e., people can be less emotionally expressive in the presence of others) suggests that people prefer to suppress some spontaneous emotional reactions, i.e., facial expressions do not always have a social-consumer orientation. To check the correspondence of facial expressions to inner emotional states, we can compare studies in which expressions were manifested in various social situations. Another way is to compare expressions with a certain indicator of emotions; however, when this method was used in the experiment (participants were asked to describe their emotions while watching neutral and scary parts of the film), there was almost no correspondence [20] — the expressions of only 2 out of 35 respondents theoretically corresponded to the emotions experienced, and 3 participants’ facial expressions did not correspond at all to the emotions they described.

“Cross-cultural and laboratory research indicates that some facial expressions of emotion are recognized more accurately and faster than others. We assessed the hypothesis that such differences depend on the frequency with which each expression occurs in social encounters. Thirty observers recorded how often they saw different facial expressions during natural conditions in their daily life. For

a total of 90 days (3 days per observer), 2,462 samples of seen expressions were collected. Among the basic expressions, happy faces were observed most frequently (31%), followed by surprised (11.3%), sad (9.3%), angry (8.7%), disgusted (7.2%), and fearful faces, which were the least frequent (3.4%). A significant amount (29%) of non-basic emotional expressions (e.g., pride or shame) were also observed. We correlated our frequency data with recognition accuracy and response latency data from prior studies. In support of the hypothesis, significant correlations (generally, above 0.70) emerged, with recognition accuracy increasing and latency decreasing as a function of frequency. We conclude that the efficiency of facial emotion recognition is modulated by familiarity of the expressions” [6].

Too many works focus on the measurement of non-verbal signs of the personality image, while this article considers the communicative meanings of facial expressions. We use our faces as regulators to open or close communication channels, complement or change the behavior of others, and replace verbal messages. Face is a multi-signal system capable of informing about personality, one’s interests and sensitivity in interaction, emotional state, and wish to present oneself to others. Although we know that people relate personality traits to certain facial expressions and features, laboratory studies do not provide clear answers to the questions that arise. Observations of spontaneous expressions (without the researcher’s intervention) indicate the possibility of their accurate recognition. Thus, certain emotions are not a necessary or sufficient condition for certain spontaneous expressions.

The accuracy of facial expressions’ recognition is quite high for prototypical expressions. Moreover, in different cultures, people accurately identify basic emotions: fear, disgust, sadness, happiness, surprise, and contempt. The psychophysiological approach clarified our understanding of facial behavior. People with more expressive faces (compared to less expressive ones) have less active nervous systems; and this observation has medical implications. Under certain conditions, facial expressions can affect emotions, i.e., face not only expresses emotions but also produces them. Studies of the smallest facial movements show that people subconsciously repeat expressions of other people, even if such expressions are too fleeting for conscious perception. Researchers are learning increasingly more about how the brain and nervous system work with different emotions, and the research results prove that facial expressions can have a significant impact on people in social interaction.

References

1. Bavelas J., Gerwing J., Healing S. Including facial gestures in gesture-speech ensembles. *From Gesture in Conversation to Visible Action as Utterance: Essays in Honor of Adam Kendon*. John Benjamins Publishing Company; 2014.
2. Bavelas J.B., Black A., Lemery C.R., Mullet J. “I show how you feel”: Motor mimicry as a communicative act. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986; 50.

3. Birdwhistell R.L., Goffman E., Hymes D. Kinesics and context: Essays on body motion communication. *Conduct and Communication Series*, no 2, ed. by E. Goffman, D. Hymes. Philadelphia; 1970.
4. Bonanno G., Keltner D. The coherence of emotion systems: Comparing ‘online’ measures of appraisal and facial expressions, and self-report. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Coherence-between-Emotion-and-Facial-Expression%3A-Reisenzein-Studtmann/959534c2a593fc7053badfb037d0252f5557141e>.
5. Brannigan C.R., Humphries D.A. Human non-verbal behavior, a means of communication. N. Blurton Jones (Ed.). *Ethological Studies of Child Behavior*. London; 1972.
6. Calvo M.G., Gutiérrez-García A., Fernández-Martín A., Nummenmaa L. Recognition of facial expressions of emotion is related to their frequency in everyday life. *Journal of Nonverbal Behavior*. 2014; 38 (4).
7. Camras L.A. Facial expressions across the lifespan. V. LoBue, K. Perez-Edgar, K. Buss (Eds.). *Handbook of Emotional Development*. Cham; 2019.
8. Carpenter J.P., García J.R., Lum J.K. Dopamine receptor genes predict risk preferences, time preferences, and related economic choices. *Journal of Risk and Uncertainty*. 2011; 42.
9. Carré J.M., McCormick C.M., Mondloch C.J. Facial structure is a reliable cue of aggressive behavior: Case report. 2009. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2009.02423.x>.
10. D’agostino T.A., Bylund C.L. Non-verbal accommodation in health care communication. *Health Communication*. 2014; 29 (6).
11. Darwin C.R. *The Expression of the Emotions in Man and Animals*. London; 1872.
12. Ekman P. Darwin’s contributions to our understanding of emotional expressions. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2009; 364.
13. Ekman P., Friesen W.V. *A New Pan-Cultural Facial Expression of Emotion*. San Francisco; 1986.
14. Ekman P., Friesen W.V., Ancoli S. Facial signs of emotional experience. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1980; 56.
15. Ekman P., Sorenson E.R., Friesen W.V. Pan-cultural elements in facial displays of emotions. *Science*. 1969; 164.
16. Fernández-Dols J., Crivelli C. Recognition of Facial Expressions: Past, Present, and Future Challenges. 2015. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Recognition-of-Facial-Expressions%3A-Past%2C-Present%2C-Fern%C3%A1ndez-Dols-Crivelli/4b90956e738cca9cd0a713b034282b9a73947d0c>.
17. Fernández-Dols J.-M., Crivelli C. Emotion and expression: Naturalistic studies. *Spain Emotion Review*. 2013; 5 (1).
18. Fernández-Dols J.-M., Crivelli C. Naturalistic Studies. Emotion and Expression. *Emotion Review*. 2013; 5 (1).
19. Fernández-Dols J.M., Ruiz-Belda M.A. The psychology of facial expression. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997; 2.
20. Fernández-Dols J.M., Sánchez F., Carrera P., Ruiz-Belda M.A. Are spontaneous expressions and emotions linked? An experimental test of coherence... A default mode of brain function. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 1997; 98.
21. Foley G.N., Gentile J.P. Non-verbal communication in psychotherapy. *Psychiatry*. 2010; 7 (6).
22. Fridlund A.J. The new ethology of human facial expressions. J.A. Russell, J.M. Fernandez-Dols (Eds.). *The Psychology of Facial Expression*. Oxford; 1997.
23. Fridlund A.J. The sociality of solitary smiles: Effects of an implicit audience. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991; 60: 229-240.
24. Fridlund A.J. *Human Facial Expression. An Evolutionary View*. New York; 1994.
25. Geniole S.N., McCormick C.M. Facing our ancestors: Judgements of aggression are consistent and related to the facial width-to-height ratio in men irrespective of beards. *Evolution and Human Behavior*. 2015; 36.
26. Godinho R.M., Spikins P., O’Higgins P. Supraorbital morphology and social dynamics in human evolution. *Nature Ecology and Evolution*. 2018; 2.

27. Hall E., Birdwhistell R. Proxemics [and comments and replies]. *Current Anthropology*. 1968; 9 (2/3).
28. Hall E.T. *The Silent Language*. Garden City; 1959.
29. Haselhuhn M.P., Wong E.M. Bad to the bone: Facial structure predicts unethical behavior. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2012; 279.
30. Hu S. et al. Signatures of personality on dense 3D facial images. *Scientific Reports*. 2017; 73 (7).
31. Hurrelmann K. *Human Development and Health*. New York; 1989.
32. Hurrelmann K. *Social Structure and Personality Development*. New York; 1988 (2009).
33. Hurrelmann K., Bauer U. *Socialization during the Life Course*. London — New York; 2018.
34. Index fWHR for the personality face and character. URL: <https://propofiling.com/fwhr>.
35. Izard C. Innate and universal facial expressions: Evidence from developmental and cross-cultural research. 1994. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Brief-Report-The-coherence-of-emotion-systems%3A-of-Bonanno-Keltner/2869314ec7ffc32e509e6abdcdbed5b8caa559f3?sort=relevance&citedPapersSort=relevance&citedPapersLimit=10&citedPapersOffset=10>.
36. Izard C., Ekman P. *Psychology 2040A/B Study Guide*; 2018.
37. Jakobs E., Manstead A., Fischer A. 2001. Social context effects on facial activity in a negative emotional setting. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Coherence-between-Emotion-and-Facial-Expression%3A-Reisenzein-Studtmann/959534c2a593fc7053badfb037d0252f5557141e>.
38. Jiang J., Borowiak K., Tudge L., Otto C., von Kriegstein K. Neural mechanisms of eye contact when listening to another person talking. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*. 2017; 12 (2).
39. Jones S., Collins K., Hong H. An audience. effect on smile production in ten-month-old infants. *Psychological Science*. 1991; 2.
40. Junior J.C.S.J. et al. First impressions: A survey on computer vision-based apparent personality trait analysis. 2018. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/First-Impressions%3A-A-Survey-on-Computer-Apparent-Jacques-G%C3%BC%C3%A7%C3%BCt%C3%BCrk/6c964e59bdac6b8044993ca96b47a9a0addedfb8>.
41. Kramer R.S.S., King J.E., Ward R. Identifying personality from the static, nonexpressive face in humans and chimpanzees: Evidence of a shared system for signaling personality. *Evolution and Human Behavior*. 2011; 32 (3).
42. Kraut R., Johnston R. Social and emotional messages of smiling: An ethological approach. 1979. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Social-and-emotional-messages-of-smiling%3A-An-Kraut-Johnston/bad0fb1225b8e4b98fbb89ca45488a9aa5fd4a5>.
43. Krumhuber E.G., Hyniewska S., Orłowska A.B. Contextual effects on smile perception and recognition memory. 2021. URL: 10.1007/s12144-021-01910-5 2021.
44. Lewis G.J., Lefevre C.E., Bates T. Facial width-to-height ratio predicts achievement drive in US presidents. *Personality and Individual Differences*. 2012; 52.
45. Livesley W.J., Jang K.L., Vernon P.A. Phenotypic and genetic structure of traits delineating personality disorder. *Archives of General Psychiatry*. 1998; 55 (10).
46. Marchak F.M. Detecting false intent using eye blink measures. *Frontiers in Psychology*. 2013; 4.
47. Namba Sh., Kabir R., Miyatani M., Nakao T. Spontaneous facial expressions reveal new action units for the sad experiences. *Journal of Nonverbal Behavior*. 2017; 41.
48. Namba S., Kabir R.S., Miyatani M., Nakao T. Dynamic displays enhance the ability to discriminate genuine and posed facial expressions of emotion. *Frontiers in Psychology*. 2018; 9.
49. Nelson N.L., Mondloc C. Adults' and children's perception of facial expressions is influenced by body postures even for dynamic stimuli. *Visual Cognition*. 2017; 25 (4-6).
50. Pound N., Penton-Voak I.S., Brown W.M. Facial symmetry is positively associated with self-reported extraversion. *Personality and Individual Differences*. 2007; 43.

51. Reisenzein R., Studtmann M., Horstmann G. Coherence between emotion and facial expression: Evidence from laboratory experiments. *Emotion Review*. 2013; 5 (1).
52. Russell J.A. Is there universal recognition of emotion from facial expressions? A review of the cross-cultural studies. *Psychological Bulletin*. 1994; 115 (1).
53. Sato W., Hyniewska S., Minemoto K., Yoshikawa S. Facial expressions of basic emotions in Japanese laypeople. *Frontiers in Psychology*. 2019; 10.
54. Sharkov F.I. *Communicology. Encyclopedic Dictionary-Reference Book*. Moscow; 2009.
55. Sharkov F.I. *Management without Words Manual. Non-Verbal Means of the Manager*. Cheboksary; 1998.
56. Shevlin M., Walker S., Davies M.N.O., Banyard P., Lewis C.A. Can you judge a book by its cover? Evidence of self-stranger agreement on personality at zero acquaintance. *Personality and Individual Differences*. 2003; 35 (6).
57. Todorov A., Loehr V., Oosterhof N.N. The obligatory nature of holistic processing of faces in social judgments. *Perception*. 2010; 39 (4).
58. Valentine K.A., Li N.P., Penke L., Perrett D.I. Judging a man by the width of his face: The role of facial ratios and dominance in mate choice at speed-dating events. *Psychological Science*. 2014; 25.
59. Van Belle G., De Graef P., Verfaillie K., Busigny T., Rossion B. Whole not hole: Expert face recognition requires holistic perception. *Neuropsychologia*. 2010; 48 (9).
60. Wang Y., Kosinski M. Deep neural networks are more accurate than humans at detecting sexual orientation from facial images. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2018; 114.
61. Welker K.M., Goetz S.M.M., Carré J.M. Perceived and experimentally manipulated status moderates the relationship between facial structure and risk-taking. *Evolution and Human Behavior*. 2015; 36 (6).
62. Young A.W., Hellawell D., Hay D.C. Configurational information in face perception. *Perception*. 2013; 42 (11).
63. Zebrowitz L.A., Collins M.A., Dutta R. The relationship between appearance and personality across the life span. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1998; 24.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-387-403

Невербальные признаки образа личности: коммуникативные значения выражений лица*

Ф.И. Шарков^{1,2}, В.В. Силкин², Киреева О.Ф.²

¹Московский государственный институт международных отношений
просп. Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия

²Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
просп. Вернадского, 84, Москва, 119606, Россия

(e-mail: sharkov_felix@mail.ru; vv.silkin@igsu.ru; kirolga08@list.ru)

Аннотация. Существует множество свидетельств, что большинство людей вполне способны распознавать эмоции по лицу. Какую информацию обычно передает выражение лица? Могут ли проявляться эмоции без изменения выражения лица? Могут ли на лице отражаться эмоциональные признаки при отсутствии соответствующего эмоционального состоя-

* © Шарков Ф.И., Силкин В.В., Киреева О.Ф., 2022

Статья поступила 23.11.2021 г. Статья принята к публикации 23.03.2022 г.

ния человека? Существуют ли индивидуальные отличительные выражения эмоций на лице? На эти вопросы авторы стараются ответить в статье. Анализ результатов исследований различных аспектов невербальной коммуникации показывает наличие как сходств, так и различий в проявлениях невербального поведения. Считается, что сходства наиболее очевидны, когда анализ проводится на уровне индивида и основное внимание уделяется объективным, формальным свойствам поведения; различия с большей вероятностью обнаруживаются, когда анализ проводится на уровне отношений между индивидами, т.е. акцент делается на межличностном значении поведения. Несмотря на то, что они отличаются почти во всех других отношениях, большинство методов измерения выражений лица сосредоточены на том, что видно, что исследователь может различить, когда видит движение лица. Как и все базовые исследования коммуникативного процесса, проксемика больше связана с как, чем почему, и со структурой, нежели с содержанием. Статья фокусируется на вопросе, отражает ли невербальное поведение культурные сходства и различия. Учет уровней анализа позволяет наблюдать как культурную однородность, так и разнообразие, присущее большинству актов невербального поведения. В статье рассмотрены данные лабораторных экспериментов, оценивающих взаимосвязи между эмоциями и выражениями лица у взрослых. В последние десятилетия исследования невербальной коммуникации начали смещаться от описания того, что делают разные люди, к более систематическому анализу контекстуальных аспектов невербального поведения, поскольку межкультурные недопонимания часто бывают следствием незнания элементарных основ языка тела, в частности физиогномики. Американский антрополог, один из основателей кинесики, Р. Бердвистел считал, что язык тела большей частью определяется культурной средой, а не универсальными генетическими программами, и в статье разбираются работы Бердвистела, в частности, часто критикуемые его идеи.

Ключевы слова: эмоции; выражения лица; невербальная коммуникация; невербальное поведение; методы измерения выражений лица; проксемика; культурные сходства и различия; кинесика

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-404-415

Типология цивилизаций в диахроническом измерении: базовые модели и перспективы России*

А.В. Иванов¹, Ю.В. Попков²

¹Алтайский государственный аграрный университет
ул. Красноармейская, 98, Барнаул, 656049, Россия

²Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия
(e-mail: ivanov_a_v_58@mail.ru; yuripopkov54@mail.ru)

Аннотация. В условиях современного глобального кризиса актуализировалась потребность в обосновании перспективной модели цивилизационного мироустройства, выделении его особенностей и преимуществ в ряду других, исторически предшествующих типов цивилизаций. Авторы статьи решают две основные задачи: во-первых, обосновывают выделение типов цивилизационного развития с точки зрения его диахронического измерения и с учетом поиска цивилизационного проекта, который в наибольшей степени отвечает современным реалиям; во-вторых, анализируют духовно-экологическую стратегию развития в качестве базовой модели цивилизационного будущего с акцентом на предпосылках ее возможной реализации в России. На основе применения цивилизационного подхода в его диахроническом измерении выделены исторически сменяющие друг друга типы глобального мироустройства. В отличие от распространенной типологии — традиционная/доиндустриальная, индустриальная/техногенная и постиндустриальная/информационная цивилизации, в статье обосновывается правомерность иной типологии — традиционная/биоцентричная, техногенно-потребительская/техноцентричная и духовно-экологическая (ноосферная) цивилизации. Акцент сделан на последней из выделенных типов цивилизаций, суть которой передает ее название. Духовно-экологический тип цивилизационного существования не является чисто идеальным проектом, а уже частично сбывался в разные эпохи и в разных культурах. Сегодня его реализация на качественно новом уровне способна преодолеть противоречия нынешнего кризисного этапа мирового развития. Россия обладает определенными предпосылками для формирования обозначенной перспективной модели развития в виде богатых природных ресурсов, исторически сложившихся духовных ценностей, а также возможностей новой евразийской интеграции. Социологический анализ ценностных приоритетов молодежи указывает на привлекательность образа новой цивилизации и частичную готовность молодых людей стать реальными акторами цивилизационной трансформации. Это дает основание заключить, что нынешняя эпоха может стать переходной — от техногенно-потребительского к духовно-экологическому типу глобального мироустройства.

Ключевые слова: цивилизация; цивилизационный подход; типология цивилизаций; техногенно-потребительская цивилизация; духовно-экологическая цивилизация; переходная эпоха

* © Иванов А.В., Попков Ю.В., 2022

Статья поступила 14.10.2021 г. Статья принята к публикации 23.03.2022 г.

Исследование цивилизаций — довольно популярная тема в социогуманитарных дисциплинах. Существует множество трактовок как феномена цивилизации, так и соответствующих типологий, которые создаются по разным основаниям. Однако редко эти вопросы рассматриваются в связи с актуальными потребностями современности. Активно обсуждаемые ее новые контуры, выраженные в терминах постглобализма, постмультикультурализма, поствиртуальности, «дополненной современности» и т.п., характеризуют кризис дискурсов постмодерна и глобализации [6. С. 44] и отражают глубинные трансформации объективной реальности. Фундаментальной основой неустойчивости глобальной системы стал всеобъемлющий цивилизационный кризис. Помимо экспертов-исследователей, его наличие признается и влиятельными политиками. Так, об этом прямо заявил Президент РФ В.В. Путин 21 октября 2021 года, выступая на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», главная тема которого имела красноречивое название «Глобальная встряска — XXI: человек, ценности, государство». Он обратил внимание на исчерпанность возможностей существующей модели капитализма, доминирующей в абсолютном большинстве стран мира, подчеркнув необходимость переосмысления фундаментальных оснований существования человечества и поставив вопрос об определении его перспектив.

Современные дискуссии вокруг цивилизационного подхода

Для мирового сообщества характерен всеобъемлющий кризис нынешней модели глобального мироустройства. Самое очевидное эмпирическое подтверждение тому — переживаемая в настоящий момент пандемия, вызванная распространением коронавируса, которая обернулась глобальным био-и социокатаклизмом. Она обременена серьезными последствиями для индивидуально-физиологического и коллективно-социального здоровья, подтвердив правоту выводов мыслителей о неблагоприятных тенденциях современного мирового развития. Знаменитый И. Валлерстайн еще в начале 1990-х годов диагностировал глубочайший кризис нынешней буржуазной миросистемы и прогнозировал приход нового миропорядка. Он писал о крахе либерализма, эпохе «после либерализма» и периоде всемирного хаоса [2. С. 5]. Похоже, в 2020–2021 годы пандемия сделала очевидным этот глобальный хаос не только для интеллектуальных и политических элит, но и для миллионов обычных людей.

Мы являемся свидетелями системного сбоя в глобальном развитии, в основе которого лежат нарушения не отдельных элементов системы, а всего ее фундамента. Поэтому речь идет о цивилизационных основаниях мирового кризиса как его первичных детерминантах — о цивилизационной кризисогенности как ценностных основаниях современной цивилизации, периодически провоцирующих кризисные ситуации [7. С. 5].

Хотя мир не однороден в своих проявлениях, и на практике реализуются различающиеся модели социокультурного цивилизационного развития, доминирует в настоящий момент модель, которая базируется на индивидуализме, частной собственности, либерально-рыночных ценностях и конкуренции как определяющем типе социальных взаимодействий [5. С. 119–124]. Эту модель цивилизационного развития на Западе до сих пор называют капиталистической и ассоциируют с буржуазной эпохой. Ныне она активно критикуется: достаточно сослаться на юбилейный 50-й доклад Римского клуба, в котором содержится всесторонняя критика капитализма и обосновывается неизбежность перехода к новой, альтернативной парадигме развития [25]. Учитывая изменившийся исторический контекст, кризисный тип общецивилизационного существования точнее было бы именовать техногенно-потребительским — в его основе лежит культ самоценного технического прогресса и безудержного материального потребления.

Мировой кризис, осложненный пандемией, обострил вопрос о цивилизационном будущем и нашей страны. Так, А.В. Рубцов, характеризуя влияние биокатаклизмов на эволюцию социокультурных моделей и цивилизационных проектов и обращая внимание на «дефекты оптики, типичные для технократического позитивизма», говорит о перспективах «трансформации цивилизационного проекта в России» [16. С. 20]. Однако данная проблема не нова — в кругу научных экспертов она поднималась и ранее, но особенно активно дискуссии ведутся в последнее время. Дело не ограничивается частными инициативами: в 2016 году научно-координационный совет при Федеральном агентстве научных организаций, преемником которого в 2018 году стало Министерство науки и высшего образования РФ, утвердил долгосрочный мегапроект «Российский проект цивилизационного развития: философские основания». Под него в Институте философии РАН начал издаваться специальный научный журнал «Проблемы цивилизационного развития».

В последние два года вышла серия монографий, посвященных перспективам и проектам развития России. «Доминантой и областью консенсуса в академическом сообществе по вопросу о будущем в России является экологизация» [22. С. 251]. Аналогичный вывод делает Ю.М. Резник: используя метод проектной реконструкции и обобщая представленные в работах разных авторов модели будущего, он акцентирует привлекательность образа России как экологической цивилизации [14]. Вслед за осознанием востребованности такой стратегии цивилизационного развития актуализируется ключевая задача — обоснование смысла и содержания данного проекта в ряду других моделей глобального цивилизационного развития.

Существует целая палитра интерпретаций понятия цивилизации и соответствующих типологий. Так, широко известна синхроническая трактовка цивилизации, восходящая к работам Н.Я. Данилевского и А. Тойнби, а в недавнем прошлом актуализированная знаменитой работой С. Хантингтона

«Столкновение цивилизаций» [24]. Здесь под цивилизацией подразумевается одновременное сосуществование в истории разных социокультурных типов, обладающих социальным, хозяйственным и этнокультурным своеобразием. В этом плане российская цивилизация глубоко самобытна и не может считаться частью западной цивилизации. Этот вопрос требует отдельного обсуждения, здесь мы его касаться не будем, как и не будем останавливаться на анализе типологий цивилизации [см., напр.: 11; 20; 21].

Под цивилизацией, взятой в диахроническом аспекте, мы будем понимать исторически сменяющие друг друга типы глобального мироустройства и образов жизни. Пожалуй, наиболее распространена троичная периодизация подобных типов: традиционная (доиндустриальная) — индустриальная (техногенная) — постиндустриальная (информационная) цивилизации. Однако понятие «постиндустриальная цивилизация» сегодня вызывает обоснованную критику [13]: термин «постиндустриальный» несет не столько научную, сколько идеологическую нагрузку, ибо «утверждение о сокращении индустриального материального производства не подтверждается на мировом статистическом материале. Оно видоизменяется, но объемы материальных ресурсов — продуктов питания, одежды, лечения, энергетики, жилья, транспорта, коммуникаций, потребляемых людьми, только растут» [13. С. 261].

С учетом обоснованной критики обозначенной выше типологии более предпочтительно выделение следующих трех типов исторически сменяющих друг друга глобальных миросистем: традиционная (биоцентричная) — техногенно-потребительская (техноцентричная) — духовно-экологическая (ноосферная или ноосфероцентричная). Последний тип находится на стадии становления и активного теоретического обсуждения [18; 19; 23]. Эти три типа глобального мироустройства характеризуются своеобразными формами индустриального производства (ручной, машинной, цифровой индустрией), разными средствами порождения, хранения и передачи информации (дописменной и рукописной, книжной, электронной). Каждый тип порождает свой тип культуры (традиционная с доминированием религиозных представлений — культура технической цивилизации с доминированием науки — синтетическая культура ноосферной цивилизации) и формирует определенный антропологический тип (природный человек, органически вписанный в природу — технический человек, потребительски преобразующий и эксплуатирующий природу — ноосферный духовный человек, эволюционирующий вместе с природой и отвечающий за ее развитие). Отсюда совершенно правомерна трактовка нарождающейся цивилизации как экологической. Можно также встретить и словосочетание «экология духа», хотя дух у авторов часто сводится к социальным феноменам (семья, местные сообщества, свобода гражданской жизни) [14. С. 77].

Духовно-экологическая цивилизация и ее атрибуты

Учитывая осознание возрастающего значения для современного мирового и национального развития духовности в ее тесном сочетании с экологичностью, представляется более точным и правильным назвать нарождающуюся цивилизацию духовно-экологической [5]. Суть ее состоит в целенаправленном преобразовании разных сфер жизни с приоритетом духовных и экологических ценностей — сохранение окружающей среды, развитие науки, культуры и образования приоритетны по отношению к экономике, политике и финансам. Последние — не цель, а средство для всестороннего развития человека и гармоничной коэволюции общества и биосферы.

К другим существенным чертам новой цивилизации можно отнести: бережное сохранение ареалов девственной природы и традиционных ландшафтов как основы сохранения биологического и культурного разнообразия; ускоренное развитие так называемой «зеленой экономики», основанной на максимально эффективном использовании природных ресурсов и минимальном загрязнении окружающей среды; опора власти всех уровней на коллективный научный разум нации с целью минимизации стратегических ошибок в процессах государственного планирования и управления; всемерное поощрение государством развития кооперативных начал в экономической и социальной жизни, обеспечивающих рациональную самоорганизацию общества снизу, — как важнейшего дополнения централизованных организующих усилий государства; защита национальных исторических, культурных и природных святынь как носителей высших ценностей и важнейших элементов сохранения и развития «высокой» культуры (Куликово поле, Бородинское поле и поле под Прохоровкой, а также другие места, связанные с ратными подвигами предков; Троице-Сергиева Лавра и историко-культурный ансамбль Московского кремля, толстовская Ясная поляна и пушкинское Михайловское; реки Ока и Волга, озера Светлояр и Байкал — как осевые пространства российской истории и символы ее природных богатств); информационная стратегия, направленная на борьбу с потребительской, эгоцентристской и постмодернистской идеологией (ориентация на воспитание всесторонне образованного, духовно просвещенного и социально активного человека, свободно и сознательно исповедующего традиционные евразийские ценности просвещенного патриотизма, двуполой семьи, жертвенного общественного служения, коллективизма и нестяжательства).

Возникают два важных вопроса: насколько реалистичен духовно-экологический проект; и насколько реален переход России к духовно-экологической стратегии развития, есть ли для этого соответствующие предпосылки.

При ответе на первый вопрос возникает соблазн заявить: торжество подлинной духовности и экологичности можно связывать исключительно с будущим всеобщим переходом человечества к духовно-экологической (ноосферной) цивилизации, остающейся пока идеальным миропроектom. Однако дело обстоит значительно сложнее и интереснее. В истории человечества, в разные

эпохи и в разных регионах, случались периоды (довольно краткие), когда цивилизационный духовно-экологический идеал частично сбывался. Это, например, Греция времен Перикла, Индия периода правления царя Ашоки, китайская эпоха Тан, Хорезм начала XI века, когда при дворе хорезмшаха трудились великие ученые Абу Али Ибн Сина (Авиценна) и Абу Рейхан Бируни, ранний период правления Ивана Грозного времен «Избранной Рады» — когда он прислушивался к советам просвещеннейших и достойнейших представителей высшего сословия (монаха Сильвестра, Алексея Адашева, Нила Курлятьева, Андрея Курбского). Любопытно, что в это время можно наблюдать примеры удивительно гармоничной вписанности архитектурных сооружений в окружающий ландшафт (лучшие образцы древнегреческой, древнекитайской и древнеиндийской архитектуры); заботу правителей о сохранении биологического разнообразия (последовательное проведение буддийского принципа ахимсы — непричинения вреда живому — при царе Ашоки), защите лесов, почв, водных источников и каналов (китайское законодательство при танском императоре Сюань-цзуне).

В эти эпохи духовного расцвета и экологического благоразумия мы видим и высокий нравственный уровень правителей, и опору власти на духовную элиту общества, и заботу государства об искусстве, науке, культуре. Это времена широкой национальной и религиозной терпимости, миротворчества и нестяжательства. Подобные эпохи надолго запоминаются и вдохновляют последующие поколения на воплощение в жизнь утверждавшегося в них высокого общественного идеала; служат источником художественного творчества, глубокой исторической, философской и культурологической рефлексии. Известно, что знаменитый кружок Перикла воодушевлял окружение Карла Великого в период реформ, а также Лоренцо Медичи и группировавшихся вокруг него гениев эпохи Возрождения. Миротворческая и просветительская деятельность индийского царя Ашоки служила примером для подражания в эпоху Гуптов для Акбара и Джавахарлара Неру. Эпоха Тан и судьба ее правителей — неисчерпаемый источник сюжетов и образов для последующей китайской литературной и художественной традиций. Период просвещенного правления «Избранной Рады» повлиял и на ранний период царствования Александра I с его замыслами либеральных реформ, и на Александра II времен подготовки освобождения крестьян.

Предпосылки реализации духовно-экологического цивилизационного проекта

Таким образом, есть все основания считать, что цивилизационный идеал духовно-экологической цивилизации — это не чисто интеллектуальный утопический проект, который следует относить к бесконечно далекому будущему, а реальное прошлое, нуждающееся в познании и творческой актуализации применительно к настоящему и будущему. Не трудно заметить, что линия великих эпох и подвижников в истории имеет корни в разных культу-

рах, локальных цивилизациях и мегацивилизациях. Обращаясь к духовной, а не «кровавой» истории человечества (в виде войн, политических переворотов, национальных конфликтов и религиозной вражды), можно успешно выстраивать культурный и религиозный диалог между странами и народами, находить зримые точки пересечения их ценностных доминант и антропологических идеалов. Религиозные подвижники, культурные творцы и подлинные герои разных народов объединяют, а не разъединяют людей, утверждая высшие и универсальные ценности: миролюбие, примат общего блага, жертвенное служение отечеству, культурное творчество, милосердие, гармоничное сосуществование с природным целым, органической и важнейшей деятельной частью которого является разумный и моральный человек.

Соответственно, если мы хотим преодолеть межнациональную и межрелигиозную разнь, добиться подлинной, а не мнимой глобализации, то объединяться и выстраивать гармоничные международные отношения нужно на основе приобщения к великим эпохам, именам и святыням народов, совместно охраняя их от осквернителей и разрушителей: чтить свои, уважать и стремиться познать чужие великие эпохи, имена и национальные святыни — важнейший принцип выстраивания межнациональных, межрелигиозных, межэтнических, политических и геополитических отношений. И если прежде духовно-экологическое измерение истории и общественной практики находилось на вторых ролях, рассматривалось как нечто вторичное и малосущественное, как красивый довесок к политике и экономике, то сейчас переход к соответствующим основам и принципам общественной жизни должен рассматриваться как важнейшее условие нашего совместного выживания и перехода к более справедливому и гармоничному типу цивилизационного существования.

Вернемся ко второму вопросу, сформулированному выше: существует ли у России потенциал для духовно-экологического прорыва? Можно ли сегодня увидеть в российских реалиях черты новой цивилизации? Если исходить из некоторого идеального представления о том, как может быть построено общество на принципах духовно-экологической парадигмы, и учитывать весь комплекс составляющих текущего положения дел в стране, то вряд ли можно положительно ответить на этот вопрос. Россия в настоящее время является элементом мировой капиталистической мир-системы [10], обремененной многочисленными негативными явлениями и общим кризисом. Но если говорить о возможных фундаментальных предпосылках перехода к новому типу мироустройства, то следует дать в целом оптимистический ответ. Во-первых, Россия обладает гигантским ресурсным потенциалом: сохраняющимися природными ландшафтами, лесными и минеральными ресурсами, элитными черноземами и т.п. На ее территории располагаются центры биологического разнообразия, имеющие всемирное значение, например, Саяно-Алтайский, Байкальский и Дальневосточный регионы. Россия имеет огромные ресурсы чистой питьевой воды, которая становится все более значимым фактором

международных отношений. Эти ресурсы позволяют интенсивно развивать сельское хозяйство, выходить на региональные и мировые рынки продовольствия, эффективно бороться с опустыниванием и т.д. [8].

Во-вторых, в России существует система исторически сложившихся духовных ценностей, которые продолжают достаточно широко и эффективно работать в массовом сознании. Это ценность братского отношения между людьми и народами, которые выше любых материальных выгод; ценность общественного служения, а не эгоистического самоутверждения; ценность родной земли как величайшей святыни и традиционной семьи как важнейшего устоя личного и социального бытия; созвучные духовно-экологическому проекту нестяжательские ценности, выраженные в знаменитом лозунге «все, что лишнее, — то не мое». Данный идеал может иметь и экономическое приложение, дополняя «зеленые» принципы экономики духовными — ориентирующими на добровольное сокращение материального потребления и бескорыстную поддержку просвещенным капиталом науки, культуры и образования. На возможность построения экономики на принципах нестяжательства в свое время указал выдающийся отечественный философ и правовед евразийской ориентации Н.Н. Алексеев: «Нестяжательство... может быть соединено с величайшим вниманием к вещам, но не во имя корысти, а во имя заповеди труда, любви к ближнему и к Божьему миру. Возможна система хозяйства, построенного на принципе нестяжательства» [1. С. 281].

В-третьих, в течение жизни фактически одного поколения Россия сумела изжить как социалистические, так и капиталистические иллюзии. Стало понятно, что реставрация капитализма обернулась не обновлением, а системной деградацией российской цивилизации. Очевидно, что вернуться к советскому социализму невозможно, но восстановить его рациональные устои на новом уровне целесообразнее всего под духовными и экологическими лозунгами. Они, кстати, вполне приемлемы и для новой российской буржуазии, учитывая, что сегодня на Западе популярны проекты построения «духовного капитализма» и «экологического капитализма».

В-четвертых, сегодня много говорят о новой интеграции Большой Евразии [9; 15], где образ новой цивилизации и ее атрибутов может стать весьма эффективной объединяющей платформой.

Конечно, можно возразить, что актуализация необходимых предпосылок построения духовно-экологического сообщества пока несбыточный идеал, учитывая глубину современного мирового и российского кризисов. Однако это глубокое заблуждение уже по той причине, что не только на уровне экспертных оценок, но и в массовом сознании соответствующая идея находит явную поддержку. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты исследования, проведенного авторами осенью прошлого года среди сибирской студенческой молодежи [4; 12]. Главный вывод, сделанный по его итогам: «Многие студенты считают, что доминирующая в настоящее время модель

техногенно-потребительской цивилизации находится в состоянии кризиса и абсолютное их большинство поддерживают идею перехода к альтернативной духовно-экологической стратегии развития» [12. С. 217]. При этом молодые люди, в образе жизни которых сохранились элементы традиционной культуры (в нашем случае это тувинцы), выражают большую уверенность в перспективности обозначенной модели мироустройства. От 80 % до 90 % опрошенных отмечают в качестве имеющих важное значение для них традиционные ориентиры на полноценную семью, хорошие отношения с друзьями, соседями, коллегами по работе, достойную профессию и сохранение экологически благоприятной природной среды. Схожие выводы о ценностях применительно к студентам делают и другие исследователи [см., напр.: 17. С. 105]. Главный вывод многолетнего социологического исследования М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги совпадает с нашим: «Нынешняя российская молодежь в целом не индивидуалистична, не агрессивна, не стремится обладать властью, не честолюбива» [3. С. 181].

Таким образом, современное мировое сообщество, находясь в системном кризисе, в то же время обладает определенными предпосылками для перехода от техногенно-потребительской к духовно-экологической цивилизации. Этот переход будет сложным, длительным, противоречивым, с неизбежными поправками на цивилизационное своеобразие тех стран и народов, где будет осуществляться. Однако источником исторического оптимизма в нынешних условиях глобального кризиса служит то, что духовно-экологический идеал уже частично и неоднократно сбывался в истории, и он ценностно-привлекателен для молодежи — главного актора всех исторических перемен.

Библиографический список

1. *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М., 1998.
2. *Валлерстайн И.* После либерализма / Под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М., 2003.
3. *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М., 2020.
4. *Иванов А.В., Попков Ю.В.* Духовно-экологическая цивилизационная перспектива: ценностный потенциал молодежи в сибирском контексте // *Siberian Socium*. 2021. Т. 5. № 1.
5. *Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю.* На путях к новой цивилизации (очерки духовно-экологического мировоззрения). Барнаул, 2014.
6. *Иванов Д.В.* Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // *Социологические исследования*. 2020. № 5.
7. *Лексин В.Н.* Цивилизационный кризис и его российские последствия // *Общественные науки и современность*. 2009. № 6.
8. *Лихачева А.Б.* Мутные воды Большой Евразии: возможное место России на рынке водоемкой продукции // *Россия в формирующейся Большой Евразии* / Под ред. В.М. Котлякова, В.А. Шупера. М., 2019.
9. *Михалев М.С., Якунин В.И., Вилисов М.В.* Пояса и пути Евразии: В поисках человека. М., 2018.
10. *Осокина Н.В., Казанцева Е.Г.* Современная мир-система и Россия. Кемерово, 2018.
11. *Поляков А.Н.* Цивилизация как социальная система: теория, типология и метод // *Вопросы истории*. 2007. № 11.

12. Попков Ю.В. Идентичность, социокультурный потенциал, ценностные ориентации и оценка перспектив цивилизационного будущего у тувинских и русских студентов Сибири // Новые исследования Тувы. 2021. № 1.
13. Постиндустриализм. Опыт критического анализа. М., 2012.
14. Резник Ю.М. Образы цивилизационного будущего России: отдельные проекты и возможности их интеграции // Вопросы социальной теории. Т. XII. Россия как цивилизация будущего / Под ред. Ю.М. Резника. М., 2020.
15. Россия в формирующейся Большой Евразии / Под ред. В.М. Котлякова, В.А. Шупера. М., 2019.
16. Рубцов А.В. Вирусы и цивилизации. О новом влиянии биокатаклизмов на эволюцию социокультурных моделей и цивилизационных проектов // Вопросы философии. 2020. № 8.
17. Рязанцев И.П., Подлесная М.А., Богдан И.В. Универсализм ценностей студенческой молодежи и развитие российского общества // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 1.
18. Степин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М., 2003.
19. Субетто А.И. Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке. СПб., 2010.
20. Трофимова Р.П. Культура и типология цивилизаций // Власть. 2016. № 2.
21. Тюгашев Е.А. Социально-философские основания типологии цивилизаций // Сфера культуры. 2020. № 1.
22. Тюгашев Е.А. Где находится Россия и куда она движется? // Личность. Культура. Общество. 2020. Т. XXII. Вып. 3–4.
23. Урсул А.Д. Феномен ноосферы: глобальная эволюция и ноосферогенез. М., 2015.
24. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Ю. Новикова. М.–СПб., 2003.
25. Von Weizsaecker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-Termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer, 2018.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-404-415

Typology of civilizations in the diachronic dimension: Basic models and perspectives of Russia*

A.V. Ivanov¹, Yu.V. Popkov²

¹Altai State Agricultural University

Krasnoarmejskaya St., 98, Barnaul, 656049, Russia

²Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch of RAS

Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russia.

(e-mail: ivanov_a_v_58@mail.ru; yuripopkov54@mail.ru)

Abstract. Under the current civilizational crisis, we need a promising model of the civilizational world order and we have to focus on its features and advantages compared to the historically preceding types of civilizations. The authors solve two main tasks: first, they explain the identification of the main types of civilizational development in the diachronic dimension and in search of a civilizational project that meets best the contemporary needs and realities; second, they examine the spiritual-ecological development strategy as a basic model of the civilizational future. Based on the civilizational approach in its diachronic dimension, the authors identify the historical types of the global world order. Unlike the common typology — traditional/preindustrial, industrial/

* © A.V. Ivanov, Yu.V. Popkov, 2022

The article was submitted on 14.10.2021. The article was accepted on 23.03.2022.

technogenic and post-industrial/information civilizations, the authors distinguish traditional/biocentric, technogenic-consumer/technocentric and spiritual-ecological/noospheric civilizations, and focus on the description of the last one. The spiritual-ecological type of civilization is not presented as a purely ideal project, because it has already been partially implemented in different periods and in different cultures. Today, its implementation at a qualitatively new level can help to overcome the contradictions of the current crisis in the global development. Russia has certain prerequisites for the development of such a promising model — rich natural resources, historically established spiritual values, and opportunities for a new Eurasian integration. The sociological analysis of the youth value priorities indicates the attractiveness of the new civilization and the partial readiness of the youth to become real actors of the civilizational transformation. Thus, the authors conclude that the current period can become transitional — from the technogenic-consumer to the spiritual-ecological type of the global world order.

Key words: civilization; civilizational approach; typology of civilizations; technogenic-consumer civilization; spiritual-ecological civilization; transition era

References

1. Alekseev N.N. *Russky narod i gosudarstvo* [Russian People and the State]. Moscow; 1998. (In Russ.).
2. Wallerstein I. *Posle liberalizma* [After Liberalism]. Ed. by Yu. Kagarlitsky. Moscow; 2003. (In Russ.).
3. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. *Molodezh Rossii v zerkale sotsiologii. K itogam mnogoletnih issledovaniy* [Russian Youth in the Mirror of Sociology. Results of the Long-Term Study]. Moscow; 2020. (In Russ.).
4. Ivanov A.V., Popkov Yu.V. Duhovno-ekologicheskaya tsivilizatsionnaya perspektiva: tsennostny potentsial molodezhi v sibirskom kontekste [*Spiritual-ecological civilizational perspective: The value potential of the youth in the Siberian context*]. *Siberian Socium*. 2021; 5 (1). (In Russ.).
5. Ivanov A.V., Fotieva I.V., Shishin M.Yu. *Na putiah k novoi tsivilizatsii (ocherki dukhovno-ekologicheskogo mirovozzreniia)* [On the Road to a New Civilization (Essays on the Spiritual-Ecological Worldview)]. Barnaul; 2014. (In Russ.).
6. Ivanov D.V. Dopolnennaya sovremennost: efekty postglobalizatsii i postvirtualizatsii [Augmented modernity: Effects of post-globalization and post-virtualization]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 5. (In Russ.).
7. Leksin V.N. Tsivilizatsionny krizis i ego rossijskie posledstviya [*Civilization crisis and its Russian consequences*] *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*. 2009; 6. (In Russ.).
8. Likhacheva A.B. Mutnye vody Bolshoy Evrazii: vozmozhnoe mesto Rossii na rynke vodoemkoy produktsii [Muddy waters of Greater Eurasia: Russia's possible place in the market of water-intensive products]. Kotlyakov V.M., Shuper V.A. (Eds.). *Rossiya v formiruyushchey Bolshoy Evrazii*. Moscow; 2019. (In Russ.).
9. Mikhalev M.S., Yakunin V.M., Vilisov M.V. *Poyasa i puti Evrazii: V poiskah cheloveka* [Belts and Roads of Eurasia: In Search of a Man]. Moscow: 2018. (In Russ.).
10. Osokina N.V., Kazantseva E.G. *Sovremennaya mir-sistema i Rossiya* [The Contemporary World-System and Russia]. Kemerovo; 2018. (In Russ.).
11. Polyakov A.N. Tsivilizatsiya kak sotsialnaya sistema: teoriya, tipologiya i metod [*Civilization as a social system: Theory, typology and method*]. *Voprosy Istorii*. 2007; 11. (In Russ.).
12. Popkov Yu.V. Identichnost, sotsiokulturny potentsial, tsennostnye orientatsii i otsenka perspektiv tsivilizatsionnogo budushhego u tuvinskih i russkih studentov Sibiri [*Identity, social-cultural potential, value orientations and assessment of the prospects for a civilizational future among Tuvan and Russian students of Siberia*]. *Novye Issledovaniya Tuvy*. 2001; 1. (In Russ.).

13. *Postindustrializm. Opyt kriticheskogo analiza [Post-Industrialism. A Critical Analysis]*. Moscow; 2012. (In Russ.).
14. Reznik Yu.M. Obrazy tsivilizatsionnogo budushhego Rossii: otdelnye proekty i vozmozhnosti ih integratsii [Images of the civilizational future of Russia: Individual projects and possibilities of their integration]. *Voprosy sotsialnoj teorii*. XII. Reznik Yu.M. (Eds.) *Rossiya kak tsivilizatsiya budushhego*. Moscow; 2020. (In Russ.).
15. Kotlyakov V.M., Shuper V.A. (Eds.). *Rossiya v formiruyushchey Bolshoy Evrazii* [Russia in the Emerging Greater Eurasia]. Moscow; 2019. (In Russ.).
16. Rubtsov A.V. Virusy i tsivilizatsii. O novom vliyani biokataklizmov na evolyutsiyu sotsiokulturnykh modelej i tsivilizatsionnykh proektov [Viruses and civilizations. On the new influence of biocataclysms on the evolution of socio-cultural models and civilizational projects]. *Voprosy Filosofii*. 2020; 8. (In Russ.).
17. Ryazantsev I.P., Podlesnaya M.A., Bogdan I.V. Universalizm tsennostey studentcheskoy molodezhi i razvitie rossiyskogo obshchestva [Universalism of values of the student youth and the Russian society development]. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (1). (In Russ.).
18. Stepin, V.S. *Teoreticheskoe znanie: struktura, istoricheskaya evolyutsiya [Theoretical Knowledge: Structure, Historical Evolution]*. Moscow; 2003. (In Russ.).
19. Subetto A.I. *Noosferny proryv Rossii v budushhee v XXI veke [Noospheric Breakthrough of Russia into the Future in the 21st Century]*. Saint Petersburg; 2010. (In Russ.).
20. Trofimova R.P. *Kultura i tipologiya tsivilizatsij [Culture and typology of civilizations]*. *Vlast*. 2016; 2. (In Russ.).
21. Tyugashev E.A. *Sotsialno-filosofskie osnovaniya tipologii tsivilizatsij [Social-philosophical foundations of the typology of civilizations]*. *Sfera Kultury*. 2020; 1. (In Russ.).
22. Tyugashev E.A. *Gde nakhoditsya Rossiya i kuda ona dvizhetsya? [Where is Russia and where is it heading to?]* *Lichnost. Kultura. Obshchestvo*. 2020; XXII (3–4). (In Russ.).
23. Ursul A.D. *Fenomen noosfery: globalnaya evolyutsiya i inoosferogenez [Noosphere Phenomenon: Global Evolution and Inosphereogenesis]*. Moscow; 2015. (In Russ.).
24. Xantington S. *Stolknovenie tsivilizatsij [The Clash of Civilizations]*. *Transl. from English by Yu. Novikov*. Moscow–Saint Petersburg; 2003. (In Russ.).
25. Von Weizsaecker E., Wijkman A. *Come On! Capitalism, Short-Termism, Population and the Destruction of the Planet*. Springer; 2018.

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-416-425

О связи социального и гносеологического аспектов цивилизационного подхода*

Н.С. Кирабаев, Е.Н. Гнатик, И.А. Жубрин

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: kirabaev-ns@rudn.ru; ekaterinagnatik@rambler.ru; zubr455@mail.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на монографию преподавателей кафедры онтологии и теории познания РУДН В.М. Найдыша и О.В. Найдыш «Цивилизация и рациональность. Очерки по философии мифологии» (М.: Русайнс, 2020. 286 с.), в которой исследуются социально-философские и гносеологические аспекты цивилизационного подхода. Проблемы рациональности и цивилизации связываются деятельной теорией сознания, которая представляет его как форму отражения реальности деятельным субъектом, включенным в сети (прямых и опосредованных) систем общения, как интегратора когнитивной активности, чувственно-эмоционального переживания мира и волевой интенциональности субъекта. Основное внимание в рецензии уделено двум парадигмам цивилизации — как этносоциокультурной общности и как институционализованного социума, сложившегося в результате «неолитической революции». В монографии анализируется широкий круг вопросов: теоретико-методологические предпосылки моделей исторического процесса, зарождение цивилизационной модели истории, концепции цивилизации XIX — начала XXI века, структура оснований цивилизации, роль рационализма и мифотворчества в жизнедеятельности цивилизации, процессы рационализации и дерационализации культуры, генезис мышления, природа архетипов культуры, становление рационализма в культурах Древнего Востока, понятия варварства и неоварварства и др. Анализируется и остро дискуссионная проблема перспектив цивилизации. Отмечается, что среди моделей постцивилизации популярен трансгуманизм, т.е. программа искусственной трансформации природно-биологических оснований человека. Авторы призывают взвешенно и критически относиться к трансгуманизму — наиболее радикальные, экстремальные варианты этого проекта, по сути, выступают современной формой «социальной алхимии».

Ключевые слова: цивилизация; сознание; мышление; история; рациональность; мифотворчество; знания; ценности

Среди актуальных философско-теоретических вопросов нашего времени особое место занимают две проблемы, которые обычно рассматриваются

* © Кирабаев Н.С., Гнатик Е.Н., Жубрин И.А., 2022

Статья поступила 17.03.2022 г. Статья принята к публикации 15.04.2022 г.

отдельно друг от друга. Первая — проблема цивилизации: она порождена необходимостью осмысления судеб капитализма, который находится в состоянии глубокого системного кризиса и, по-видимому, исчерпал потенциал, заложенный в его основаниях. Сам этот кризис, по характеристике И. Валлерстайна (одного из ярких представителей современной социальной философии, недавно ушедшего из жизни), переживает фазу бифуркации — когда невозможны точные предсказания, обоснованный выбор сценариев будущего [2. С. 51]. Проявления кризиса многообразны: буквально на наших глазах разрушается геополитическое пространство, в нем исчезают последние «островки стабильности», борьба транснациональных и национальных элит ведет к очередному «перделу мира», к постцивилизации, которую иногда характеризуют как «новую нормальность». Все это самым непосредственным образом влияет на позиции и интересы России в современном мире, стратегические планы ее внутренней и внешней политики. Это обстоятельство нашло отражение в официальных документах: так, недавно Президент РФ В.В. Путин назвал Россию «отдельной цивилизацией» и подчеркнул, что в настоящее время считаться цивилизацией означает демонстрировать свою способность к развитию.

Вторая проблема — понимание рационализма, его роли и места в истории общества, в его прошлом и будущем. Начало XXI века — эпоха постмодерна, время дерационализации сознания, ремифологизации мировой и отечественной духовной культуры, возрождения в ней архаических пластов мифологии, мистицизма, язычества, оккультизма и др. Мифология вновь насыщает собой формы общественного сознания — правосознание, мораль, искусство, религию, философию и даже науку, которая всегда была оплотом рационализма [8]. Постмодерн разрушает абсолюты духовной культуры, размывает границы добра и зла, истины и лжи, красоты и безобразия, справедливости и несправедливости и др. Поэтому проблема смысла и места рационализма в культуре становится полем идейной борьбы политических идеологий и парадигм социально-гуманитарного познания, в которых стали модными лозунги о «пагубной роли рационализма», призывы к изгнанию духа рационализма из культуры и др. [7]. Более того, все громче звучат заявления, что рационализм — причина гибели цивилизации, а его идеалы несовместимы с основами постцивилизации. Проблемы цивилизации и рациональности оказываются тесно связаны, и основания такой связи — предмет исследования рецензируемой монографии.

Постановка вопроса новаторская: в таком ракурсе проблемы цивилизации и рациональности еще не освещались в монографическом исследовании. Концептуальные трудности здесь связаны с тем, что эти проблемы обычно рассматриваются в разных теоретико-методологических контекстах. Проблема цивилизации принадлежит концептуальному полю

социально-философского анализа, а проблема рациональности — область гносеологического анализа. По мнению авторов книги, связать эти теоретико-методологические контексты можно с позиций философии сознания, той ее парадигмы, что представляет сознание как форму отражения реальности деятельным субъектом, включенным в сетевые системы общения. В такой парадигме сознание — интегратор когнитивной активности, чувственно-эмоционального переживания мира и волевой интенциональности субъекта. Такой подход позволил прояснить или детализировать целый ряд дискуссионных вопросов, а также сформулировать новые проблемы социально-философского и гносеологического плана.

В монографии детально анализируется история становления цивилизационного подхода в социальной философии и философии истории. Особое внимание уделено формированию двух основных парадигм цивилизации — как институционализованного состояния социума и как метаэтносоциокультурной общности. Поставлена проблема структуры оснований этих типов социальных объектов и исследованы отношения цивилизации и варварства, цивилизации и культуры, рационализма и мифотворчества, генезис абстрактно-понятийного мышления, роль обыденного сознания в культуре и др.

В первой части монографии рассмотрено становление цивилизационного подхода в мировой и отечественной социально-философской мысли, философии истории. Проведено различие смыслообраза и понятия цивилизации, прояснены их исторические корни. Проанализировано становление в новоевропейской философии истории основных теорий цивилизации XIX века — линейно-восходящей (позитивизм), стадийно-формационной (марксизм) и циклической (ницшеанство). Особое внимание уделено теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского с ее образом мировой истории как культурного многоцветия. Анализируются идейные истоки данной теории, прежде всего, эволюционные воззрения Данилевского, которые носили антидарвинистский характер [6]. По Данилевскому, сущность эволюции состоит не в прогрессе, а в росте разнообразия, в стремлении исчерпать многообразие возможностей активности целостного объекта (органического или социального). Поэтому эволюция — это «цветущее многообразие», многоцветие природы и общества. Взгляды Данилевского на теорию эволюции во многом сформировались под влиянием К. Бэра, одного из основоположников эмбриологии и сравнительной анатомии. Они много лет тесно сотрудничали, вместе участвовали в экспедициях (в 1853 году Данилевский был участником экспедиции по исследованию рыболовства на Волге и Каспийском море, руководителем которой был Бэр). Данилевский был не просто дружен с Бэром, но и находился под его идейным и мировоззренческим влиянием. Данилевский заимствовал у него виталистическое понимание сущ-

ности живого [1] и склонялся к телеологической концепции автогенеза немецкого ботаника А. Виганда, считавшего, что эволюция направляется идеальной «образовательной силой», которая уже иссякла, и потому эволюция живого прекратилась.

Во второй части монографии рассматриваются теории цивилизации XX — XXI века. Яркими красками, увлекательно охарактеризована личность О. Шпенглера, истоки его философских и социально-политических позиций, его русофильство, наглядно-образный, метафорический стиль мышления и др. Подчеркивается, что вопрос о «закате Европы» не потерял своей актуальности и в наше время. Расставлены акценты в интерпретации Шпенглером российской истории, в спорных вопросах его отношений с идейным наследием Ф.М. Достоевского и Данилевского (С. 65–66). Большое внимание уделено трактовке цивилизации как процесса угасания «души культуры», понятиям варварства и неоварварства и др. Отмечается, что «морфология мировой истории» Шпенглера в истории цивилизационного подхода занимает ключевое место. Это понятийно-теоретический «узел», с которого начинается концептуальная развилка: формируются две цивилизационные парадигмы — социально-историческая (теория цивилизаций А. Тойнби) и культурно-ментальная (социокультурная динамика П. Сорокина).

Анализ цивилизационной модели А. Тойнби авторы предваряют указанием на идеологическую мотивированность его творчества (С. 73). Германия, потерпевшая поражение на полях Первой мировой войны, «морфологией мировой истории» Шпенглера бросила вызов победителям — странам Антанты. Это вызов в области, где Германия всегда была сильна — на поле теории. В стане победителей это вызов оценили. В результате возникла необходимость дать адекватный ответ, т.е. предложить свое, отличное от германского, видение мировой истории. Таким английским ответом стала комплексная теория цивилизаций Тойнби, включившая в себя типологии мировых цивилизаций, концепции «творческого меньшинства», «вызова и ответа», религиозных основ цивилизации и др. Развивая эту мысль, можно добавить, что французским ответом на вызов Шпенглера стала разработка личностно-психологического аспекта проблемы цивилизации в «новой истории» «школы Анналов». Американский ответ представлен в заложенной трудами П.А. Сорокина социокультурной парадигме, в которой основания цивилизации связаны с закономерностями исторической динамики сознания.

В середине XX века акцент в изучении культурных оснований цивилизации был перенесен на вопросы историзма и структурно-функциональной организации, рационализации и дерационализации сознания. Большую роль сыграла теория социального действия М. Вебера, в которой рациональность трактуется как характеристика процессуальной стороны деятельности, мера ее эффективности, степени реализации ее целей. Такое понимание рациональ-

ности находит продолжение в теории цивилизации Н. Элиаса, ученика Вебера. Элиас рассматривает рациональность как характеристику не социального действия, а индивидуального поведения [9]. Элиас исходит из того, что цивилизованность — это в первую очередь характеристика поведения отдельной личности, общество цивилизуется по мере того, как рационализируется поведение и образ жизни каждого человека. У всех народов дети усваивают цивилизованные нормы, отталкиваясь от инстинктивно-биологического поведения, путем его рационализации.

Если Элиас рассматривал цивилизацию как рационализацию поведения личности, то Франкфуртская школа, наоборот, связывала цивилизацию с дерационализацией культуры. Ее представители акцентировали внимание на нарастании в ходе развития цивилизации отчуждения личности от системы социальных отношений и от результатов деятельности человека, чувственно-предметных форм культуры. В неомарксизме сложилось отношение к цивилизации как к технократическому обществу, рациональность которого дегуманизирует личность, и человек все больше попадает в зависимость от общественной стихии, что проявляется в нарастании роли формальной рациональности, т.е. ложного сознания, которое отрывает человека от реальности средствами масс-медиа, поп-культуры, политикой тоталитаризма, размывающей грани публичной и частной жизни, культом потребления и др. История цивилизации становится историей прогрессирующей деградации разума [12].

Большой раздел монографии посвящен цивилизационной проблематике в «школе Анналов»: рассматривается история формирования этой французской школы, основные этапы ее развития, направления и методы исследований. Основное внимание уделено трудам Ф. Броделя, который критически оценивал цивилизационные теории Шпенглера и Тойнби, скептически относился к попыткам выработать приемлемую для всех дефиницию «цивилизации» и аналогию цикличности истории и этапов жизни биологического организма, а также закрепить «список цивилизаций» и др. По мнению Броделя, цивилизации — это «волны истории», накатывающие на социум и проявляющие себя на разных уровнях его организации. «Нижний этаж» — это «структуры повседневности», т.е. «материальная жизнь общества», его «человеческая материя». На верхнем этаже находятся «цивилизации-культуры», выступающие стабилизирующим фактором, уравнивающим отношения человека с природной и социальной средой [10; 11. Р. 255–316]. Цивилизация — динамическая система, в которой в единое целое интегрированы конкретно-исторические характеристики социального пространства и социального времени на всех уровнях. Иными словами, по Броделю, цивилизация является одной из форм бытия социального пространства-времени. Заслуга школы «Анналов» в том, что она наметила «понимание путей и принципов интеграции стадийно-фор-

мационной модели цивилизации и концепций цивилизации как локальной социально-культурной общности» (С. 111).

Одной из форм такой интеграции стал миросистемный подход И. Валлерстайна, неомарксиста, бросившего вызов классической парадигме социально-гуманитарных наук, сложившейся в XIX веке. По мнению Валлерстайна, эта парадигма выразила «дух и триумф» эпохи модерна, но ее главный недостаток том, что экономическая, политическая и социально-культурная сферы трактуются как автономные арены социального действия, имеющие собственные «логики». Критикуя теории цивилизации своих предшественников за абстрактность и архаизм, Валлерстайн видел решение проблемы в выработке «единого набора правил», позволяющего функционально связывать все три «логики». В качестве такого набора правил он предлагает миросистемный подход, методологию системно-исторического анализа, которая нацелена на синтез структурно-инвариантных и эволюционно-исторических «срезов» социального объекта [3; 4]. Отмечая позитивные и конструктивные стороны миросистемного подхода, авторы монографии указывают, что ему не хватает установки на сближение историзма объекта с историзмом субъекта, истории экономических отношений (разделения труда, форм обмена и др.) с историей духовной культуры — на этом пути можно ожидать новых идейных прорывов в развитии цивилизационного подхода (С. 121–122).

В монографии также анализируется геополитическая модель цивилизации С. Хантингтона, которому свойственно «тонкое чутье» социальной реальности, позволившее показать, что «глобализация не исключает, а, наоборот, предполагает фрагментацию культурно-цивилизационных миров» (С. 122). При этом подвергается серьезному сомнению утверждение Хантингтона, что основанием цивилизаций является религия: «религия — не основание цивилизации, а форма рефлексии над такими основаниями», которые нужно искать глубже, в архетипах культуры (С. 123).

Третья часть монографии посвящена парадигме цивилизации как этносоциокультурной общности, которая интегрируется символическими средствами (знаковыми системами коммуникации, обычаями, ритуалами, религиозными нормами, моральными требованиями и др.) и объединяет людей на протяжении жизни многих поколений. В такой общности диахронические связи преобладают над синхроническими и реализуются через преемственность поколений. В центре внимания авторов — проблема оснований такой общности, т.е. структур, которые через ментальные установки, смыслы и ценности регулируют межсубъектное общение, тем самым формируя ее единство. Излагается оригинальная авторская концепция происхождения оснований цивилизации в результате обобщения этнокультурных архетипов, возникающих на границе биологического и культурного миров. Эволюционные корни этнокультурных архетипов

усматриваются в инвариантах биосоциальной организации — особых структурах, которые обеспечивают включенность организма в биологическое сообщество: они генетически наследуются и конкретизируются в процессах научения.

В монографии выделены четыре типа инвариантных биосоциальных отношений: а) отношения к пространству (персонализация, способы присвоения его ресурсов, отстаивания своего «жизненного пространства» и др.); б) способ «освоения» времени (воспроизводство себе подобных, включая семейно-брачные отношения, забота о потомстве, воспитании и др.); в) отношения по поводу распределения социальных ролей (доминирование-подчинение; иерархия, ранжирование ролей и др.); г) отношения, направленные на поддержание социального единства (альянсы на основе эмпатии; отношения «мы–они» и др.). Отмечается, что в ходе антропо-социогенеза, превращения биологических популяций в первобытные родоплеменные общности, инварианты биосоциальной организации трансформировались в культурные архетипы, определявшие соционормативные регуляторы поведения.

В ходе истории культурные архетипы эволюционировали, менялось их содержание и форма. В эпоху неолитической революции родоплеменные границы постепенно размывались, культурное перестало совпадать с этническим, открылись возможности образования надэтнических общностей, в том числе цивилизаций. Цивилизационный архетип сформировался как результат взаимодействия, отбора и обобщения, селекции этнических архетипов. Отражением этих процессов стало усиление знаковой функции ритуала, появление письменности, религиозной и политической символики, собственности, денежного обмена и др. Главное требование к таким знаковым системам — способность выполнять коммуникативную функцию вне пределов непосредственного общения, т.е. не в личностном, а в социальном пространстве и времени. Цивилизация — это постоянное символическое конструирование социальной реальности, которое требует повсеместного утверждения норм, ценностей и стереотипов культуры, обогащения внутреннего мира личности, волевой интенциональности, преодоления инстинктивно-биологического, жертвенности и др. Эту функцию направляет и координирует религиозно-мифологическая картина мира, непосредственно выражающая архетипы культуры, лежащие в основаниях цивилизации как этносоциокультурной общности.

Значительное место в монографии занимает парадигма цивилизации как институционализированного социума. Сделан важный вывод, что в этом случае основания цивилизации включают в себя установку на рациональное освоение мира, направляющее превращение знаний закономерных сторон мира в условие жизнедеятельности субъекта. В монографии рациональность определяется как способность человеческой мысли ос-

ваивать многообразные структурные связи и отношения бытия, отражать структурную организацию мира (Гл. 14). Рациональность — важнейшее условие цивилизационной организации общественной жизни: человек становится деятельной, инициативной, творческой силой, сознательно формирующей среду своего обитания, мир культуры, т.е. субъектом исторического процесса. Поэтому в ходе неолитической революции возникает потребность в новом типе сознания, которое спроектировано в будущее и потому носит активно-конструирующий характер. Этим оно кардинально отличается от первобытного сознания, которое носит эйдетический характер [5. С. 84–85] и не ориентировано на создание устойчивого образа будущего. Только в сознании активно-конструирующего типа возможно абстрактно-понятийное мышление, переход «от мифа к логосу». Показано также, как в древнейших цивилизациях Востока этот путь проявляется в формах протонаучного мышления (Гл. 15).

Неразрывность рациональности и цивилизованности исследуется в ходе анализа отношений цивилизации и варварства. Показано, что эти отношения не так просты, как их обычно изображали в «цивилизационном нарративе» эпохи Просвещения и учебниках истории. Переход от варварства к цивилизации никогда не был однонаправленным и одноразовым, далеко не всегда и не все варварские общества стремились стать частью цивилизации. Многие общества могли столетиями жить в состоянии цивилизации, а затем возвращались в варварство. Поэтому авторы вводят два новых понятия: «вторичного варварства» — как результата сознательно-целенаправленного неприятия цивилизованности (С. 245); неоварварства — как варварства эпохи постмодерна. Неоварварство переворачивает отношения цивилизованного и варварского; оно объявляет дикостью цивилизацию и призывает от нее отказаться, разрушает нормы, ценности, рациональные установки цивилизации, размывает их в «ценностях лубочной масскультуры и крикливо окрашенного гламура» (С. 249–250). По мнению авторов, постмодерн — это время исчерпания потенциала цивилизационного способа организации социума, проявлением чего и является неоварварство (С. 251).

Обращаются авторы и к остро дискуссионному вопросу о перспективах цивилизации — об основе постцивилизационной организации, о результатах антропологического кризиса постмодерна. Здесь авторы ступают на зыбкую футурологическую почву конструирования «сценариев будущего», выбор между которыми носит оценочный характер. Модели постцивилизации авторы подразделяют на две группы: «социальной инженерии» и трансгуманизма (трансформации природно-биологических оснований человека) (Гл. 17), подчеркивая необходимость взвешенного и критического отношения к трансгуманизму, который сам по себе не однороден, содержит как взвешенные, так и экстремальные проекты. В нем встречаются не толь-

ко призывы к увеличению продолжительности жизни человека и совершенствованию когнитивных способностей, но и к «достижению бессмертия», в частности, через «состояние сингулярности» (полный разрыв с природно-биологической основой человека, отказ от тела и погружение сознания в суперкомпьютеры и др.). Авторы отмечают, что проекты перехода человека в пост (транс-, над-, сверх-) состояние несут в себе элементы как утопизма, так и антиутопизма. Они усматривают в трансгуманизме современную форму «социальной алхимии», т.е. подобие попыток алхимиков Средневековья и Ренессанса создать «в колбе» искусственного человека, гомункула.

Рецензируемая монография многопланова, в ней поднят широкий круг вопросов социально-философского, историко-философского и теоретико-познавательного планов. Не все они, разумеется, освещены в одинаковой мере, например, хотелось бы детальнее ознакомиться с волевым потенциалом цивилизованности — чем определяются его границы, в каких обстоятельствах он исчерпывается и др. (С. 254–259). По-видимому, необходима и более детальная проработка (в свете новейших достижений зоопсихологии, этологии и др.) концепции инвариантов биосоциальной организации, в частности, прояснение их связей с ритуальным поведением, способами коммуникации.

В заключение отметим, что при всей абстрактности предмета исследования авторы монографии стараются излагать сложные вопросы понятным, живым и увлекательным языком. Это позволяет рекомендовать рецензируемую монографию в качестве учебного пособия в вузах России для студентов и аспирантов социально-гуманитарных специальностей.

Информация о финансировании

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН

Библиографический список

1. Бэр К. Взгляд на развитие наук // Избранные произведения русских естествоиспытателей первой половины XIX века. М., 1959.
2. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2004.
3. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М., 2006.
4. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. I–IV. М., 2015–2016.
5. Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М., 1993.
6. Данилевский Н.Я. Дарвинизм. Критическое исследование: в 3-х тт. СПб., 1885–1889.
7. Найдьши В.М., Комарова Н.П. Постмодерн и кризис цивилизации // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2013. № 1.
8. Наука и квазинаука. М., 2008.
9. Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. М.–СПб., 2001.
10. Braudel F. L'apport de l'histoire des civilisations // Le Monde en devenir. Encyclopedie francais., t. XX.
11. Braudel F. Ecrits sur l'Histoire. P., 1969.
12. Horkheimer M. Eclipse of Reason. N.Y., 1974.
13. Wallerstein I. The Modern World System. Vol. 1–2. N.Y., 1974–1980.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-416-425

On the connection between social and epistemological aspects of the civilizational approach*

N.S. Kirabaev, E.N. Gnatik, I.A. Zhubrin

RUDN University

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: kirabaev-ns@rudn.ru; ekaterinagnatik@rambler.ru; zubr455@mail.ru)

Abstract. The article is a review of the monograph of the professors of the Department of Ontology and Theory of Cognition of the RUDN University V.M. Naidysh and O.V. Naidysh *Civilization and Rationality. Essays on the Philosophy of Mythology* (Moscow: Rusains, 2020. 286 p.) which explores social-philosophical and epistemological aspects of the civilizational approach. The issues of rationality and civilization are connected by the theory of consciousness presented as a form of reflection of reality by the active subject included in the networks of (direct and indirect) communication systems, as an integrator of cognitive activity, sensory-emotional experience of the world and volitional intentionality of the subject. The review focuses on two civilizational paradigms — civilization as an ethnosociocultural community and civilization as an institutionalized society that developed during the ‘Neolithic revolution’. The monograph analyzes a wide range of issues: theoretical-methodological prerequisites of models of the historical process, origins of the civilizational model of history, concepts of civilization in the 19th — early 21st century, the structure of the foundations of civilization, the role of rationalism and myth-making in the life of civilization, processes of rationalization and derationalization of culture, the genesis of thinking, the nature of the archetypes of culture, the formation of rationalism in the cultures of the Ancient East, concepts of barbarism and neo-barbarism, etc. The monograph also examines the debatable issue of possible prospects of civilization: among the models of post-civilization, transhumanism seems to be the most popular (the program of the artificial transformation of the natural-biological foundations of man). The authors call for a balanced and critical perception of transhumanism, because its most radical, extreme versions are a contemporary form of ‘social alchemy’.

Key words: civilization; consciousness; thinking; history; rationality; myth-making; knowledge; values

Funding

The publication was carried out with the support of the Strategic Academic Leadership Program of the RUDN.

* © N.S. Kirabaev, E.N. Gnatik, I.A. Zhubrin, 2022

The article was submitted on 28.12.2021. The article was accepted on 23.03.2022.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-426-438

Несправедливая справедливость, или как социальный активизм разрушает идеи равенства и «хорошего общества»*

И.В. Троцук

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия
(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу Дугласа Мюррея «Безумие толпы. Как мир сошел с ума от толерантности и попыток угодить всем» (Пер. с англ. Н.А. Ломтевой; М.: РИПОЛ классик, 2021. 480 с.). Хотя это не следует из названия (как и в аналогичной по тематике и оценочности работе Х. Плакроуз и Дж. Линдси «Циничные теории. Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого»), книга посвящена идее социальной справедливости — тем ее трансформациям, что обусловлены размыванием границ между академическими исследованиями и социальным активизмом, частной и публичной жизнью, прошлым и настоящим (в их медийной репрезентации). В книге на примере нескольких макрокейсов, характерных и очевидных для западного общества, но хорошо знакомых российскому читателю по медийной риторике, рассмотрены последствия для «объективного» состояния справедливости радикального изменения ее трактовки с идеалистически-философских (социальный уровень) на карательно-политизированные (уровень групп и сообществ, включая личную ответственность).

Ключевые слова: справедливость; теории справедливости; справедливое общество; проблема неравенства; борьба за права; «новая религия справедливости»; дискурс; феминизм; расизм; гендер

Слово «справедливость» и ее производные насыщены политическими коннотациями и одновременно выступают аргументом в повседневных спорах, что затрудняет теоретическую и эмпирическую работу социолога с этой группой понятий. Проблема эта не нова — большинство работ о справедливости ссылаются на учение Платона об идеальном государстве как основанном на величайшем благе — справедливости — и предотвращающем многочисленные несправедливости. Вряд ли кто-то сегодня откажется от подобной идеализации, и в целом «заявления о смерти идеи справедливости являются

* © Троцук И.В., 2022

Статья поступила в редакцию 01.02.2022 г. Статья принята к публикации 07.04.2022 г.

преждевременными, ибо идея эта сегодня воспринимается вполне неплохо» [11. С. 381]: судя по опросам общественного мнения, справедливость выступает критерием оценки разных аспектов современной жизни (оплата труда, распределение национальных богатств, доступ к образованию, система налогообложения и др.) и состояния общества в статичной (трактовки справедливости) и динамичной (изменения ее уровня) перспективах.

В научной литературе сложились разные подходы к определению справедливости: например, П. Штомпка [11. С. 384] выделяет три уровня ее проявления — общий нравственный ориентир (морально-правовой дискурс), кодифицированная норма (законы и кодексы) и признак социальных отношений (степень реализации ориентиров и норм). В социальных науках можно выделить два направления дискуссий о социальной справедливости: либо она выступает вспомогательной категорией для обоснования авторской концепции (скажем, исторической типологии обществ по критерию «социально-справедливых» типов неравенства и видов насилия [3]) или масштабной реконструкции эволюции западной цивилизации — как основанной на сосуществовании разных форм справедливости и нарастании кодификации правовых и этических норм [5]); либо речь идет о создании идеальной политико-философской модели справедливости — чтобы выносить обоснованные и практико-ориентированные публичные суждения о сравнительной справедливости и борьбе с несправедливостью [7]). Теории справедливости объединяет общее стремление — понять, как можно улучшить жизнь людей, т.е. «что можно сделать в плане практического рассуждения о справедливости и несправедливости... общее стремление к справедливости в человеческом обществе... не так-то просто искоренить, пусть даже стремиться к осуществлению справедливости мы можем разными способами» [7. С. 517–518]. Многие исследователи возлагают на человека личную ответственность за сохранение и укрепление справедливости — своими решениями и поведенческими выборами, т.е. запрещают нам прятаться за институциональными недостатками и системными ограничениями.

В последние десятилетия нейтральные академические высказывания о личной ответственности за справедливое устройство общества обрели обвинительный оттенок, и этот стигматизирующий дискурс распространился на всю социальную действительность, радикально трансформируя многие ее черты (в ряде западных обществ). Источником подобных изменений стала «россыпь критических теорий, возникших в ходе постмодернистского поворота с его проблематизацией власти, знания и истины» — в результате «ничто не может укрыться от активистов, задавших миссией выявить и уничтожить любые формы угнетения», однако, «несмотря на благое желание сделать мир чуточку справедливее, критические теории с их практически религиозным рвением и черно-белым восприятием мира представляют угрозу как для академии, так и для общества» [4. С. 4]. Декларативно все радикально-практиче-

ские теории служат делу социальной справедливости (политика идентичности и политическая корректность), но реально «сбивают с толку и противоречат здравому смыслу в контексте культуры, привыкшей ставить на первое место человеческое достоинство и поэтому ценить доверительные интерпретации и терпимость к широкому спектру взглядов» [4. С. 14].

Согласно аннотации, в «Безумии толпы» Д. Мюррей «исследует опасности “культуры отмены” и роста политики идентичности, которые все чаще становятся не способом защитить угнетенных, а инструментом наказания несогласных», обращаясь к «таким противоречивым вопросам современности, как сексуальность, пол, раса и влияние технологий на наше поведение в Интернете», и утверждая, что «нам следует заново научиться прощению и состраданию» (С. 6). Поиски «здорового смысла в хаосе сложных моральных дилемм современности» Мюррей ведет, опираясь именно на понятие справедливости, а не многочисленные общеизвестные теории толп или массового общества. Книга представляет собой набор убедительных кейсов (исключительно из западной жизни), призванных подтвердить, что «мы проходим через великое безумие толпы. На публике и в частной жизни, как в Интернете, так и вне его, люди ведут себя все более иррационально, лихорадочно, стадно и попросту неприятно. Ежедневный поток новостей полон последствий этого поведения. Тем не менее, хоть мы и видим повсюду симптомы, мы не видим причин» (С. 7).

Поиск причин Мюррей начинает с объяснения истоков нынешнего состояния — это крах великих нарративов [2] (другие авторы говорят о «прикладном повороте постмодернизма» [4]), и Мюррей датирует его зарождение крахом секуляризации в XIX веке. За ним последовало разрушение политических идеологий и постмодернистское подозрительное отношение ко всем великим нарративам, которые, «несмотря на свое несовершенство, по крайней мере наделяли жизнь смыслом» — «в постмодернистский вакуум начали влезать новые идеи — с намерением привнести свои собственные объяснения и смыслы» (С. 8). Результатом стало «внедрение новой метафизики» (религии или идеологии), которая «более заинтересована в продвижении того, что должно, нежели в беспристрастных оценках того, что есть» [4. С. 60]), «интерпретирует мир сквозь призму “социальной справедливости”» и «не подразумевает оппозиции к себе. “Вы против социальной справедливости? Вы что, хотите социальной несправедливости?”» (С. 10). В качестве примера во Введении приведена политика идентичности — «она разделяет общество на различные группы интересов в соответствии с полом (гендером), расой, сексуальными предпочтениями и т.д. Она предполагает, что такие характеристики являются главными или единственными релевантными атрибутами своих носителей... и живые, и мертвые люди должны занимать здесь правильную сторону» (С. 10–11) (отсюда, например, снос памятников тем, кто сегодня объявлен принявшим неверную сторону).

Хотя подобное использование понятия «социальная справедливость» размывает его и без того неустойчивые концептуальные трактовки, Мюррей точно описывает логику создания вокруг него «новой идеологии» — в духе критического дискурс-анализа [9; 10]: превращение в мейнстримные прежде малоизвестных слов («ЛГБТК», «белая привилегия», «трансфобия», «токсичная маскулинность»); формирование новой терминологии («триггерить», «ощущать себя не в безопасности»); легитимация новой риторики («неправильное поведение» влечет стигматизацию — «гомофоб», «сексист», «мизогин», «расист», «трансфоб» и т.д.) — они обостряют существующие разногласия и создают все новые, вместо того чтобы снижать уровень социальной напряженности и повышать социальную солидарность (такие цели продолжают декларировать все государства и институции, принимающие на вооружение «новую идеологию»).

Книга Мюррея легко читается и имеет отчетливый научно-популярный характер, но при этом порождает массу концептуально-категориальных ассоциаций. Например, когда автор говорит о нарастании социальных разногласий (аномии скорее в дюркгеймовском, чем в мертоновском смысле) — «вместо того, чтобы показать, как мы все можем ладить друг с другом, уроки, преподнесенные последним десятилетием, похоже, обостряют ощущение того, что в действительности мы довольно плохо друг с другом уживаемся» (С. 13–14), по сути, речь идет об отказе от «традиционного» общественно-го договора и попытках перезаключить его на иных основаниях. Утверждая, что современная культура постоянно ставит нам подножки, Мюррей имеет в виду суперскоростные изменения сути и результатов прежде «чрезвычайно успешной борьбы против ужасных несправедливостей истории» — «то, что еще вчера едва обсуждалось, сегодня стало тем, что способно разрушить жизнь человека»: как только движение за права человека в Америке, казалось бы, приблизилось к долгожданному итогу, «все стало казаться лучше, чем когда-либо прежде, риторика сменилась: согласно ей, дела никогда еще не обстояли хуже» (С. 16). Более того, оправданные объективными несправедливостями кампании по защите прав неожиданно отклонились от поисков равенства к определению того, кто «лучше» — это только тот «добродетельный» человек, кто многословно, постоянно и публично признается в лояльности новой системе («антирасист», «союзник ЛГБТ-сообщества», «феминист»).

Мюррей приводит два метафорических объяснения происходящего: рыцарь, убивший дракона, жаждет новых славных сражений, поэтому продолжает размахивать мечом в воздухе, борясь с воображаемыми драконами; многие хотят занять места на баррикадах (оставшихся после относительно успешно завершившейся борьбы за равные права), хотя революция уже закончилась (С. 19).

С тем, как книга затрагивает проблематику социальной справедливости, читатель разбирается к 19 странице, а вопрос о безумии толпы проясняется

к 21. Мюррей считает сумасшествием попытки заставить человека поверить в то, что «не существует разницы между гомосексуальностью и гетеросексуальностью, мужчинами и женщинами, расизмом и антирасизмом», но это «сумасшествие (безумие толпы) — то, в центре чего мы оказались, и то, из чего нам нужно найти выход» (С. 21).

Основное содержание книги — это разбор нескольких «кейсов», наглядно иллюстрирующих происходящее. Речь идет преимущественно об американском обществе, где Мюррей выделяет четыре макрокейса (названия соответствующих глав мало информативны и провокативны): «геи», «женщины», «раса» и «транс» (набор макрокейсов может быть иным, включая постколониализм, квир-теорию, исследования инвалидности и полноты [4]). В первой главе Мюррей утверждает, что весьма показательно, как люди и социальные движения ведут себя в зените славы — когда добились победы: «Позволите ли вы сопернику использовать те же инструменты, которые привели вас к победе? Терпимость и толерантность — это принципы или лишь фиговые листки? Будут ли те, кто подвергался цензуре, цензурировать других, если у них будет такая возможность?» (С. 32). Так, применительно к гей-сообществу можно говорить о нарушении им тех идей, которые лежали в основе борьбы за права геев: во-первых, принципа «никого не касается, чем занимаются взрослые люди добровольно и за закрытыми дверями» (С. 33); во-вторых, в большинстве западных обществ отношение к геям сменилось с «морального порицания к высказыванию порицания любому, чьи взгляды хоть немного выступают за рамки новоприобретенного мышления» (например, гомофобные взгляды школьников позволено называть экстремизмом — С. 36).

Мюррей ссылается на книгу Дж.С. Милля «О свободе», в которой еще в 1859 году была объяснена необходимость свободы слова: противоположное мнение может быть верным полностью или частично, но оно важно для корректировки нашей ошибочной позиции; если противоположное мнение ложно, оно помогает избежать невежественного догматизма, которое, в отсутствие себе противоречий, может выродиться в бессмыслицу. Кроме того, в отношении сексуальной ориентации пока недостаточно научных знаний (появляются подтверждения ее пластичности, но ни генетики, ни философы однозначных определений причин гомосексуальности не дали), но в качестве единственно верных были приняты более догматические предположения (геями рождаются, это естественное состояние и точка невозврата), чем те, которые они сменили (однополые предпочтения — следствие «внушения»). В результате мы оказались в менее справедливо устроенном мире, чем прежде: поддержка легализации однополых браков становится обязательным условием получения гражданства; масса «гей-сюжетов» заполонила все категории новостей — это выглядит как «наверстывание упущенного времени или просто стремление ткнуть этим в лицо тем, кто не поспекает за стремитель-

но меняющимися устоями. В любом случае в воздухе витает нечто странное и отдающее карательными настроениями» (С. 43).

Вывод Мюррея имеет обобщающий характер: «Один из основополагающих для современной морали тезисов — осознание того, что нельзя наказывать, унижать и смотреть свысока на людей за те характеристики, над которыми они не властны» (общественные настроения переменял переход от идеи, что гомосексуальность — приобретенное свойство, к идее, что она врожденная) (С. 54). «Современные люди с большим сочувствием относятся к поведению, которое не может поддаваться изменению, но мы все еще довольно критичны и находим сомнительным стиль жизни, который считаем свободным выбором человека, особенно если это поведение причиняет неудобства окружающим» (С. 55).

Казалось бы, если все обстоит настолько хорошо (по крайней мере «в западных демократиях»), то в чем тогда проблема? Во-первых, за каждой буквой аббревиатуры ЛГБТ стоят сообщества, у которых мало общего со всеми остальными. Например, даже на вопрос, «являются ли геи точно такими же, как все другие люди, за исключением одной-единственной характеристики», есть как минимум два ответа: являются и потому должны обладать всеми правами гетеросексуалов (путь к добропорядочности через нормализацию); нет, не являются, поэтому должны нарушать привычные правила жизни, а не пытаться приспособиться к ним (С. 67). Во-вторых, «колонны людей, одетых в фетиш-одежду на “гей-парадах”, отталкивают своим видом от любой из тех целей, которые они преследуют. Если бы участники движения за права чернокожих нарядились так, их правоту было бы проще игнорировать» (С. 71). В-третьих, борьба геев за равенство прав выглядит так, будто многие из них «хотят быть равными, но с небольшим “гей-бонусом”» (С. 73) (например, требуют права заключать брак, но не обязуются придерживаться моногамии и заводить детей). В-четвертых, «геи заставляют гетеросексуалов по-настоящему нервничать» (С. 84): например, сведение существования двух полов к гендерным различиям привело к утверждению, что «гендер не реален, это лишь социальный конструкт или повторяющийся социальный перформанс» (аналогичной «постмодернистской деконструкции» подверглось и понятие расы), а «мужское и женское — это культурные предпочтения» (С. 96).

Очевидно, что все перечисленное «несправедливо» с точки зрения обычного человека, но в академической среде западных вузов, медийной реальности и социально-политическом дискурсе все это представлено как борьба за социальную справедливость в капиталистическом обществе, которое по определению «сексистское и патриархальное, не говоря уже о том, что и расистское» (С. 101). Мюррей полагает, что «оружием (обвинения в расизме, сексизме, гомофобии и трансфобии) [под знаменами борьбы за равные права и социальную справедливость] было слишком легко завладеть, а наказания за несправедливое, необоснованное и даже легкомысленное его использова-

ние не было» (С. 104). Поэтому многие ученые перестали заниматься исследованиями, предпочтя пропаганду «новой ортодоксии» — активизм и политические заявления не просто вытеснили науку, но стали притворяться ею, используя умышленно запутанный стиль «для посвященных». «Популяризаторы теорий социальной справедливости... представили целую библиотеку работ, которые (какими бы они ни были нечитаемыми) представляют интеллектуальную парадигму, с высоты которой можно принимать политические позиции и делать политические заявления... Любому студенту, размышляющему о том, действительно ли мир таков, может быть мгновенно представлена библиотека устрашающих свидетельств того, что абракадабра, которую он никак не может понять, — его вина» (С. 106).

Впрочем, и сам Мюррей впадает в некоторую крайность, утверждая, что одна из причин нынешнего социального безумия — марксистская философия (во всех ее постпроявлениях), стремящаяся к противоречиям. «Любой, кто надеется, что теория интерсекциональности растворится в условиях всех присущих ей противоречий, не знает, какие мириады противоречий марксист может держать в голове одновременно. Идеологические дети политики идентичности и интерсекциональности, похоже, счастливы занимать пространство, заваленное противоречиями, абсурдностями и лицемерием» (С. 103). Это слишком оценочное отношение к собирательному марксисту — и в позитивном смысле (вряд ли можно нормально жить с мириадами противоречий в голове), и в негативном (сомнительно, что во всех абсурдностях жизни виноваты марксисты или их последователи, особенно когда в качестве примера приводится убеждение «фем-исследователей, что жертвам сексуального насилия необходимо верить» — С. 103).

Другие три макрокейса рассмотрены Мюрреем в той же содержательной и оценочной логике. Второй кейс — женщины: сегодня мы живем в «самообмане насчет биологической действительности» — общества уверовали в заблуждение, что «все биологические различия могут отодвигаться в сторону, отрицаться или игнорироваться... мы пытаемся перестроить общества не в соответствии с биологическими фактами, а основываясь на политических фальсификациях, продвигаемых активистами из области социальных наук» (С. 113). Причем нравственную этику и моральный кодекс для отношений полов неожиданно стал диктовать Голливуд, что свидетельствует о «замешательстве эпохи» по поводу возможных ролей женщин («колебания между разворотом и ханжеством») и о попытках установить для взаимоотношений полов некие простые, очевидные и универсальные правила, что невозможно (например, как сочетаются соблазн и манипуляции с «матрицей угнетения женщин», как можно отказаться от сексуализации женщин в культуре, которая требует от них быть сексуальными, и т.д.).

По мнению Мюррея, проблема неравенства не устраняется «позитивной дискриминацией»: продвижение женщин, сексуальных и этнических

меньшинств по карьерной лестнице мало повлияло на «уровень классовой мобильности... все, что удалось, — это построить новую иерархию («кастовую систему состояний угнетения» [4. С. 179])... Главной проблемой является не только то, что теории интерсекциональности укореняются в институциях, не будучи толком продуманными или не имея под собой доказательств..., а в том, что эти новые системы продолжают строиться на групповых идентичностях, к пониманию которых мы еще не приблизились... по поводу которых люди еще не пришли к согласию. Среди них — проблема взаимоотношений между полами и вопросы, которые мы когда-то называли “феминистскими”» (С. 161). Практически добившись успеха в обеспечении таких же шансов женщин на успех в жизни и карьере, как у мужчин, феминизм сначала раскололся на множество движений по частным вопросам, а затем увлекся яркой риторикой («глобальная война против женщин», «вызов патриархату», «все мужчины — мусор», «мужская привилегия», «мэнсплейнинг» и «токсичная маскулинность» — аналогичные обвинения в адрес женщин не допускаются). «Успех феминистских тезисов начал зависеть от искажения и преувеличения заявлений» (С. 168), в результате «мужененавистничество разрушило репутацию феминизма» (С. 179). «Активизму, стоящему на пренебрежительных, ироничных, антинаучных и трудных для понимания основах, сложно быть продуктивным. Людям, которые хотят, чтобы их пол, гендер или сексуальность были приняты в качестве нормы, не помогают и постоянные упоминания о том, что считать что-либо нормальным — уже проблематично» [4. С. 149].

Другой проблемой феминизма Мюррей считает выбранную им стратегию развития: в отличие от борцов за права геев, которые пытались убедить мир в том, что гомосексуальность является врожденным свойством, борцы за женские права, напротив, отстаивали трактовку пола как «повторяющегося социального перформанса», а не биологической данности. В итоге «мы движемся в неверном направлении, и технологии помогают нам двигаться в разы быстрее... Каждый день появляется новый предмет ненависти и морального осуждения... Интернет позволил новым формам травли под прикрытием социального активизма стать лейтмотивом нашего времени... Интернет и социальные медиа ликвидировали то пространство, которое существовало между публичным и приватным языком. Социальные медиа оказались непревзойденным средством для укоренения новых догм и подавления противоположных мнений» (С. 184–186), причем под лозунгами борьбы за социальную справедливость даже в отношении прошлого («факты переупаковываются в моральные прегрешения или даже в акты насилия», т.е. прошлое переписывается).

Третий макрокейс — раса: здесь Мюррей тоже сопоставляет изначальные цели движения за равные права (справедливое обращение с людьми, невзирая на цвет кожи) с тем, во что оно превратилось сегодня (цвет кожи важнее личности). «Как это было и в случае с феминизмом... в тот момент, когда

расовое равенство было большим, чем когда-либо в истории... появилась новая пылкая риторика и новый набор идей. Точно так же, как популярная ветвь феминизма вместо прославления женщин обратилась к демонизации мужчин, часть “черных исследований” начали атаковать людей, цвет кожи которых не был темным. Дисциплина, направленная на дестигматизацию, начала стигматизировать» (С. 211). Мюррей приводит множество примеров распространения расистских терминов, которые делают антирасизм расистским, потому что он отказался от концепции «слепоты к цвету», начал «расовые войны» в мире искусства, борется против «культурной апроприации», квалифицирует современные институции западных демократий, по сути, наименее расистские в истории, как стоящие на пороге расового геноцида, пропитанные явным и неявным расизмом и «белой гегемонией» и т.д. Но невозможно «покончить с расизмом, видя его повсюду» [4. С. 151].

Активисты постоянно «прочесывают прошлое, что приводит не к выработке полезного критического взгляда, а к невротическому страху насчет того, что сегодня можно говорить, а что — нельзя» (С. 237). «Теперь не существует безмятежного занятия или способа провести время, который не способен был бы в любой миг охватить расовый скандал» (С. 247). Мюррей связывает эту ситуацию и смятение всего общества с сосуществованием разных «программ»: с одной стороны, это концепция мира, где для счастья нужно ценить все культуры, и убеждение, что раса и культура — разные вещи; с другой стороны, идеи жестких культурных границ и синонимичности культуры и расы, т.е. «посягательство на чью-то культуру является актом расистской агрессии или “апроприации”», и расовый вопрос стал политическим (С. 258). «Согласно новому определению расизма, имеются в виду не предрассудки по поводу расы, а скорее расистская система, пронизывающая все взаимодействия в обществе, но остающаяся невидимой для всех, кто с не сталкивается с ней на своем опыте или не обучен соответствующим “критическим” методам» [4. С. 15]. Политизацию расовых отношений и идентичностей Мюррей подтверждает «нормализацией мстительности» (карательные настроения относительно прошлого и попытки его переписать), «началом эры возмездия» (обвинение белых людей во всех преступлениях прошлого) и расистскими способами антирасистской борьбы (например, «ветчина» — обозначение «свиноподобных белых людей», краснеющих, чтобы скрыть свою ксенофобию; гарвардский тест на «скрытые предубеждения»; замена позиции «факты неверны» идеей «факты бесполезны» и т.д.).

Вывод Мюррея пессимистичен: «мы создали мир, в котором прощение стало практически невозможным, в котором грехи отца могут быть возложены на сына... мир, где действия могут иметь такие последствия, какие мы никогда не могли себе вообразить, где вина и стыд ближе, чем когда бы то ни было, и где нет никаких средств к искуплению... мир, в котором проявляется один из величайших видов власти — власти осуждать и потенциально разрушать

жизнь других людей по причинам, которые могут быть, а могут и не быть искренними» (С. 308–309).

Четвертый макрокейс — трансгендерность — вызывает у автора наибольший пессимизм и возмущение. Мюррей отмечает, что идею размытости границы между двумя полами можно обнаружить в истории многих культур (от трансвестизма до транссексуальности), и существует легитимное научное понятие интерсексуальности, которое мало кого интересует, тогда как трансгендерность вторгается во многие спорные вопросы, порождая нагромождения логических противоречий. Например, хотя трансгендеров включили в аббревиатуру ЛГБТ, их заявления противоречат убеждениям гей-движения: согласно идее трансгендерности, человек может жить в «неправильном» теле и считать себя представителем другого пола, т.е. важны не врожденные качества, а идентификация. Одним из следствий широкого признания этой идеи стало обвинение феминисток в «постоянном мисгендеринге трансженщин» и «трансфобии» (хотя феминисток смущает, что идея трансгендерности усиливает те социальные стереотипы о гендере, с которыми они боролись). Другое следствие — введение диагноза «гендерной дисфории», благодаря чему даже несовершеннолетние получают доступ к препаратам и процедурам по смене пола вопреки протестам родителей и при поддержке школьного и медицинского сообществ. Следует отметить, что Мюррею удается избежать чрезмерной оценочности, даже если он считает проблему предельно опасной: «проблема трансгендерности заключается не в неравенстве, а в ложной уверенности, при помощи которой одна из самых загадочных проблем (гендерная идентификация) преподносится как одна из самых ясных и понятных вещей (благодаря гормонам и хирургии)» (С. 393).

Выводы Мюррея в Заключении напоминают об известной «теореме Томаса»: хотя многие западные страны добились успехов в обеспечении гендерного, расового и иных видов равенства, «поборники социальной справедливости» описывают их как расистские, сексистские, гомофобные и трансфобные, утверждая, что эти виды угнетения оплели общества плотной паутиной, и требуя от всех и каждого ее деятельного разрушения. Мюррей не видит столь тесной взаимосвязи перечисленных видов неравенства, поэтому агрессивное ее отстаивание «поборниками социальной справедливости» называет «новой религией» (слепая вера без научных доказательств, сплошные противоречия и путаница). «Основания ее таковы: кто угодно может стать гомосексуалом, женщины, возможно, лучше мужчин, люди могут стать белыми, но не чернокожими, и каждый может сменить пол. Любой, кто не вписывается в эту парадигму, является угнетателем. И все вокруг должно политизироваться» (С. 397).

Впрочем, Мюррей отмечает и нарастание разочарований в «новой религии справедливости» («вероисповедной традиции, враждебной рациональному мышлению, фальсифицируемости, опровержению и несогласию любого

рода» [4. С. 296]), обусловленных, в первую очередь, противоречивостью ее постулатов: например, победы транссексуалов, сменивших пол с мужского на женский, в женских видах спорта нарушают идею равенства полов, а в контактных видах спорта и традиционное убеждение, что «женщин бить нельзя». Мир стал безумен, потому что повсюду появились невозможные (ты должен понять боль угнетенного, но не можешь, потому что ты — не он) и взаимоисключающие (женщина имеет право выбирать семью или карьеру, но материнство — бесполезная «биологическая рутина») требования, иерархия угнетения утратила упорядоченность, активисты видят угнетение даже там, где его нет («группы жертв» часто имеют привилегии, в том числе благодаря позитивной дискриминации). Мы совершенно не понимаем, как на этот мир правильно реагировать, поэтому тратим массу времени и сил на разговоры, размышления и согласования.

Не очень понятны (тематически и контекстуально) отсылки Мюррея к «марксистской подоплеке» нового мира, хотя в конце книги проясняется интенция автора — выстроить столь же всеобъемлющую объяснительную схему, какую предложил марксизм (в его упрощенной трактовке). Описание Мюрреем безумного современного общества (в его британско-американской части) напоминает карикатурные изображения «гнусных капиталистов» в советский период: «Целью борцов за социальную справедливость было брать каждую из проблем — геев, женщин, расовую, проблему трансгендерности — и представлять как ущемление в правах... Их желание состоит не в том, чтобы излечить, а в том, чтобы разделить... Если вы не можете управлять обществом... вы можете попробовать что-то еще... — вы сеете сомнение, раздор, враждебность и страх. Наиболее эффективно вы можете заставить людей сомневаться абсолютно во всем... — хорошо ли вообще общество, в котором они живут... справедливо ли они относятся к другим людям... А затем представить все так, будто у вас есть ответы» (С. 423), хотя нет никаких гарантий, что эти ответы можно воплотить в жизнь (все не могут получать шестизначные зарплаты, работодатель не может обеспечить равное представительство всех рас, гендеров, этносов и сексуальных меньшинств и т.д.) и что они «способствуют достижению целей подлинной социальной справедливости и равенства» [4. С. 21]. В нынешнем активистско-агрессивном формате «социальная справедливость — красивая теория... которая не способна добиться успеха, потому что не согласуется с реальностью и фундаментальными представлениями о справедливости и взаимодействии... это идеалистический метанарратив» [4 С. 332].

Единственный «путь к освобождению от безумия» для Мюррея — это сочетание великодушия (даже к мнимым противникам), деполитизации частной жизни (политика не должна быть источником личных смыслов), баланса в отношении к различиям (между их нелепым отрицанием и губительной гипер-

болизацией) и мысленной работы, потому что «наша эпоха делает некоторые вещи, которые мы бы не стали делать, если бы позволили себе продолжать думать» (С. 447).

Конечно, социологу несколько обидно читать, что «физик-теоретик не может себе позволить писать нечитабельным стилем социальных наук», «ясность и честность мертвы — если и вовсе существовали — в социальных науках», и «можно довериться ученым, а не социологам, и согласиться с тем, что проще сказать, кем люди являются, а не кем они себя называют». Однако Мюррей имеет в виду, что критические исследования социальной справедливости «исходят из теоретической предпосылки, что общество функционирует при помощи систем власти и привилегий, закрепленных в языке, которые создают знание исходя из потребностей привилегированных и отрицают опыт маргинализированных... эти исследования нацелены на борьбу... с любыми аналитическими методами, которые противоречат их предпосылкам или утверждениям, сделанным на их основе» (например, поборники телесной полноты как «нормального принятия себя» не упоминают объективных рисков лишнего веса и ожирения для здоровья) [4. С. 261]. Книга развивает социологическое воображение, показывая, как много теоретико-методологических вопросов можно обнаружить в самых обыденных и/или политизированных явлениях действительности; развенчивает российские телевизионно-пропагандистские стереотипы, показывая, насколько неоднороден Запад с точки зрения происходящих в нем изменений и моделей их осмысления; и, наконец, можно поспорить с предвзятым отношением автора к социальным исследователям, при этом приняв во внимание те ошибки социальных наук, которые названы им совершенно справедливо.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20-011-00307 «Субъективное и объективное измерения счастья: справедливость как критерий личного и социального благополучия»

Библиографический список

1. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2014.
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998.
3. Моррис И. Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности / Под ред. и с введ. С. Мэсидо. М., 2017
4. Плакроуз Х., Линдси Дж. Циничные теории. Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого. М., 2022.
5. Проди П. История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права. М., 2017.
6. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
7. Сен А. Идея справедливости / Науч. ред. В. Софронова, А. Смирнова. М., 2016.
8. Троцук И.В. Справедливость в социологическом дискурсе: семантические, эмпирические, исторические и концептуальные поиски // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 1.

9. Троцук И.В. Текстовый анализ в социологии: проблемы и обещания разных типов «чтения» слабоструктурированных данных. М., 2014.
10. Филипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Х., 2004.
11. Штомпка П. Справедливость // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-426-438

Unfair justice, or how social activism destroys the ideas of equality and ‘good society’*

I.V. Trotsuk

RUDN University

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Vernadskogo Prosp., 84, Moscow, 119571, Russia

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru)

Abstract. The article is a review of the book by Douglas Murray *The Madness of Crowds* (translated from English by N.A. Lomteva; Moscow: RIPOL classic, 2021. 480 p.). Although this does not follow from the title (as in the book by H. Pluckrose and J. Lindsay on the same topic and with the same estimates *Cynical Theories. How Activist Scholarship Made Everything about Race, Genders, and Identity* — and *Why This Harms Everybody*), the book focuses on the idea of social justice or rather its transformations due to the blurring boundaries between academic research and social activism, private and public life, past and present (in their media representations). On the example of several macro-cases, typical and obvious for the Western society, but well known to the Russian reader through the media-discourse rhetoric, the author identifies the consequences for the ‘objective’ state of social justice of such radical changes in its interpretations as the transition from idealistic-philosophical (social level) to punitive-politicized (the level of groups and communities, including personal responsibility) definitions.

Key words: justice; theories of justice; just society; problem of inequality; fight for rights; ‘new religion of justice’; discourse; feminism; racism; gender

Funding

The article was prepared with the support of the RFBR. Project No. 20-011-00307 “Subjective and objective dimensions of happiness: Justice as a criterion of personal and social well-being”

*© I.V. Trotsuk, 2022

The article was submitted on 01.02.2022. The article was accepted on 07.04.2022.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-439-450

Периферизация староосвоенности российских регионов*

А.М. Никулин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ

просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия

(e-mail: harmina@yandex.ru)

Аннотация. Статья представляет собой обзорную рецензию на книгу «Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность», подготовленную коллективом авторов под научной редакцией Т.Г. Нефедовой и А.В. Старикова (М.: Товарищество научных изданий КМК, 2021. 379 с.). Рецензируемая книга стала результатом многолетнего исследовательского проекта «Развитие районов старого освоения в условиях социально-экономической поляризации и сжатия освоенного пространства Европейской России», поддержанного Российским научным фондом в 2019–2021 годы. Авторы книги отмечают, что настало время отказаться от нереалистичных деклараций дальнейшего освоения всех просторов страны и обратиться к переосмыслению значения староосвоенных российских регионов и возможностей их реосвоения на основе накопленного ими культурного наследия и человеческого капитала. В фокусе исследования находятся два макрорегиона Российской Федерации — Центральная Россия и Урал. Исследование является полимасштабным и междисциплинарным, сочетает разнообразные количественные и качественные методы социальных наук. Несмотря на констатацию того, что сегодня наблюдается дальнейшая поляризация и сжатие освоенных российских пространств, авторы находят много подтверждений возможностей самоорганизации и устойчивого развития староосвоенных регионов на благо всей страны.

Ключевые слова: староосвоенные регионы; экономические реформы; пространственная поляризация; центр и периферия; человеческий капитал

Рецензируемая книга представляет собой комплексное социально-экономическое исследование регионов срединной полосы России, в основном расположенных внутри обширного треугольника, условными вершинами которого являются на Западе — Санкт-Петербург, на Востоке — Тюмень, на Юге — Белгород. По мнению авторов, в этой пространственной конфигурации находится основной ареал староосвоенных районов страны. Признавая понятие староосвоенности достаточно дискуссионным [5], авторы дают такое его определение: «Староосвоенные районы — это территории, где сохранились артефакты и ментифакты освоения прошлых исторических периодов. Их пласты накладывались друг на друга, но так, что накопленные до-

* © Никулин А.М., 2022

Статья поступила 20.01.2022 г. Статья принята к публикации 15.04.2022 г.

стижения и проблемы заметны до сих пор. Они зачастую продолжают влиять и на современную жизнь в виде культурного наследия, сложившейся структуры расселения, местных традиций, накопленных основных фондов и т.д. При этом «старость» освоения — понятие условное. Возраст староосвоенных районов может составлять и десятки, и сотни, и тысячи лет» (С. VII). Под артефактами обычно подразумеваются различные продукты творческой деятельности человека, а под ментифактами (или психофактами) — общие идеи, ценности и убеждения культуры, включающие в себя религию, язык и идеи. Таким образом, староосвоенные регионы в значительной степени насыщены напластованиями артефактов и ментифактов, в российских условиях часто «неустаканивавшимися», причудливым образом остающимися актуальными, парадоксально влияющими на современное развитие.

Но почему авторов заинтересовали именно староосвоенные регионы России — с ее просторами новоосвоенных, недоосвоенных и совсем неосвоенных территорий? [4]. Потому что староосвоенные пространства в последние десятилетия становятся центрами притяжения и концентрации населения России. Потому что, вопреки всем декларациям и стратегиям пространственного развития страны, при нынешних социальных институтах и условиях происходит сжатие и поляризация освоенного пространства — около 60 % населения страны проживает на 5 % ее территории. Наконец, потому что в староосвоенной части России находится «ядро формирования великорусского народа, колыбель его государства, вместилище столиц, средоточие населения и деятельности, памятников и центров культуры» (С. 8). При этом авторы подчеркивают, что, хотя по объему валового регионального продукта эта срединная часть проигрывает многим странам Европы и даже некоторым европейским и азиатским районам России, концентрация в ней населения и капиталов определяет ее устойчивое лидерство в потребительских и других секторах экономики. К тому же ее человеческий капитал является по-прежнему важнейшим фактором всего российского развития. Несмотря на сравнительно небольшую площадь российской староосвоенности, проблемы пространственной неравномерности ее развития не менее острые, чем во многих северных и восточных районах России.

Исследование, осуществленное в книге полимасштабно — восходит от анализа отдельных локальных кейсов (сельских поселений и малых городов) к комплексному изучению двух групп старопромышленных районов — в Центральной России и на Урале. Исследование основано на применении междисциплинарных методов — это количественные данные по муниципальным образованиям, результаты дешифрирования космических снимков, полевые материалы, собранные качественными методами в ряде районов России. Наконец, книга насыщена визуально-аналитической информацией — статистическими таблицами и графиками, картами и схемами, рисунками и фотографиями.

На протяжении книги авторы ищут ответы на ряд важнейших вопросов: «Как влияет длительность и характер освоения, смена его стадий на состояние городов и районов, культурных ландшафтов? В чем специфика современного периода? Почему социально-экономические контрасты в зоне старого освоения нарастают? В чем состоят ключевые проблемы их развития и как можно (нельзя) их решать? Какие ареалы заслуживают более детального анализа?» (С. 9). Эти вопросы соотносятся с констатацией текущего пространственного развития России с ее усиливающимся межрегиональным неравенством, внутрирегиональным социально-экономическим расслоением, сжатием освоенных пространств по направлению к главным центрам страны, социальным опустошением давно заселенных районов, что усиливает контрасты и отставание большинства сельских территорий и малых городов по уровню и качеству жизни населения от крупных центров.

Книга состоит из шести частей. В первой, во многом теоретической, части, распадающейся на две главы, исследуется староосвоенность — как аналитический конструкт с особенностями идеологического восприятия староосвоенных районов в советское и постсоветское время. Вторая часть, состоящая из пяти глав, характеризует социально-экономические трансформации России в XX и XXI века и траектории староосвоенных территорий в динамике волн индустриализации и этапов урбанизации. Здесь же анализируются хронологические этапы сельского расселения и география сельского хозяйства, изменения институциональных условий и особенности пространственной мобильности населения. Третья часть с ее шестью главами посвящена центральным районам России: особенно подробно исследуется пристольичное Нечерноземье, хотя для сравнения упоминаются северо-западные и черноземные регионы. По данным муниципальной статистики и картографирования дешифрованных космических снимков анализируются изменения в расселении и депопуляции сельских районов, фиксируются зоны заброшенных и обрабатываемых земель, постсоветские тренды в организации животноводства. Отдельная глава освещает вопросы дачного освоения сельских территории не только в пригородных зонах, но и в удаленных районах глубинки — в российской науке это актуальная тема [1]. Также отдельная глава посвящена проблемам сохранения культурного наследия русской провинции в условиях ее пространственной поляризации.

Самая обширная четвертая часть состоит из девяти глав. В ней представлены полевые и статистические исследования отдельных регионов, муниципальных районов и городов Центральной России. Часть начинается со статистического анализа муниципальных образований по двум географическим профилям, напоминающим на карте ножницы: первый — от Ленинградской области через Москву до южных районов Тульской области, второй — от Юга Калужской области через Москву до Ярославской и Костромской областей. Эта модель позволила показать контрасты социально-экономического разви-

тия пристоличного Нечерноземья по разным параметрам. Главный движитель развития — Московский столичный регион — рассмотрен в отдельной главе с учетом околостоличных центров экономического роста в специфике миграций населения Москвы и Подмосковья. Северо-восточный сектор исследовался еще более тщательно — на уровне сельских поселений и предприятий. На примере Ярославской области демонстрируются причины, направления и последствия разных видов мобильности населения, а также возможные методы ее изучения. Полимасштабные исследования Костромской области также доходят до уровня отдельных муниципальных образований и деревень. Особая глава посвящена культурно-экономическим проблемам малых городов в контексте кризиса монопрофильности и местных инициатив. Заключительная глава этой части посвящена влиянию последнего пандемийного года на расселение и процессы дезурбанизации в ряде обследованных муниципальных образований.

Пятая часть с ее четырьмя главами описывает староосвоенные регионы Урала. Отдельная глава характеризует города Северного Урала, другая — районы Среднего Урала от Нижнего Тагила до Челябинска. Наконец, преимущественно равнинные территории за Уралом, к юго-востоку от Челябинска и в Курганской области, также описаны в особой главе. В этой части анализируется значение главных городских центров и малых промышленных городов-заводов, влияние крупных корпораций на экономическую и экологическую поляризацию Уральского региона. В заключение рассматривается специфика развития некоторых сельских уральских староземледельческих районов.

В шестой части книги осуществлен пространственный синтез результатов исследования — от западных границ через центр к Уралу: дается характеристика социально-экономического состояния городов, городских округов и муниципальных районов, а также пространственно-дифференцирующих факторов; выделены типы муниципальных образований на основе сочетания разных показателей муниципальной статистики. Причем этот анализ проведен не только на основе официальной статистики Росстата, но и на основе собственных расчетов и исследований.

Тщательное многомерное изучение истории и современности староосвоенных районов с многочисленными примерами из полевых исследований дало авторам возможность сформулировать в заключении книги впечатляющий набор аналитических выводов. Так, пространственное сжатие как страны в целом, так и ее староосвоенных регионов стимулируется концентрацией управленческо-экономической деятельности с востока на запад и с севера на юг, от периферий к крупным центрам и пригородам с сохранением на периферии лишь отдельных очагов социально-экономической жизнедеятельности. Эти пространственные градиенты развития во многом коренятся в истории освоения обширных российских пространств, разнообразии их природных

условий, особом значении крупных городов и их разреженном местоположении (в сравнении с большинством стран Запада). Исторические результаты развития староосвоенных районов в основном связаны с четырьмя видами пространственных различий: природно-зональными; макрорегиональными (особенно между центром, центрально-черноземными районами, Поволжьем и Уралом); межрегиональными (с их экономической, этнической, сельско-городской спецификой); внутрорегиональными градиентами, связанными с неравномерностью развития под влиянием крупных городов. Все эти эндогенные факторы организации пространства России (природные предпосылки, исторические особенности расселения, различия между пригородами и периферией регионов), чрезвычайно устойчивы и часто мало восприимчивы к политическим и институциональным инновациям.

При этом диапазон экономических показателей и условий жизни даже на малых дистанциях пространственной староосвоенности может быть удивительно обширным. Тем более что в постсоветский период экономическая поляризация усугубила контрасты между центрами и перифериями, крупными и малыми городами, райцентрами и селами. Общим итогом поляризации староосвоенных районов к настоящему времени стало «уплотнение» пространства, прежде всего, по мере приближения к Москве и к другим мегаполисам. Это тяготение к центрам стало препятствием для устойчивого развития не только староосвоенной части, но и всей страны. Авторы констатируют, что речь идет о продолжающейся обширной инволюции с явными признаками депопуляции и истощения человеческого капитала даже в большинстве староосвоенных регионов.

Тревожен один из основных и принципиальных выводов книги: «Социально-экономическая поляризация староосвоенных районов связана и со спецификой современных российских институтов, которые, возможно, сами того не желая, эту поляризацию усиливают. Преобразование муниципальной структуры в последние десятилетия в отрыве от естественных предпосылок организации пространства и исторически сложившегося расселения усиливает процессы поляризации, способствуя лишь более централизованному и далекому от нужд населения управлению. Для большинства районов первостепенен недостаток средств и полномочий местных властей при современной бюджетной политике. Угроза обвинений в “нецелевом расходовании средств” при попытках решить самые насущные и порой неожиданные проблемы убивает инициативу на местном уровне и стимулирует активных людей к отъезду» (С. 356).

В сельском хозяйстве наблюдается аналогичная картина усиления регионального неравенства, тем более что, в отличие от советского, современное российское сельское хозяйство — динамично развивающийся и модернизирующийся сектор экономики. Его кризис и реформирование в 1990-е годы привели к громадной концентрации производства в новых агрохолдинговых

структурах и одновременно к сжатию среднего звена предприятий. Подобная модернизация повысила производительность аграрного труда, стабилизировала продовольственное обеспечение городов, резко усилив при этом поляризационные аграрные контрасты. Сельское хозяйство в большинстве староосвоенных районов стало оазисным, очаговым, что привело к дезорганизации социально-экономической жизни многих сельских поселений исторического центра России — когда редкие новые корпуса крупных агропредприятий красуются посреди обширных пространств разрушенных ферм и полей, зарастающими лесом.

Из относительно положительных направлений аграрных преобразований авторы упоминают размещение новых агропромышленных комплексов в некоторых староосвоенных районах нечерноземной глубинки, но, как правило, с наилучшими природными условиями — например, в Ополье Нечерноземья или на границе Черноземья. Анализируя дешифрованные космические снимки, они отмечают отдельные процессы развития землепользования и животноводческих ферм в сельских регионах центральной России в сравнении с советским периодом. Впрочем, по мнению авторов, такие новые агропредприятия, как правило, «не укоренены» в сельской жизни — их головные офисы располагаются в крупных городах, при дефиците местной рабочей силы они часто используют труд иностранных мигрантов.

Авторы задаются чрезвычайно сложным вопросом, к которому подбирают неоднозначные варианты ответов: «Мы, исследователи, показываем лишь ход процессов и их возможные варианты с плюсами и минусами. Мы видим, что смена волн освоения, главных секторов экономики, а также стадий урбанизации в целом снижала устойчивость расселения, хотя и влияла на динамику его численности в разных районах по-разному. Помешать этому трудно в силу мощи процессов, подобных климатическим и тектоническим. Но является ли устойчивость территориальных структур благом, а изменчивость — злом? Однозначный ответ вряд ли возможен. Для неравновесных систем “застыть” — значит, скорее, деградировать. Здесь важнее темпы сдвигов и возможности экономики и населения к ним адаптироваться» (С. 357).

Где же искать выход в такой сложной и тревожной ситуации? По мнению авторов, необходимо обратить внимание, прежде всего, на культурный фактор в староосвоенных регионах: часто они обладают уникальным культурным наследием, доставшимся им от предыдущих широких волн освоения. Но, к сожалению, в условиях поляризации и сжатия пространства многие объекты культурного наследия на пустующей периферии забрасываются и разрушаются. Впрочем, их сохранение представляет серьезную проблему даже в крупных центрах с их ближайшими пригородами, где им угрожает разрушительный натиск бизнеса, преобразующий культурные ландшафты в интересах сиюминутной выгоды. Во многом это касается и природных ландшафтов, но и здесь имеется специфика староосвоенности: «Многие

схемы социально-экологической поляризации построены на разделении используемой населенной территории и неиспользуемой природной — экологического резерва без или с минимумом населения. Так сложилось на огромных пространствах Сибири. Но в староосвоенных весьма доступных районах (даже при плохих дорогах) ситуация не столь проста. Без социального контроля природные ресурсы сплошь и рядом эксплуатируются хищнически, что показывают примеры опустевших районов Костромской, Тверской, Вологодской и других областей. Леса нещадно вырубаются, периодически горят, а бывшие поля и леса зарастают сорной малоценной растительностью. Это часто оборачивается не экологическим раем, а разрухой, появлением диких и опасных ландшафтов» (С. 357).

К интересным выводам исследования следует отнести и утверждение, что изменение уровня освоенности в последнее время примерно соответствует тому пути, по которому она раньше расширялась, т.е. запустение пошло вспять по следам былой экспансии, сжимаясь к городам. Региональные столицы благодаря прогрессу транспорта и связи «сближаются» с Москвой и друг с другом, расширяя свои пригороды, но вокруг них расширяется инволюционная глубинка. В результате такой поляризации пространства истончаются промежуточные полупригородные и полупериферийные зоны. По мнению авторов, чтобы эта фатальная колея расширения периферизации не углублялась (радикальные задачи ее преодоления в исследовании не ставятся), требуется поддержка любых форм среднего и малого бизнеса и сохранение транспортной и социальной инфраструктуры там, где осталось местное население, куда стремятся приехать дачники.

Конечно, для противостояния расширению периферизации следует развивать и укреплять муниципальный уровень, но пока здесь не столько демография, сколько фискальная политика централизации оказывается особенно разрушительной для низовых возможностей самоуправления и самоорганизации. Как на депопулировавшихся, так и на перенаселенных территориях разрушаются исторически сложившиеся местные системы расселения, в то время как новые укрупненные центры муниципальных образований все равно маломощны и не в состоянии организовать устойчивую среду для местного развития. Так нарушается преемственность староосвоенности, отмирают «корни» местного самоуправления. «В России всегда на слуху и активно обсуждаются проблемы Крайнего Севера и Востока страны, ведь там, в отличие от старых районов, есть ресурсы для нового освоения. Хотя слово “отличие” надо ставить в кавычки. Разве ресурсы — это только нефть, газ, алмазы, золото? А земля, среднерусские ландшафты, их природа и артефакты исторического наследия и, главное, люди никому не нужны?» (С. 358).

По мнению авторов, люди как ценнейший природно-культурный ресурс староосвоенности прежде всего необходим миллионам дачников и туристов из крупных городов. Этой многомиллионной волной рекреационно-дачного

движения в деревню могла бы заинтересоваться и экономика, вкладываясь в создание современной сельской инфраструктуры. Но пока реальное население сельской местности и пригородов во многих районах периферии в дачный сезон и в праздники возрастает в разы, создавая параллельную, неформальную сеть пульсирующего расселения, не учитываемую статистикой. В этой сети создаются неформальные рабочие места как для россиян, так и для мигрантов, возникает малый бизнес, обслуживающий садовые и дачные поселки. Иными словами, в книге ставится вопрос о дачной экономике, сохраняющей трудовой потенциал сельской местности, но, с другой стороны, тормозящей дезурбанизацию западного типа. При этом опросы местного и дачного населения в разных регионах староосвоенности свидетельствуют, что большинство дачников, живущих летом в сельской местности, больше всего стремятся к сохранению местных традиций и памятников природы и культуры.

Хотя главный локомотив развития России — Московская агломерация, но и в ней авторам удалось обнаружить существенные центрально-периферийные различия. Здесь промышленность и сельское хозяйство под натиском быстро растущих городских кварталов и торгово-развлекательных логистических центров отодвигаются в удаленные районы Подмосковья, где у них возникают конфликты с дачно-рекреационным движением.

Детально исследованная в книге Ярославская область — характерный пример симбиоза исторических традиций с советской индустриализацией. Этой области также присуще более-менее динамичное развитие центра и отдельных райцентров, абсорбирующих инвестиции, часто поступающие из Москвы. Тем временем между ярославским центром и некоторыми успешными райцентрами расширяются и углубляются ареалы хозяйственного и социального опустынивания с вкраплениями относительно нового дачного сельского освоения территорий. Еще драматичнее пространственная поляризация проявляется в Костромской области, где костромская юго-западная окраина еще сохраняет остатки славного старо-текстильного прошлого времен ранней индустриализации и урбанизации, в то время как костромское Заволжье («Костромская Сибирь») остается природно-ресурсной сферой почти исключительно для лесопромышленного комплекса. И здесь авторы обращают внимание на некоторые возможности симбиоза очагового сельского и массового лесного хозяйства с дачным существованием горожан, часто и москвичей. В таких медвежьих углах «малые» повседневные дела местных сообществ имеют более важное значение, чем некоторые крупные проекты центральных регионов.

Малые города также наглядно доказали разнообразие локализации национальных и региональных трендов освоения и реосвоения наследия староосвоенности. Глубинное погружение в жизнь трех городов (Ростов Великий, Тейково и Боровичи) убедительно продемонстрировало, что советская форсированная индустриализация обусловила нынешний структурный кри-

зис с потерей влияния на жизнь этих городов их главных градообразующих предприятий. В этих условиях особое значение имеют местные культурные инициативы, сохраняющие и развивающие историческое наследие, стиравшееся политикой советской и постсоветской унификации [6]. Именно в малых городах огромную роль играют личности, особенно союзы единомышленников — толковых и квалифицированных руководителей муниципалитетов с энтузиастами развития локальной культуры.

Обращаясь к Уральскому региону, в том числе к Зауралью, авторы отмечают относительную молодость уральской староосвоенности, для которой, впрочем, также характерна временная волнообразность освоения — разные освоенческие исторические пласты, сменяя друг друга, как бы возвращаются со следующей волной, и даже в разрушительных и длительных кризисах наследие предыдущих волн не исчезает бесследно. Так, на Урале старинную черную металлургию сменяли отрасли выплавки меди и добыча золота, а, угасая, они уступали место возрождаемой черной металлургии, но затем снова вперед выходили отрасли, связанные с цветной металлургией. Авторы подчеркивают, что основное отличие староосвоенных районов Урала от центра страны — опора на разнообразные природные горные ресурсы, что предопределило высокую долю в уральской экономике добычи сырья и продукции его первого передела. На Урале исторически локомотивом развития был крупный сырьевой бизнес, ориентированный в значительной степени на экспорт. И до сих пор на Урале крупные горно-металлургические корпорации в значительной степени контролируют жизнь городов и целых районов.

В современной Уральской регионалистике наблюдаются существенные особенности развития. Север Свердловской области, достигнув пика стремительного развития полвека назад, теперь находится в сложной ситуации. Его черная металлургия еще по инерции функционирует, в то время как отрасли цветной металлургии почти полностью демонтированы. На смену местной металлургии пытаются прийти отрасли машиностроения и деревообработки, приобретая статус градообразующих отраслей, но и их состояние неустойчиво. Остается надеяться, что города Северного Урала, в истории неоднократно находя возможности выхода из кризиса, и сегодня уловят импульсы развития.

Тем временем в районах Среднего Урала господствуют постсоветские тренды концентрации экономики, прежде всего, в местах с лучшими конкурентными преимуществами. В результате возрастает мощь крупнейших центров и агломераций, прежде всего Екатеринбурга и Челябинска, что сопровождается потерей населения и упадком экономики большинства остальных, в основном депрессивных, территорий. В этом Средний Урал схож с Центральной Россией, где Екатеринбург является уменьшенным аналогом Москвы, привлекающим мигрантов и ресурсы не только внутри своей области, но и из окрестных регионов, прежде всего Челябинской области и Пермского края. Авторская реконструкция новейшей истории эволюции отдельных

городов показывает, что усиливается роль промышленной специализации и зависимость большинства районов от химических и металлургических предприятий, входящих в состав крупнейших компаний. Исключение составляют города с градообразующими предприятиями оборонно-промышленного комплекса. В целом экономическая поляризация и экологические контрасты на Урале проявляются, пожалуй, даже резче, чем в Центральной России. При этом парадоксальным образом Средний Урал в экологическом смысле является собой причудливую мозаичную композицию опасных очагов загрязнения с обширными пространствами относительно чистой и исключительно живописной природы.

На юго-востоке от Челябинска авторы обследовали пограничную зону длительного взаимодействия оседлых и кочевых культур лесостепи. Эта почти равнинная территория (Южный Урал, Южное Зауралье, Юго-Западная Сибирь) запечатлела несколько волн освоения, которые при устойчивости географических структур причудливым образом предопределяли различия в развитии населенных мест. Здесь изначальные пункты оборонительных линий российской государственности в дальнейшем меняли милитаристскую специализацию на аграрную и торговую-транспортную. Советская индустриализация расширила шахтную добычу, дополнив ее эвакуацией оборонных предприятий во время войны. В постсоветские времена территория между Челябинском и Тюменью оказалась в невыгодных экономических условиях, но наблюдаются и исключения, противостоящие депрессии, зависящие от уникального экономико-географического положения, ниш экономической специализации, историко-культурного наследия.

Чрезвычайно интересен опыт систематизации и типологизации муниципальных образований от западных границ через центр до Урала и ближнего Зауралья. Эта типология призвана выявить особенные сочетания характеристик муниципальных образований, отражающих исторические и современные преимущества и ограничения их развития. В основу типологии положена диагностика социально-экономического положения муниципалитетов и анализ факторов, на него влияющих (историко-природные основы, географическое положение и др.). Созданная в разрезе муниципальных образований коллекция карт демонстрирует, что роль больших городов (зоны их влияния на окружающие территории) зависит не только от размеров городов, но и от других условий, таких как природные ландшафты, исторические и этнические особенности расселения, специфика урбанизированности и экономическая специализация (в русле [3]).

Свою книгу авторы завершают следующим утверждением: «Как известно, новое — еще не синоним хорошего, а старое не обязательно означает плохое. Староосвоенные районы с их наследием и нередко со второй, третьей, четвертой по счету молодостью по-своему подтверждают эту истину. Их нуж-

но знать, понимать и — не побоимся этого слова — уважать больше, чем новые районы, хотя бы самые перспективные» (С. 362).

Признаем, что авторы проявили глубокую любознательность в постижении феномена староосвоенности, а также высокую квалификацию, применяя междисциплинарную батарею методов — от дешифровки космических снимков до феноменологических интерпретаций глубинных интервью — к изучению обширных российских пространств. Их вывод достаточно однозначен — в подавляющем большинстве российских староосвоенных регионов по-прежнему нарастают и усиливаются тенденции поляризации центра–периферии, что в полной мере проявляется в двух макрорегионах исследования — в Центральной России и на Урале. К сожалению, авторы не затронули вопрос провинциальной региональной кооперации в сельских староосвоенных районах [2]. Новейшая тенденция периферизации даже староосвоенных регионов свидетельствует о политэкономической косности господствующего механизма государственного и муниципального управления (мерами централизации всего и вся), стремящегося контролировать центрально-периферийные перекосы пространственного развития, но часто лишь их усугубляющего.

Тем не менее, от прочтения книги не возникает ощущения уныния и невозможности преодолеть дальнейшую периферизацию России. Главная причина такого оптимизма — убедительная демонстрация того факта, что волны периферийного распада часто проявляли себя и в историческом прошлом российских регионов, но большинство из них находили силы для выработки новых направлений развития. Кроме того, в книге приведено много примеров успешных муниципальных, предпринимательских, активистских местных инициатив, которые свидетельствуют, что борьба за использование ресурсов староосвоенности для устойчивого развития регионов еще только начинается.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Библиографический список

1. *Аверкиева К.В.* Пора валить в деревню. По материалам круглого стола на форуме «Устойчивое развитие сельских территорий» // *Крестьяноведение*. 2021. Т. 6. № 1.
2. *Божков О.Б., Никулин А.М., Полещук И.К.* Сельская кооперация в северном Нечерноземье: официальные и неформальные практики // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2020. Т. 20. № 4.
3. *Виноградская О.Я.* Осмысление итогов земельной реформы 1990-х годов: тридцать лет спустя // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2022. Т. 22. № 1.
4. Дискуссия по докладу Т.Г. Нефедовой «Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности в староосвоенных регионах Центра России» // *Крестьяноведение*. 2021. Т. 6. № 1.
5. Староосвоенные районы: генезис, исторические судьбы, современные тренды развития / Под ред. В.Н. Стрелецкого. М., 2019.
6. *Троцук И.В.* Новый взгляд на старые проблемы российской периферии // *Крестьяноведение*. 2022. Т. 7. № 1.

7. Троцук И.В. «...Поиски лучшего мира должны опираться на доскональное знание географии...» // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 1.
8. Троцук И.В. Социальные аспекты российской географии: новый виток наблюдений за трансформациями межстоличного пространства // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 4.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-439-450

Peripherization of the old-developed Russian regions*

A.M. Nikulin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571, Russia
(e-mail: harmina@yandex.ru)

Abstract. The article is a review of the book *Old-Developed Regions in the Sociogeographic Space of Russia: History and Contemporaneity* prepared by a team of authors under the scientific editorship of T.G. Nefedova and A.V. Starikov (Moscow: Association of Scientific Publications KMK, 2021. 379 p.). The book is the result of the long-term research project “Development of the old-developed areas under the social-economic polarization and shrinkage of the developed space in European Russia” supported by the Russian Science Foundation in 2019–2021. The authors of the book note that it is time to abandon unrealistic declarations about the further development of all regions of the country, and to start rethinking the significance of the old-developed Russian regions and the possibilities of their re-development on the basis of their accumulated cultural heritage and human capital. The research focuses on two macro-regions of the Russian Federation — Central Russia and the Urals. The study is multiscale and interdisciplinary, it combines a variety of quantitative and qualitative methods of social sciences. Despite the statement that there is a further polarization and shrinkage of the developed Russian spaces, the authors find many confirmations of the possibilities of self-organization and sustainable development in the old-developed regions for the benefit of the whole country.

Key words: old-developed regions; economic reforms; spatial polarization; center and periphery; human capital

Funding

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program.

*© A.M. Nikulin, 2022

The article was submitted on 20.01.2022. The article was accepted on 15.04.2022 г.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-451-460

Феномен дружбы в контексте изучения социального благополучия*

М.В. Субботина

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: subbotina_mv@pfur.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу Л. Денворт «О дружбе. Эволюция, биология и суперсила главных в жизни связей» (М.: CORPUS, 2022. 364 с.). В книге предпринята попытка объединить и проанализировать различные подходы (от биологических до социологических) к изучению дружбы. Несомненно, дружба является сложным явлением, которое до сих пор не получило должного внимания со стороны ученых. Несмотря на то, что Денворт в качестве основной темы заявляет дружбу, в книге рассматриваются социальные отношения в целом, их влияние на человека, его благополучие и здоровье. Помимо феномена дружбы, автор затрагивает вопросы одиночества, травли в школах и влияния социальных сетей на взаимоотношения между людьми. Уделяя особое внимание исследованиям ученых-приматологов, Денворт пытается найти ответ на вопрос об эволюционных истоках дружбы. В рецензии обозначены как сильные стороны книги, так и те ее аспекты, что требуют более тщательного анализа. Для контекстуализации книги в рецензии рассмотрены социологические исследования, посвященные дружбе, и работы по схожей проблематике.

Ключевые слова: дружба; социальное взаимодействие; счастье; благополучие

На сегодняшний день феномен дружбы — один из самых неизученных, особенно если сравнивать его с такими относительно близкими понятиями, как любовь или родственные отношения. Дружба долгое время игнорировалась исследователями как нечто эфемерное и не заслуживающее пристального внимания, но сегодня ученые признают, что дружба — один из важнейших факторов, влияющих на социальное благополучие.

В словарях определения дружбы слишком однозначны и не обладают большим числом вариаций. Так, под дружбой понимают: избирательно-личностные отношения между людьми, которые базируются на взаимном признании, доверии, доброжелательности и заботе [8]; отношения между людьми, основанные на взаимной привязанности, общности интересов и духовной близости [9]. В определениях дружбы часто встречаются такие критерии, как бескорыстие, поддержка, самоотверженность, уважение, а в качестве синонимов дружбы предлагаются единство, братство,

* © Субботина М.В., 2022

Статья поступила 15.12.2022 г. Статья принята к публикации 15.04.2022 г.

приятельство, товарищество, т.е. характеристики разной степени близости между людьми.

Согласно опросу ВЦИОМ 2013 года, под настоящим другом 22 % россиян понимают верного и преданного человека, 21 % — готового прийти на помощь в трудную минуту, 19 % — порядочного, надежного и умеющего хранить тайны, 10 % — близкого по духу и умеющего выслушать, 5 % — доброго, способного разделить и горе, и радость; причем 7 % считают своими друзьями родственников и супругов. Россияне отмечают, что с друзьями легче жить, они помогают избежать одиночества. Почти треть тех, у кого есть друзья, сообщают, что за последние 2-3 года их круг расширился (в среднем добавилось три новых друга), и в основном приобретение новых друзей характерно для молодежи (43 %) [3]. Опрос 2019 года уточняет, что разница в возрасте не является препятствием дружбе (у 84 % есть друзья из другого поколения); дружба между мужчинами и женщинами тоже не редкость (у 82 % есть друзья противоположного пола, чаще это молодежь в возрасте 25–34 лет — 92 %, люди с высшим образованием — 90 % — и жители столиц — 89 %). Чуть реже встречается дружба между людьми разных национальностей (64 %), еще менее распространена дружба между людьми разного вероисповедания (52 %), что подтверждает гипотезу о схожем мировоззрении как основе дружбы [2].

Согласно опросу ФОМ в 2011 году, 49 % россиян считают, что дружба — это готовность помогать в любой ситуации, 27 % — доверие и честность, 16 % — взаимопонимание и общие взгляды, 9 % — постоянное общение, 6 % — привязанность, 5 % — сочувствие и умение прощать, но 12 % затруднились с ответом [1]. Опрос 2013 года показал, что у 49 % россиян есть друзья, с которыми они знакомы с дошкольного возраста, у 72 % — со школьной скамьи, у 64 % — университетские друзья, у 85 % — друзья с работы, у 22 % — друзья, с которыми они познакомились в Интернете. 93 % разделяют понятия «друг» и «приятель»: 49 % отмечают, что с другом более близкие и глубокие отношения, 28 % — что с приятелями просто приятно проводят время, 27 % — что на друга, в отличие от приятеля, можно положиться, а 6 % — что перед друзьями есть обязательства, а перед приятелями нет. 57 % уверены, что лучше, когда у человека немного друзей, т.е. не верят, что поистине близких людей у человека может быть много. У 73 % есть друзья другой национальности, у 56 % — другого вероисповедания, у 49 % — с другими политическими взглядами, у 67 % — с несовпадающими увлечениями, т.е. политические взгляды чаще других различий оказываются камнем преткновения в вопросах дружбы [5].

Большая часть исследований дружбы датированы 2011–2013 годом, самые поздние проводились в 2019 году, тогда как современные опросы по тематике дружбы, как правило, направлены на выявление того, какие страны россияне относят к дружественным (взаимовыгодное партнерство, солидарность, сотрудничество и взаимопомощь).

Таким образом, если обобщить трактовки дружбы и результаты исследований, то можно сделать вывод, что, хотя определения дружбы достаточно очевидны, данный феномен обладает рядом неоднозначных аспектов. Возможно, имеет смысл классифицировать дружбу по нескольким основаниям: выдающаяся, повседневная (аналогично разведению героизма и повседневного героизма [11]) и квази-дружба. К первому типу можно отнести идеализированные представления о дружбе: самоотверженность, готовность прийти на помощь другу и т.д., т.е. проявления дружбы в особых жизненных обстоятельствах («друг познается в беде»). Поскольку люди не всегда сталкиваются с экстремальными ситуациями и трудностями, когда им нужна помощь, но при этом называют определенных людей своими друзьями, следует говорить и о повседневной дружбе — это близкие отношения, которые не требуют каких-то жертв или усилий: умение хранить тайны и выслушать, наличие схожих интересов и/или мировоззрения, совместное проведение досуга и т.д. К квази-дружбе можно отнести те отношения, что строятся на взаимной выгоде, хотя люди не всегда осознают, что поддерживают те или иные отношения ради выгоды, причем такой тип дружбы может быть одним из столпов социального благополучия. С одной стороны, возможно, не стоит перегружать обыденное понятие «дружба» сложными терминами и модификациями, даже если такие разграничения могут внести некоторую ясность в изучение данного феномена.

Книга — не первая попытка анализа дружбы, и следует назвать известную работу Игоря Кона «Дружба», где систематизированы основные аспекты этой проблематики, включая функции и типы дружбы, поэтому в рецензии будут делаться отсылки к этому тексту. Например, И. Кон, ссылаясь на Аристотеля, выделяет три типа дружбы: утилитарную — основанную на взаимной выгоде (своего рода квази-дружба); гедонистическую — общение с человеком, которое доставляет удовольствие; нравственную — бескорыстное общение, когда люди любят своего друга просто так [4. С. 30].

На первый взгляд дружба кажется простым явлением, но стоит немного углубиться в данную тему, как становятся очевидны ее многогранность и неоднозначность, явно требующие междисциплинарного подхода. Именно такой подход и предлагает Лидия Денворт, предпринимая попытку объяснить феномен дружбы через его эволюционные истоки (биологические и психологические) и многочисленные примеры из личного жизненного опыта. Складывается впечатление, что книга повествует не столько о важности дружбы (что автор постоянно подчеркивает), сколько о важности социальных контактов в целом (например, о значении материнской любви для здоровья и выживания младенцев — С. 42). Основной посыл книги можно выразить фразой: дружба положительно сказывается на здоровье и продлевает жизнь, а одиночество приводит к болезням и снижает общий уровень благополучия. Далее будут обозначены основные социальные аспекты дружбы, согласно книге, тогда

как ее биологические исследования будут упоминаться лишь вскользь (чтобы не вступать с автором в заочную дискуссию).

С одной стороны, Денворт активно интересуется изучением мозга и разработкой карты связей между нейронами, с другой стороны, убеждена в необходимости составить аналогичную карту связей между людьми (С. 13). По ее мнению, исследователи давно изучают связи между родственниками и влюбленными, но крайне редко обращают внимание на дружбу и взаимоотношения друзей. Согласно Денворт, дружба — отражение базовой потребности в принадлежности к сообществу, однако, в отличие от брачных отношений, дружба не способствовала выживанию вида (забегая вперед, отметим, что новые данные говорят об обратном) и слишком эфемерна, чтобы восприниматься как серьезный объект для изучения (С. 14). Долгое время дружба считалась культурным феноменом, изобретением современного общества, которое не способствует выживанию, но придает ему ценность (С. 15). Причем дружбу недооценивают не только ученые, но и люди, не проводя достаточно времени в компании друзей, отдавая предпочтение семье и решению бытовых вопросов. Также сегодня слово «друг» несет смысловые потери, обусловленные влиянием социальных сетей: во многих социальных сетях «друзья» — это все те, кто просто подписался на вашу страницу. В целом у дружбы нет четко очерченных границ: одни используют слово «друг» как обобщающий термин или обращение, другие берегут его для узкого круга избранных (С. 38). Соответственно, слова «друг» и «дружба» можно причислить к списку понятий с неоднозначными коннотациями («счастье», «справедливость», «героизм» и т.д. [7]).

Кон также обращает внимание на то, что в России долгое время не было научной литературы, адекватно отражающей тему дружбы, — ее место занимали брошюры с назидательными текстами, которые подменяли реальные проблемы «слащавыми, а то и вовсе лживыми рассказами о дружбе Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина» [4. С. 6]. Все попытки представить дружбу в качестве объекта научного изучения сталкивались либо со скепсисом, либо с полным неприятием.

В книге Денворт прослеживается два условных подхода к анализу дружбы: естественно-научный и социально-психологический. Так, автор описывает исследования приматологов, рассказывая о своей поездке на остров Кайо-Сантьяго, где находится созданная еще в 1930-е годы колония обезьян. Денворт считает изучение взаимоотношений обезьян необходимым для более глубокого понимания природы человеческих отношений: отношения приматов не подвержены культурному «напылению», т.е. сохраняют «чистый вид»; также в изучении отношений обезьян люди избегают ловушки субъективности, характерной для исследования самих себя (С. 55).

Анализируя поведение приматов, чтобы отследить «зарождение человеческого поведения», ученые обнаружили, что у животных присутствует тяга

к социальности (к другому); царит жесткая иерархия; животные осознают, что доброта порождает доброту и позволяет формировать союзы (что позитивно сказывается на положении в стае и благополучии особи); у приматов прослеживается альтруистичное поведение (обоснованное эволюционно); приматы, потерявшие «друзей», чтобы не оказаться в социальной изоляции, стараются наладить контакты с теми, с кем ранее враждовали. Все эти наблюдения перекликаются с поведением людей, что, по словам автора, доказывает тот факт, что дружба зародилась на заре человечества (поэтому были выбраны приматы — животные, наиболее близкие человеку). Впрочем, Кон утверждает, что если смотреть на дружбу исключительно с позиций эмоциональной привязанности, то такой вид отношений характерен и для животных, хотя, конечно, люди не могут знать, что именно переживают животные. Тем не менее, можно выделить некоторые проявления взаимоотношений, встречающихся у животных, которые нельзя классифицировать иначе, чем дружба (действия, которые не сводятся к сексуальным или родительским отношениям): телесный контакт — прикосновения друг к другу, совместные передвижения и прием пищи, добровольный раздел дефицитных ресурсов (альтруизм), жесты расслабления (доверие), отсутствие агрессии, игровые ритуалы [4. С. 18].

Отходя от биологии и анализируя дружбу с позиции социально-гуманитарных наук, Денворт, в частности, ссылается на диалоги Платона: например, в «Лисиде» он повествует о том, как Сократ был приглашен группой молодых людей присоединиться к их беседе и принял приглашение, рассчитывая получить удовольствие от общения (С. 39) (хотя приятное общение может быть не связано с дружбой). Денворт приводит высказывание Аристотеля «друг — это второе я» (которое можно трактовать так, что друзья разделяют наше мировоззрение), ссылается на работы Адама Смита, который первым заговорил об эмпатии (это одно из важнейших условий дружбы), упоминает идеи Уильяма Джеймса, которые впервые связал психологические процессы с биологическими (для обоснования междисциплинарного подхода), и исследование самоубийств Эмиля Дюркгейма, согласно которому люди интегрированы в социальные группы, и эти группы оказывают на них прямое воздействие (С. 40). Все типы самоубийств, выделенные Дюркгеймом, связаны с влиянием общества — либо слишком сильной, либо недостаточной интеграцией, однако Денворт трактует дюркгеймовскую аномию как социальное отчуждение, хотя речь идет скорее о социальной дезорганизации.

Говоря об альтруизме как одном из оснований дружбы, автор ссылается на эволюционного биолога Джорджа Уильямса: индивиды, которые максимизируют позитивные дружеские контакты и не вступают в конфронтации, получают эволюционное преимущество, т.е. имеют больше шансов на выживание и лучшее качество жизни. С биологической точки зрения помощь себе подобным объясняется тем, что выживание вида важнее, чем выживание ин-

дивида (С. 61), т.е. социальное поведение предопределено биологически, хотя данная идея вызвала шквал критики (С. 64).

Глава «Невидимые нити дружбы» раскрывает основную идею книги — о позитивном влиянии дружбы на здоровье. Автор приводит примеры исследований, доказывающих, что у тех, кто может похвастаться широким кругом общения, иммунитет и в целом здоровье лучше, чем у одиноких людей. По сути, все эти исследования лишь констатируют данный факт, обозначая наличие корреляции между социальными связями и состоянием здоровья, но объяснений возникновения такой корреляции в книге нет. Одна из более-менее объективных версий, которые предлагает автор, заключается в том, что те, у кого много друзей, могут получить помощь во время болезни — либо лично от друзей, либо благодаря их связям (проявление квази-дружбы).

Очевидно, что, изучая феномен дружбы, невозможно не затронуть проблему одиночества. Хотя на русском языке книга была опубликована в 2022 году, ее англоязычный вариант вышел в начале 2020 года, а большинство упомянутых исследований датированы 2018 годом, т.е. книга не затрагивает период пандемии коронавируса, когда вопросы одиночества и взаимопомощи актуализировались. Например, было рассмотрено влияние одиночества, спровоцированного социальной изоляцией, на здоровье — жители Северной Америки подверглись «эпидемии одиночества»: в период пандемии круг общения у людей сократился, как число «доверенных лиц», с которыми люди поддерживали контакты по сети. Ученые зафиксировали связь между одиночеством и ухудшением здоровья (не медицинские показатели, а самоощущение): чем более одиноким чувствует себя человек, тем хуже его самочувствие и самооценка здоровья [10]. Конечно, это несколько сомнительный подход, учитывая смещения самооценок здоровья: если люди чувствуют себя одинокими или находятся в упадническом настроении, вероятнее всего они будут негативно оценивать свое общее состояние и здоровье.

Продолжая тему влияния социального взаимодействия на самочувствие и здоровье людей, автор обращает внимание на амбивалентные отношения — те, что приносят человеку как позитивные эмоции, так и негативные. Согласно исследованиям, на которые ссылается Денворт, такие отношения оказывают на людей разрушительное воздействие, т.е. негатив оказывает более осязаемое влияние, чем позитивные эмоции (С. 120). То, что автор выделяет такие отношения в отдельную категорию, достаточно спорно, поскольку все отношения в той или иной степени амбивалентны: даже в самых гармоничных отношениях бывают негативные моменты, а самые деструктивные отношения несут какой-то позитив, иначе были бы невозможны. Упомянутые исследования были бы надежными, если бы можно было измерить уровень и соотношение позитивных и негативных эмоций (что невозможно) — чтобы сделать вывод, какие отношения следует считать амбивалентными; и если бы было

дано определение негативного в отношениях (скандалы, отсутствие поддержки, отсутствие общих интересов и т.д.) — пока же акцент сделан на разочаровании от неоправданных ожиданий.

Очень многие поднятые Денворт вопросы не связаны с дружбой. Например, она отмечает, что гомосексуальные мужчины, скрывавшие свою сексуальную ориентацию, тяжелее переносили СПИД и умирали быстрее, чем открытые геи, поясняя, что стигматизация как форма социального стресса усиливала активность вируса (С. 125). Это наблюдение встраивается в концепцию влияния социальных отношений на здоровье, но никак не связано с вопросами дружбы. Тем не менее, большинство аспектов дружбы Денворт освещает, например, особенности дружбы у детей школьного возраста. Автор рассуждает о важности неформальных коммуникаций (скажем, во время школьных обедов) для становления личности ребенка: диалоги друзей намного глубже и содержательнее, чем разговоры одноклассников; у тех школьников, кто лишен дружеской компании, высок риск развития низкой самооценки, тревожности и депрессии (С. 141); буллинг выступает стратегическим ходом для завоевания и удержания статуса. Ученые задались вопросом: если у ребенка, который подвергался травле, есть друг, столкнувшийся с такими же проблемами, делает ли это его жизнь еще хуже или, наоборот, помогает: оказалось, что наличие друга помогает справиться с проблемами, а не усугубляет их, и дети, у которых есть хотя бы один друг, реже подвергаются травле (С. 142).

Кстати, Кон посвятил детской дружбе целый раздел книги, анализируя, как складывается детская дружба и чем обусловлена потребность в ней. Как и Денворт, Кон считает, что наличие или отсутствие друзей говорит о «статусе» ребенка среди сверстников, позволяет выявить и сравнить лидеров и аутсайдеров, уровень общительности детей и их коммуникативные стили; круг друзей помогает отследить личностные сходства и выявить социальные (и психические) потребности детей. В контексте изучения дружбы психологи анализируют и ее «обратную сторону» — вражду [4. С. 180].

Глава «Круги дружбы» наиболее интересна для социологов: здесь описано исследование телефонных звонков — ученые отобрали 2,5 миллиона мужчин и 1,8 миллионов женщин и проследили, кому они звонят, как часто и насколько продолжительны их разговоры. К категории «лучшие друзья» исследователи отнесли собеседников того же пола и возраста, отметили, кто из собеседников был инициатором звонка. Так, пик «любовных» звонков (ровесникам противоположного пола) приходится на 28 лет, и исследователи увидели, как люди отворачиваются от друзей, предпочитая им своих партнеров. К 30 годам друзья снова занимают существенную долю телефонного времени, хотя это может означать и нехватку времени на личные встречи. В возрасте 29–45 лет количество звонков партнерам/супругам уменьшается, вероятно, потому что люди начинают жить вместе, а количество звонков друзьям возрастает. У лю-

дей преклонного возраста телефонное время равномерно распределено между представителями трех поколений — друзьями, детьми и внуками (С. 193). К сожалению, возрастное распределение респондентов не указано и описание результатов начинается со звонков 28-летних, т.е. звонки подростков не учитывались, хотя звонки подростков были упомянуты в характеристике телефонного общения пожилых людей (звонки внукам).

Если говорить о культурном разнообразии трактовок дружбы, то его хорошо иллюстрирует «дилемма пассажира» (С. 196): респондентам задан вопрос «Если бы ваш друг превысил скорость за рулем и сбил человека, стали бы вы на суде свидетельствовать, что он ехал с допустимой скоростью? При условии, что свидетелей не было, и ваши показания спасли бы друга от серьезных проблем». Опросив 30 тысяч респондентов из 13 стран, социологи выяснили, что американцы и жители Северной Европы не будут лгать ради защиты друга, 30 % японцев и французов солгут, как и 70 % венесуэльцев. Денворт высказывает интересное предположение, что готовы солгать, как правило, жители стран, которые не доверяют социальным институтам, поэтому в трудной ситуации рассчитывают на помощь друзей, а не официальных структур (С. 197). Таким образом, дружба может строиться и на соображениях выгоды, хотя данное предположение противоречит такому критерию дружбы как бескорыстие (можно сделать оговорку, что люди, готовые солгать ради друзей, делают это скорее неосознанно, не продумывая личную выгоду; здесь же интересно соотношение понятий дружбы и справедливости).

В главе «Цифровая дружба» Денворт подробно разбирает проблему обесценивания дружбы, которая все чаще упоминается в исследованиях социальных сетей: вопрос о том, действительно ли мы можем назвать друзьями кого бы то ни было, сегодня стал поистине экзистенциальным (С. 222). Денворт приводит растущую статистику использования мобильных телефонов и регистрации в социальных сетях, опровергая стереотипы, что присутствие в социальных сетях и виртуальное общение негативно сказывается на нашем социальном самочувствии и заставляют людей чувствовать себя более одинокими. Наоборот, социальные сети позволяют нам поддерживать общение с друзьями и родственникам, если мы не можем часто видеться, т.е. люди, использующие социальные сети, имеют больше тесных отношений и социальной поддержки (С. 229).

В завершающей части Денворт продолжает тему влияния дружбы на здоровье, описывая жизнь пожилой женщины, которая осознала, что у нее нет никого, кто бы мог о ней позаботиться. Чтобы справиться с одиночеством, женщина присоединилась к инициативе «Обмен поколений», в рамках которой пожилые люди сотрудничают с начальными школами — общаются с детьми и помогают им осваивать учебную программу. Участие в проекте помогло героине почувствовать себя нужной и тем самым улучшить свою жизнь и здоро-

вье (С. 304). Вскользь в этой части упоминается, что, работая в проекте, героиня нашла новых друзей — их объединила общность интересов, т.е., по сути, речь опять идет не о дружбе, а о социальных связях.

Кон, затрагивая в своей книге тему дружбы у пожилых людей, утверждает, что для них дружба обретает новый смысл — наличие близких друзей становится одним из важнейших критериев благополучия, наравне со здоровьем и финансовым достатком. Говоря о потребностях пожилых, Кон отмечает, что, хотя общение со сверстниками может быть предпочтительным, исходя из принципа сходства интересов, общение с молодыми людьми оказывает лучший эффект. Основная проблема пожилых — поиск благодарного слушателя, а общение со сверстниками не всегда может удовлетворить эту потребность, поскольку они тоже хотят рассказывать, а не слушать [1. С. 237].

В целом книга Денворт вызывает смешанные чувства: с одной стороны, это масштабный труд, посвященный всестороннему изучению социальных отношений и их влияния на человека (акцент сделан на биологии, но в самом начале отмечено, что книга не будет исключительно социально-психологической). С другой стороны, информация представлена в книге несколько хаотично, названия отдельных глав не вполне соотносятся с их содержанием, и значительная часть информации весьма опосредованно относится к феномену дружбы. Несомненно, дружба — одно из проявлений социальных взаимоотношений, поэтому для ее изучения необходимо охватывать и смежные вопросы, но в таком случае не вполне корректно название книги. И, наконец, работа не дает ответ на главный вопрос: почему кто-то становится нашим другом, а кто-то, при прочих равных, — нет?

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 20-011-00307 «Субъективное и объективное измерения счастья: справедливость как критерий личного и социального благополучия»

Библиографический список

1. Вот что значит настоящий, верный друг // URL: <https://fom.ru/TSennosti/10052>.
2. Дружить с другим полом: невозможное возможно?! // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/druzhit-s-drugim-polom-nevozmozhnoe-vozmozhno>.
3. Как и с кем мы дружим // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kak-i-s-kem-my-druzhim>.
4. Кон И.С. Дружба. СПб., 2005.
5. О друзьях и приятелях // URL: <https://fom.ru/TSennosti/11205>.
6. Троцук И.В., Савельева Е.А. «Статус» дружбы в мировоззренческом комплексе российской молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 9.
7. Троцук И.В., Субботина М.В. Социологическая трактовка понятий со сложной коннотацией: взаимосвязь героизма и счастья // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12.
8. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. М., 2004.

9. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М., 1983.
10. Bierman A., Upenieks L., Schieman S. Socially distant? Social network confidants, loneliness, and health during the covid-19 pandemic // *Social Currents*. 2021. Vol. 8.
11. Keczer Z., File B., Orosz G., Zimbardo P.G. Social representations of hero and everyday hero: A network study from representative samples // *PLoS*. 2016. Vol. 11. No. 8.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-451-460

The phenomenon of friendship in the social well-being study*

M.V. Subbotina

RUDN University

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: subbotina_mv@pfur.ru)

Abstract. The article is a review of the book by L. Denworth *Friendship: The Evolution, Biology, and Extraordinary Power of Life's Fundamental Bond* (Moscow: CORPUS, 2022. 364 p.). The book presents an attempt to combine and analyze various approaches (from biological to sociological) to the study of friendship. Certainly, friendship is a complex phenomenon in the sociological perspective, which has not yet received proper scientific attention. Despite the fact that Denworth declares friendship the focus of the research, the book examines social relations in general and their impact on the personal well-being and health. In addition to friendship, Denworth considers issues of loneliness, bullying in schools, and the influence of social networks on relationships. Denworth pays special attention to the research of primatologists in order to find an answer to the question about the evolutionary origins of human friendship. The review identifies both the strengths of the book and those aspects that require a more thorough analysis. To contextualize the book, the review also examines sociological studies of friendship and works on similar issues.

Key words: friendship; social interaction; happiness; well-being

Funding

The article was prepared with the support of the RFBR. Project No. 20-011-00307 “Subjective and objective dimensions of happiness: Justice as a criterion of personal and social well-being”

*© M.V. Subbotina, 2022

The article was submitted on 15.12.2022. The article was accepted on 15.04.2022.

НАШИ АВТОРЫ

Богданов Владимир Сергеевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: valarf@mail.ru).

Гишкаева Луиза Нахидовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (e-mail: gishkaeva-ln@rudn.ru).

Гнатик Екатерина Николаевна — доктор философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания Российского университета дружбы народов (e-mail: gnatik-en@rudn.ru).

Голенкова Зинаида Тихоновна — доктор философских наук, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: golenko@isras.ru).

Жубрин Иван Алексеевич — аспирант кафедры онтологии и теории познания Российского университета дружбы народов (e-mail: zubr455@mail.ru).

Зайнуллин Руслан Ильдарович — кандидат юридических наук, директор Института права Башкирского государственного университета (email: institutprava@bashedu.ru).

Иванов Андрей Владимирович — доктор философских наук, заведующий кафедрой философии Алтайского государственного аграрного университета (e-mail: ivanov_a_v_58@mail.ru).

Иванов Вилен Николаевич — доктор философских наук, член-корреспондент и советник Российской академии наук; главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: vilen_ivanov@bk.ru).

Каримова Людмила Федоровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления персоналом Пензенского государственного университета (e-mail: lyudmila_vyargizova@mail.ru).

Кошарная Галина Борисовна — доктор социологических наук, заведующая кафедрой социологии и управления персоналом Пензенского государственного университета (e-mail: k-galina1@yandex.ru).

Кирабаев Нур Серикович — доктор философских наук, заведующий кафедрой истории философии Российского университета дружбы народов (e-mail: kirabaev-ns@rudn.ru).

Киреева Ольга Феликсовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры информационных технологий факультета журналистики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (email: kirolga08@list.ru).

Кублицкая Елена Александровна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: eakubl@yandex.ru).

Макаренко Илона Анатольевна — доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета (e-mail: ilona475@mail.ru).

Масленникова Елена Викторовна — кандидат социологических наук, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Государственного университета управления (e-mail: ev_maslennikova@guu.ru).

Мотькин Роман Владиславович — младший научный сотрудник Научно-исследовательского института регионологии при Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарева (e-mail: motkin.r@gmail.com).

Мотькин Владислав Николаевич — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела-социопарка «Регионология» Научного центра социально-экономического мониторинга (e-mail: vlad.motkin@mail.ru)

Назаров Михаил Михайлович — доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (email: vy175867@yandex.ru).

Никулин Александр Михайлович — кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (email: harmina@yandex.ru).

Полутин Сергей Викторович — доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (e-mail: polutin.sergei@yandex.ru).

Попков Юрий Владимирович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (e-mail: yuripopkov54@mail.ru).

Почестнев Александр Анатольевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, психологии и социального менеджмента, руководитель отдела социологических исследований Московского авиационного института (национального исследовательского университета) (e-mail: apochestnev@yandex.ru).

Силкин Владимир Владимирович — доктор политических наук, декан факультета журналистики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: vv.silkin@igsu.ru).

Субботина Мария Владимировна — кандидат социологических наук, ассистент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: subbotinamv@rudn.ru).

Татарина Людмила Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии личности в системах управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (email: tatarinova-ln@ranepa.ru).

Терешкин Сергей Иванович — председатель правления Института исследований социального действия (e-mail: anoisd.info@mail.ru).

Троцук Ирина Владимировна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (email: irina.trotsuk@yandex.ru).

Хагуров Темыр Айтчевич — доктор социологических наук, проректор по учебной работе, качеству образования — первый проректор Кубанского государственного университета (e-mail: khagurov@mail.ru).

Чернозуб Олег Леонидович — кандидат социологических наук, председатель научно-технического совета Института исследований социального действия (e-mail: 9166908616@mail.ru).

Шарков Феликс Изосимович — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации; заведующий кафедрой общественных связей и медиаполитики факультета журналистики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (email: sharkov_felix@mail.ru).

Шебураков Илья Борисович — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности в системах управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (email: sheburakov-ib@ranepa.ru).

Шубрт Иржи — доктор философии, профессор факультета гуманитарных наук Карлова университета (e-mail: jiri.subrt@ff.cuni.cz).

Эбзеева Юлия Николаевна — кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков филологического факультета, первый проректор — проректор по образовательной деятельности Российского университета дружбы народов (e-mail: ebzeeva-yun@rudn.ru).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами:

- 1. Объем рукописи** — от 30 до 50 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 20 до 30 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
- 2. Все таблицы, схемы, графики и рисунки** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисовочные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
- 3. Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
- 4. В рукописях** необходимо приводить два списка ссылок на использованные в работе источники — «**Библиографический список**» и «**References**». Ссылки на источники в Библиографическом списке следует оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008; References — в стиле Vancouver в версии AMA. Требования к оформлению Библиографического списка и References приведены на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
- 5. К статье обязательно прилагаются:**
 - ♦ **аннотация** (резюме) объемом 250–300 слов на русском и английском языках;

- ◆ **список 7–8 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
- ◆ **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес; **в статье допускается не более четырех соавторов.**

Срок рассмотрения и принятия решения о публикации составляет не менее **шести** месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редакция не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации их материалов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, гео-графических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения редколлегии.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редколлегии.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в сети Интернет: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

Для отправки статьи в редакцию необходимо заполнить форму на сайте журнала <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, где также приведена подробная информация для авторов.

AUTHORS' GUIDELINES

The journal publishes articles on the methodology, history and theory of sociology, articles on the results of sociological and interdisciplinary studies covering a wide range of issues in social sciences and humanities written in Russian and English, as well as brief surveys and book reviews.

The editors will consider articles strictly complying with the following standards:

1. **The size of the manuscript** — from 30 to 50 thousand symbols for articles; from 20 to 30 thousand symbols for reviews. References are to be given in the text in square brackets, inside of which the first figure indicates the number of the source in the references list, the second one, following the capital letter “P”, indicates the page number in the source (for example, [1. P. 126]; references to several sources — [1. P. 126; 4. P. 43]). References to footnotes are to be given in round brackets, for example, (1).
2. All the **tables, diagrams, graphs, and drawings** are to be incorporated in the text of the article. They are to be numbered and supplied with a title. Tables are to be given a title placed above the table, drawings are to have captions. When several tables and/or drawings are used in the article, their numeration is obligatory.
3. **Formulas** are to be marked out, explained and provided with references.
4. The manuscript must include a list of references submitted in accordance with the Vancouver style of the AMA version. Requirements to ‘References’ can be found on the journal’s website: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. **It is obligatory to attach** the following to the manuscript:
 - ◆ **abstract (summary)** of 250–300 words in Russian and English;
 - ◆ **a list of 7–8 key terms** in Russian and English; each key term or word-combination is to be separated from another one with a semicolon;
 - ◆ **information about the author** in Russian and English, including: the author’s full name, the official name of the place of employment, position, scientific degree, as well as the **author’s contact data** — mailing address, telephone number (office, mobile), electronic address; **the number of co-authors cannot be more than four.**

The decision as to publication is made no less than within **six** months from the day the manuscript is registered at the editorial office. Materials which are not accepted for publication will not be returned. The editors will not enter into correspondence with the authors in case of refusal to publish the articles submitted by them.

The authors will bear full responsibility for the selection and authenticity of the given facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, geographical names and other information.

The published materials may not reflect the viewpoint of the editorial board and the editors.

The author, submitting a manuscript to the editors, undertakes not to have it published, either in full or partially, in any other publication without the editors' consent.

The published issues and abstracts of the articles are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

To send the article to the editors the author need to fill in a form on the website <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, which also provides the detailed information for authors.